РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

С О Ц И А Л Ь Н Ы Е
И
Г У М А Н И Т А Р Н Ы Е Н А У К И

О Т Е Ч Е С Т В Е Н Н А Я И З А Р У Б Е Ж Н А Я
Л И Т Е Р А Т У Р А

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2020 – 2

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год

МОСКВА 2020

DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел социологии и социальной психологии

Редакционная коллегия серии «Социология»:

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред.; *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук; *Л.Н. Верченов* – канд. филос. наук; *Л.Д. Гудков* – д-р филос. наук; *М.В. Ильин* – д-р полит. наук; *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук; *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук; *Н.Н. Федотова* – д-р соц. наук; *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук; *Е.В. Якимова* – канд. филос. наук; *Я.В. Евсеева* – отв. секретарь, ст. науч. сотр. Отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

© «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология», журнал, 2020
© ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: КАТЕГОРИЯ «УСПЕХ» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2020.01.001. Ядова М.А. Успех как социологическая категория: *Введение к тематическому разделу* 6
2020.02.002. Раренко А.А. О лексическом значении понятия «успех» (На материале толковых и отраслевых словарей русского языка) 9
2020.02.003. Анхель П., Дженкинс А., Стивенс А. Понимание предпринимательского успеха: Феноменографический подход 13
2020.02.004. Торотоева А.М. Дауншифтинг как альтернативная модель успешности. (Обзор) 18
2020.02.005. Хименес Х., Эскаланте Х.С. Нелинейная модель развития академической карьеры 26
2020.02.006. Ху Айхуа, Кернс Д. «Hai Gui» или «Hai Dai»: Китайские студенты-мигранты и роль норвежского мобильного капитала в успешной карьере 31
2020.02.007. Бонне Э., Пьетропаоли К., Верлей Э. Начало трудового пути: Типичные траектории успеха выпускников профессионального образования 36
2020.02.008. Страх перед успехом как барьер для карьерного роста у женщин: Исследование и перспективы / Комаласари Й., Супарта В.Г, Раюда А.Г., Деви И Г.А.М. 43

СОЦИОЛОГИЯ ИКТ

2020.02.009. Павлюченко А.А. Рецензия на кн.: Стивенс-Давидовиц С. Все лгут: Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас всё / Пер. с англ. Л.И. Степановой 48

2020.02.010. Вер Э. Влияние дистанционной работы на работника в профессиональной, семейной и общественной сферах 53

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЛИЩА

2020.02.011. Казакова А.Ю. Рецензия на кн.: Zadomowienie: Konteksty empiryczne / pod red.M. Łukasiuk, M. Brosz. – Gdańsk: Wydawnictwo Zakładu Realizacji Badań Społecznych [Доместикация: Эмпирические контексты / под ред. М. Лукашик, М. Броша] 62

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

2020.02.012. Да Силва Ф.К., Виейра М.Б. Популизм как логика политического действия 73
2020.02.013. Пазетти Ф. Конфигурация вариантов политики интеграции в Европе: Проблема экспертной оценки 78
2020.02.014. Макарейви Н. Наводя мосты? Вспоминая восстание 1641 года в Северной Ирландии 85

СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

2020.02.015–016. Социально-психологические аспекты восприятия угрозы конфликта современной политической элитой США и Великобритании. (Сводный реферат) 89

СОЦИОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ

2020.02.017. Венхувен Р. Социология счастья в рамках исследований социальных показателей 101
2020.02.018. Какие ассоциации вызывает у вас слово «счастье»? Культура, выбор слов и опыт счастья / Син Ч., Су Ю., Ём К., Ким Х. 107

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

2020.02.019. Аддамс Дж. Сеттльмент как фактор рабочего движения. (Перевод с англ.) 113

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА 132
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 2, 2020) 133

ТЕМА НОМЕРА: КАТЕГОРИЯ «УСПЕХ» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 316.1
2020.01.001. ЯДОВА М.А. УСПЕХ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: *Введение к тематическому разделу.*
YADOVA M.A. Success as a sociological category: *Introduction to the thematic section*. DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.01

Аннотация. В статье уделяется внимание социологическому осмыслению понятия «успех». Анализируются современные представления об успешности.

Abstract. The article focuses on the sociological understanding of the notion «success». Contemporary ideas of success are analysed.

Ключевые слова: успех; траектории успеха; модели успешности; социальные трансформации; общество риска.

Keywords: success; success trajectories; models of success; social transformations; risk society.

В обыденном смысле под успехом понимают удачу в достижении чего-либо или общественное признание, а успешность того или иного человека, как правило, выступает в качестве критерия оценки и самооценки эффективности его жизни и деятельности [Конюхова, Конюхова, 2009, с. 113]. Успех невозможен без двух составляющих: активной, деятельной позиции человека и определенного рода мотивации, установки на достижение поставленной цели. Сложно не согласиться с утверждением о том, что жизненный успех любого человека детерминирован, с одной стороны, социальной средой, а с другой – индивидуальными особенностями его личности.

В современной социологии существует множество концепций, так или иначе рассматривающих феномен успеха. Обычно при описании жизненного успеха исследователи выделяют различные объективные и субъективные факторы: материальное благосостояние, достижение профессиональных высот или высокого социального статуса, общественное признание, максимальное раскрытие творческих талантов, хорошие адаптивные способности, так называемую личностную эффективность и пр.

На рубеже веков особую популярность приобрела теория рисков нелинейных социумов (У. Бек [Beck, 1992], Э. Гидденс [Giddens, 1990], Н. Луман [Luhmann, 1993]), в основе которой лежит идея о трансформации современного индустриального общества в общество риска. В связи с этим представляется ключевым вопрос о рисках и угрозах нового социального порядка и способах их преодоления. Это позволяет говорить о новом понимании успеха в современном мире: главный признак успешности сегодня – открытость новациям, способность адаптироваться к изменениям и минимизировать встречающиеся на жизненном пути риски.

В работах, открывающих тематический раздел этого номера журнала, сделана попытка более или менее всесторонне изучить современные представления об успехе.

В статье А.А. Раренко, посвященной лексеме «успех», отмечается древняя история этого понятия. Впервые оно было зафиксировано в одной из самых старых дошедших до нас древнерусских рукописных книг – «Изборнике» князя Святослава (1076). Что касается отраслевых словарей по социологии и психологии, то на их страницах категория «успех» довольно популярна, но в качестве отдельных упоминаний, а не в виде словарной статьи.

Австралийские исследователи П. Анхель, А. Дженкинс и А. Стивенс, опираясь на результаты полуструктурированных интервью с колумбийскими бизнесменами (в Колумбии предпринимательство – приоритетная форма занятости), стремятся выяснить, что значит для информантов успех. По словам исследователей, предприниматели по-разному оценивают одни и те же критерии успеха, и это «разномыслие» формирует их профессиональный опыт и выбранные ими способы построения карьеры.

Обзор А.М. Торотоевой сфокусирован на хорошо известном на Западе, но относительно новом в нашей стране явлении – даун-

шифтинге, под которым принято понимать добровольную нисходящую вертикальную мобильность. Движение дауншифтинга получило популярность в западных странах как ответ на жесткую зависимость современного человека от «гонки за успехом» и идеалов потребительства. Автор обзора предлагает рассмотреть дауншифтинг не как игру на понижение, а как акт творческой самореализации и одну из альтернативных моделей успешности.

Часть работ посвящена теме построения академической карьеры. Так, сотрудники Национального автономного университета Мексики Х. Хименес и Х. Эскаланте, проанализировав особенности линейной и нелинейной моделей академической карьеры в Мексике, пришли к выводу, что, как правило, обе эти модели ведут к одинаковым результатам, правда, различными способами. В свою очередь, Айхуа Ху (Баптистский университет в Гонконге) и Д. Кернс (Лиссабонский университет), рассматривая преимущества и недостатки академической миграции китайских студентов в Европу, обнаружили, что далеко не всегда образование, приобретенное в другой стране («мобильный капитал»), становится реальным приобретением (капиталом) человека и приводит к карьерному успеху в родной стране.

В центре внимания французских социологов Э. Бонне, К. Пьетропаоли и Э. Верлей – закономерности трудовой карьеры выпускников среднего профессионального образования, а также их типичные трудовые «профили» и факторы, определяющие успешность трудового пути.

Наконец, в работе группы индонезийских исследователей – Й. Комаласари, В.Г. Супарты, А.Г. Раюды и И Г.А.М. Деви – обсуждаются барьеры субъективно-психологического характера, препятствующие карьерному росту работающих женщин. Главным из них авторы статьи считают страх перед профессиональным успехом, спровоцированный предрассудками культуры традиционных обществ.

Надеемся, что тексты, представленные в заглавном разделе текущего номера, позволят читателям наметить реперные точки для дальнейшего изучения такого сложного и многогранного понятия, как успех, и дадут возможность глубже осмыслить его трактовки в социологической науке.

Список литературы

Конюхова Т.В., *Конюхова Е.Т.* Изучение проблемы успеха и успешности личности в контексте междисциплинарного подхода // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – № 6. – С. 112–116.

Beck U. Risk society: Toward a new modernity. – L.: SAGE, 1992. – 260 p.

Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity press, 1990. – 186 p.

Luhmann N. Risk: A sociological theory. – B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 1993. – 236 p.

УДК 81.27
2020.02.002. РАРЕНКО А.А. О ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ПОНЯТИЯ «УСПЕХ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТОЛКОВЫХ И ОТРАСЛЕВЫХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА).
RARENKO A.A. On the lexical meaning of the notion «success» (Basing on Russian explanatory and terminology dictionaries). DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.02

Аннотация. В статье рассматриваются значения существительного «успех» в толковых словарях русского языка, включая современные, и делается вывод о том, что, несмотря на востребованность данной лексемы в современных социологических и социально-психологических исследованиях, данное слово отсутствует в отраслевых словарях.

Abstract. The article considers the meaning of the noun «uspeh» (success) in explanatory dictionaries of the Russian language, including the most recent ones. It is noted that the noun «success» has a long history and was borrowed into old Russian from the old Slavic language. Despite the demand for this lexeme in contemporary research in sociology and psychology, in particular social psychology, the word is not mentioned in terminology dictionaries of sociology and psychology.

Ключевые слова: успех – лексическое значение и употребление в современной социологии.

Keywords: «uspeh» (success), lexical meaning and usage in contemporary sociology.

Сегодня модно быть успешным, добиться успеха, иметь успех и пользоваться успехом. При этом, когда говорят о людях старшего возраста, обычно используют выражение «быть успеш-

ным», а про молодое поколение чаще говорят: «он / она пользуется успехом» или «имеет успех». Иными словами, для современного человека успех выступает желанной характеристикой, причем каждый, кто стремится к успеху, вкладывает в понимание этого слова собственное значение.

Что же такое успех и каковы его общепринятые лексические значения? Согласно данным Национального корпуса русского языка (древнерусский корпус), слово «успех» в письменных источниках впервые встречается в Изборнике 1076 г. (сборник нравственно-назидательных текстов различных жанров) [Национальный корпус русского языка]. Само слово является заимствованием из старославянского языка.

Согласно словарю С.И. Ожегова, который до сих пор считается одним из наиболее авторитетных словарей краткого типа (вышел в свет в 1949 г. и затем регулярно обновлялся), слово «успех» имеет три значения: 1) удача в достижении чего-нибудь (например, добиться успеха, развивать успех, т.е. поддерживать высокие темпы наступления, в том числе и в переносном значении); 2) общественное признание (шумный успех спектакля, книга имеет успех); 3) хорошие результаты в работе, учебе (последнее значение имеет ограниченное использование: успехи в музыке, производственные успехи). В качестве устойчивых словосочетаний в словаре Ожегова приводятся выражения: «с успехом», т.е. легко, без затруднений (с успехом выполнить поручение); а также – «пользоваться успехом» (быть популярным, вызывать к себе интерес). Выражение «с тем же успехом» несет в русском языке оттенок иронии и означает «так же, нисколько не лучше» [Ожегов, 2017, с. 671].

В Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова у существительного «успех» также три значения: 1) удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели (иметь успех; добиться успеха; поиски увенчались успехом; долго добивался, но без успеха; попытка не имела успеха); в этом значении слово «успех» может также использоваться во множественном числе (школьные успехи); 2) признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-нибудь, чьих-нибудь достижений; это значение допускает использование существительного «успех» только в единственном числе (пьеса имела заслуженный

успех, выставка пользуется огромным успехом, шумный успех, повсеместный успех книги); 3) внимание общества к кому-нибудь, признание чьих-нибудь достоинств, а также удача в ухаживании, флирте и т.п. [Толковый словарь русского языка, 1940, стб. 966].

В Малом академическом словаре – наиболее авторитетном нормативном словаре современного русского литературного языка, который охватывает общеупотребительную лексику и фразеологию и предписывает стандарты употребления слов и устойчивых словосочетаний, – у слова «успех» зафиксировано два самостоятельных значения: 1) положительный результат, удачное завершение чего-либо (благоприятный исход, победа в сражении, поединке, а также хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего-либо); 2) общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений (признание окружающими чьих-либо достоинств; интерес, влечение со стороны лиц противоположного пола) [Словарь русского языка…, 1988, с. 522].

В Словаре современного русского литературного языка, изданном Институтом русского языка АН СССР, раскрываются два значения слова «успех»: как положительного результата какого-либо дела, достижения, удачи (успехи в учебе, в освоении, изучении чего-либо); и (только в единственном числе) как обозначение общественного признания, одобрения чего-либо, чьих-либо достижений (признание окружающими чьих-либо достоинств) [Словарь современного русского…, 1964, стб. 935–937].

В словарях, изданных в нынешнем столетии, слово «успех» также имеет ряд толкований. Так, в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова зафиксировано три значения этого слова: 1) положительный результат, удачное завершение чего-либо; 2) хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего-либо (в форме множественного числа); 3) общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений [Большой толковый словарь…, 2000, с. 1400]. В Большом универсальном словаре русского языка слову «успех» посвящена большая статья со множеством примеров употребления данной лексической единицы в современном русском языке. Отмечается, что в настоящее время слово «успех» употребляется носителями русского языка в следующих основных значениях: 1) положительный результат, удачное завершение чего-

либо; 2) общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений [Морковкин, Богачева, Луцкая, 2017, с. 1314–1315]. Большое внимание авторы данного словаря уделяют описанию устойчивых сочетаний, в состав которых входит существительное «успех» (с большим успехом, не без успеха, головокружение от успеха, с тем же успехом и пр.).

Согласно данным Словаря синонимов, слово «успех» в современном русском языке имеет следующие синонимы: достижение, завоевание, победа, триумф, фурор, торжество, свершение, лавры, удача [Большой словарь синонимов…, 2017, с. 624]. Что же касается специализированных отраслевых словарей по социологии, то в них отдельная словарная статья «успех» отсутствует, притом что сама лексема «успех» довольно часто встречается на их страницах [Аберкромби и др., 2004; Большой толковый социологический…, 2001; Социологический энциклопедический словарь, 1998; Социология…, 2003]; то же самое следует сказать и в отношении отраслевых словарей по психологии [Большой психологический словарь, 2003; Дьяченко, Кандыбович, 2004].

Список литературы

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / пер. с англ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.

Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.

Большой словарь синонимов и антонимов русского языка / сост. Н.И. Шильнова. – М.: Дом Славянской книги, 2017. – 896 с.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Большой толковый социологический словарь: в 2 т / сост. Д. Джери, Дж. Джери. – М.: Аст: Вече, 2001. – Т. 2. – 528 с.

Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологический словарь-справочник. – Минск: Харвест, 2004. – 576 с.

Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. – М.: Словари XXI века, 2017. – 1456 с.

Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/new/ (Дата обращения: 20.02.2020.)

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. – М.: АСТ: Мир и образование, 2017. – 736 с.

Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. – М.: Русский язык, 1988. – Т. 4. – 797 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – Т. 16. – 1610 с.

Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. Г.В. Осипова. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 488 с.

Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1312 с.

Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. – Т. 4. – 1451 с.

2020.02.003. АНХЕЛЬ П., ДЖЕНКИНС А., СТИВЕНС А. ПОНИМАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО УСПЕХА: ФЕНОМЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

Реф. ст.: ANGEL P., JENKINS A., STEPHENS A. Understanding entrepreneurial success: A phenomenographic approach // International small business j. – 2018. – May 19. – P. 1–40.

Ключевые слова: предпринимательство; критерии успеха; феноменология; понимание; Колумбия.

Пабло Анхель, Анна Дженкинс и Анна Стивенс (Квинсленд-ский университет, г. Брисбен, Австралия) стремятся выяснить, что значит успех для предпринимателей. По их словам, индивиды могут вкладывать различный смысл в одни и те же критерии успеха. Поэтому для прояснения их собственного понимания необходима опора на феноменологию.

Как сообщают авторы статьи, большинство существующих исследований демонстрирует, насколько для предпринимателей важны те или иные критерии успеха фирмы (в частности, рост продаж, прибыль и пр.), однако сами эти критерии редко проблематизируются. В то же время ряд работ ставит под сомнение подобный подход. В особенности если речь идет о личностно-ориентированных критериях. Например, показано, что такой критерий, как «личное удовлетворение», может быть связан и с творческой, и с интеллектуальной сферой; он может означать удовольствие от хорошо сделанной работы и достижения цели, от выполнения социальной миссии и помощи сообществу и т.д.[1]

[1] *Kirkwood J.* How women and men business owners perceive success // International j. of entrepreneurial behavior a. research. – 2016. – Vol. 22, N 5. – P. 594–615;

В целом критерии успеха могут относиться к уровню фирмы либо уровню индивида (предпринимателя), обладать или не обладать денежной ценностью. Денежные критерии на уровне фирмы в первую очередь связаны с ростом (продаж, прибыли, числа сотрудников) и отражают эффективность в сравнении с другими компаниями в данном сегменте рынка. Неденежные критерии на уровне фирмы могут означать достижение целей в области охраны окружающей среды и устойчивого развития, создания новых рабочих мест (тем не менее, именно денежные критерии принято считать определяющими). На уровне индивида-предпринимателя ведущим денежным критерием также выступает рост (в данном случае личного дохода и богатства). Тогда как неденежные критерии отражают субъективную оценку личных критериев успеха и варьируются от самореализации (в разных значениях) до построения оптимальных взаимоотношений с подчиненными и клиентами и широкого социального воздействия (с. 4). При этом подход, основанный на понимании, позволит проследить вариативность смыслов успеха, а не частотность его критериев.

Согласно Анхелю и его коллегам, феноменография демонстрирует разнообразие того, как индивиды воспринимают, переживают и используют те или иные феномены и аспекты реальности. Настоящее исследование проводилось в Колумбии – стране, в которой предпринимательство является превалирующей формой занятости. Выбирались растущие фирмы. Отбор проводился на основании следующих факторов: 1) возраст фирмы – 3–9 лет; 2) в 2014–2015 гг. наблюдался рост доходов; 3) фирма самоокупаема; 4) фирма получила общественное и профессиональное признание (рекомендации коллег, премии, положительные отзывы в СМИ). В итоге было отобрано 20 предпринимателей, основавших 19 компаний (двое руководят одной компанией), что, как указывают авторы статьи, соответствует среднему числу участников феноменографического исследования. Возраст участников – от 25 до 40 лет; 15 мужчин, пять женщин; сферы деятельности: дизайн (одежда, интерьеры, плавсредства), архитектура, ИТ-инфраструктура, разработка приложений, инновации в сфере экологии и устойчивого

Fauchart E., *Gruber M.* Darwinians, communitarians and missionaries: The role of founder identity in entrepreneurship // Academy of management j. – 2011. – Vol. 54, N 5. – P. 935–957.

развития, переработка промышленных отходов, инженерные услуги (для армии), продажа запчастей (энергетический сектор), мотоэкипировка, организация свадеб и мероприятий, бизнес-консультирование и консультирование в области образования.

П. Анхелем было проведено 20 полуструктурированных интервью на испанском языке. Респондентам было задано четыре открытых вопроса: 1) об их изначальной мотивации, положившей начало предпринимательской деятельности; 2) об эволюции компании; 3) об изменении мотивации и целей в процессе развития компании; 4) о смысле успеха. В процессе интервью участникам задавались уточняющие вопросы, они приводили примеры и разъясняли свою позицию. Первые 13 интервью были проведены из Австралии по Скайпу, затем еще семь непосредственно в Колумбии. Наконец, с 19 из 20 участников автор встречался и беседовал вновь, с тем чтобы проследить развитие ситуации и узнать их мнение о промежуточных результатах исследования. Транскрипты были им переведены на английский язык; в дальнейшем в процессе анализа результатов, осуществлявшегося тремя авторами, переводы неоднократно уточнялись. На первом этапе анализа исследователи выясняли самое общее представление респондентов об успехе. На основе превалирующей ориентации было идентифицировано четыре группы: ориентированные на себя, на клиента, на рынок, на общество. На втором этапе исследователи изучали, как именно предприниматели добивались успеха, и пришли к выводу, что для них в этом процессе наибольшую важность представлял один из четырех критериев: самореализация / взаимоотношения с клиентами / рост фирмы / влияние на общество. В зависимости от смысла, который респонденты придавали данным критериям, и стратегий достижения успеха Анхель и его коллеги отнесли участников к одной из четырех групп, названных ими, соответственно, индивидуалисты (N=6, включая одну женщину), трайбалисты (N=6, в том числе четыре женщины), эволюционисты (N=5) и революционисты (N=3). В ходе работы авторы применяли критерии валидности, типичные для феноменографического исследования. К таковым принадлежат: коммуникативная валидность (нахождение консенсуса относительно интерпретаций в дискуссиях с респондентами и коллегами), прагматическая валидность (проверка интерпретаций на практике), трансгрессивная валидность (поиск

противоречий, отражающих сложность и амбивалентность жизненного опыта), дополняемые признанием субъективности интерпретатора (в связи с чем исследователям необходимо прояснять свои дисциплинарные, теоретические и методологические допущения).

Индивидуалисты. У них, по мнению авторов, самое узкое понимание успеха. Будучи заняты делом, приносящим удовольствие именно им, а не кому бы то ни было другому, они рассматривают успех как реализацию индивидуальных целей. Они не делают различия между достижениями фирмы и собственными достижениями; успех компании – это их личный успех, и общественное признание они принимают на собственный счет. Будущее развитие фирмы им видится сквозь призму дальнейшей самореализации.

Трайбалисты. В основе их идеи успеха – удовлетворение покупателей. Успех для них заключается во взращивании племени (*англ.* tribe – племя) довольных сотрудников и клиентов, испытывающих эмоциональную связь с фирмой. В своих ответах эти респонденты использовали эмоционально окрашенные выражения и говорили об аутентичности, любви и счастье как о том, что их всех объединяет. В будущем они намереваются совершенствоваться, чтобы еще лучше отвечать чаяниям своего «племени».

Эволюционисты. Эти люди – новаторы; успешным они считают того, кому удалось посредством собственных инноваций изменить рыночную парадигму. Если респонденты из первых двух групп осуществляют свою деятельность в самых разных областях и их понимание успеха связано в не меньшей мере с индивидуальными психологическими особенностями, то в данной группе большинство респондентов занимается инженерным делом и архитектурой. Они постоянно находятся в движении и непрерывно эволюционируют, ожидая того же и от своих клиентов. Они ощущают временное удовлетворение, если им удалось реализовать что-то, что еще недавно считалось невозможным. Тем не менее успех для них эфемернее, чем для представителей двух первых групп, поскольку они не останавливаются и практически не успевают им насладиться.

Революционисты. Для этих индивидов, заботящихся о всеобщем благе, характерна наиболее широкая концепция успеха. Их «клиент» – сообщество либо общество в целом, и успех в их пред-

ставлении связан с позитивными социальными изменениями. Деятельность двух респондентов из данной группы связана с экологией и устойчивым развитием, третий занимается бизнес-консультированием (более точная область не указана). Они не боятся конкуренции и корпоративного шпионажа, поскольку если, по словам одного из респондентов, другие скопируют их методы, продукты и пр., это лишь принесет пользу еще большему числу людей. Второй респондент называет мерой успеха количество социальных проектов, которые осуществляет та или иная компания. Подобно эволюционистам, они никогда не удовлетворены своими достижениями (что в обоих случаях, предупреждают авторы, может привести к эмоциональному выгоранию); более того, они ощущают, что на современном этапе скорость социальных изменений должна постоянно повышаться и нужно вовлекать всё большее число индивидов и фирм в этот процесс.

Переходя к обсуждению результатов, авторы отмечают два момента, связанных с гендером и возрастом. Во-первых, четыре из пяти женщин обнаружили трайбалистскую ориентацию, в то время как эволюционистских и революционистских взглядов придерживались только мужчины. Согласно Анхелю и его коллегам, это может свидетельствовать о том, что женщины в отличие от мужчин склонны класть в основу бизнеса (взаимно удовлетворяющие) отношения. Во-вторых, фирмы эволюционистов и революционистов старше остальных компаний (пять и шесть лет в среднем соответственно, в противовес фирмам индивидуалистов и трайбалистов, насчитывающим в среднем четыре года). Это, по словам авторов, может указывать на то, что отношение к успеху со временем меняется (один из эволюционистов действительно описывал себя в прошлом скорее как индивидуалиста). Как отмечают Д. Вах и ее коллеги, с годами жажда финансового вознаграждения сменяется желанием социального влияния[1].

Подводя итог своему исследованию, П. Анхель, А. Дженкинс и А. Стивенс отмечают, что они стремились перенести акцент с количественных на качественные показатели роста фирм. По их словам, в настоящее время правительства многих стран поощряют

[1] *Wach D.*, *Stephan U.*, *Gorgievski M.* More than money: Developing an integrative multi-factorial measure of entrepreneurial success // International small business j. – 2016. – Vol. 34, N 8. – P. 1098–1121.

своих граждан заниматься предпринимательством, которое видится локомотивом экономического роста и инноваций. Соответственно, настоящая работа может содействовать оптимизации государственной политики в данной сфере. Кроме того, она в целом открывает новые перспективы в исследовании предпринимательского успеха и стратегий, используемых предпринимателями для его достижения.

Я.В. Евсеева

УДК 316.44
2020.02.004. ТОРОТОЕВА А.М. ДАУНШИФТИНГ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ УСПЕШНОСТИ. (Обзор).
TOROTOEVA A.M. Downshifting as an alternative model of success. (Review). DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.03

Аннотация. Рассматривается понятие дауншифтинга, его преимущества и недостатки. Анализируются некоторые научные работы на эту тему, в которых представлены результаты исследований, проведенных в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве среди представителей определенной возрастной группы.

Abstract. This review deals with the concept of downshifting, its advantages and disadvantages. The works of several authors on this topic are reviewed which present the results of studies conducted in Moscow, St. Petersburg and Kiev among representatives of a certain age group.

Ключевые слова: дауншифтинг; фриланс; яппи; нисходящая вертикальная мобильность; культура потребительства; корпоративная культура; модели успешности; образ жизни.

Keywords: downshifting; freelance; yuppie; downward vertical mobility; consumerism culture; corporate culture; models of success; lifestyle.

С развитием информационных технологий привычный уклад жизни миллионов людей и их традиционные ценности начали меняться. Если еще пару десятков лет назад существовал единственно возможный сценарий достижения успеха, предполагавший постоянную работу с определенным графиком и стабильной зарплатой, то сегодня существуют альтернативные варианты построения карьеры и жизни. Дауншифтинг – добровольная нисхо-

дящая вертикальная мобильность, как и многие другие практики, впервые возник в западных странах как ответ на разрушительную корпоративную культуру и постепенно распространился на другие территории, в том числе и в страны постсоветского пространства [Овечкина, 2015, с. 93]. Несмотря на то что основная идея и посыл в целом сохраняются в первоначальном виде, в разных странах движение дауншифтеров имеет свои характерные особенности и степень распространения. Основные положения и принципы этого движения изложены в ряде трудов, например в книге Эми Солтсмен «Дауншифтинг: Достижение нового успеха на пониженной передаче»[1] (см. статью О.Ю. Корниенко (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону) [Корниенко, 2014]). Автор данной книги в своей работе сформулировала основные принципы дауншифтинга, среди которых особо выделяются добровольное «движение назад», снижение требований к себе и своей работе, возможный переезд из большого города и работа на дому, установление гармоничных и стабильных отношений с самим собой и с окружающим миром [Корниенко, 2014, с. 92–93].

В.Н. Мерзлякова (РАНХиГС, Москва) в своей работе «Альтернативные модели успешности в современной культуре: Дауншифтинг» отмечает, что в настоящее время для обществ развитых стран идея успешности, тесно связанная с культурой потребления, является ключевой и во многом отражает ценности, которые им присущи [Мерзлякова, 2008, с. 33]. Такая культура характерна для стран, в которых развиты системы крупных корпораций, диктующих собственный кодекс поведения сотрудника и то, какими ценностями и стремлениями он должен обладать. Корпоративная культура требует от него быть полностью сосредоточенным на работе, посвящать всё свое время рабочему процессу в ущерб личной жизни и здоровью. Автор справедливо отмечает, что подобная модель поведения имеет как сильные, так и слабые стороны: в обмен на стабильную заработную плату и положение в обществе приходится расплачиваться нехваткой свободного времени на себя и близких. Часто такая стабильная, но монотонная и требующая концентрации работа опасна стрессом, который постепенно, если

[1] *Saltzman A.* Downshifting: Reinventing success on a slower track. – N.Y.: Harper Collins, 1991.

не работать с этой проблемой, может привести к личностному кризису или депрессии. Таким образом, можно сказать, что при внешнем благополучии и атрибутах успеха и связанного с ним счастья человек себя счастливым не чувствует; это означает, что данная стратегия поведения в общем изжила себя и возникает необходимость в поиске альтернативы.

Последователи движения дауншифтинга отказываются от стрессовой работы, которая при всей своей успешности не приносит удовлетворения, в пользу самореализации и более спокойной, хотя, возможно, и не столь высокооплачиваемой, деятельности [Мерзлякова, 2008, с. 34]. Явление дауншифтинга, которое означает добровольное нисхождение по карьерной лестнице и последующее ограничение потребностей, появилось относительно недавно, а именно в 1990-х годах[1], и со временем обрело широкую известность в развитых странах, преимущественно в Западной Европе, Северной Америке и Австралии. Мерзлякова приводит в пример социологические опросы, проведенные в Великобритании и Австралии[2], согласно которым в начале 2000-х годов около четверти населения этих стран считало себя дауншифтерами [Мерзлякова, 2008, с. 34–35]. Разумеется, эти данные нельзя назвать актуальными и вряд ли можно говорить о том, что все они соответствовали действительности, но сам факт, что респонденты продемонстрировали осведомленность и готовность сменить свой социальный статус, показывает их стремление к переменам в жизни.

Учитывая то, что прежде не было понятия, тождественного дауншифтингу, многие люди, практикующие подобный стиль жизни, не знали, как себя называть. Появление теоретической базы в виде различных книг и исследований в данной области позволило определить три типа дауншифтеров: собственно дауншифтеры; люди, решившие радикально изменить свою жизнь и упростить ее; те, кто пришел к такому стилю жизни ввиду своих убеждений и принципов (часто связанных с экологией и духовными практиками) [Корниенко, 2014, с. 93]. Кроме того, выделяют две базовые стратегии дауншифтинга – дауншифтинг «легкий» (частичный),

[1] См.: The Trends Research Institute. – Mode of access: https://trendsresearch.com/trends-research-institute/ (Accessed: 10.03.2010.)

[2] См.: The Australia Institute. – Mode of access: http://www.tai.org.au/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1 (Accessed: 10.03.2010.)

который не требует отказа от установившегося порядка и при котором есть возможность возвращения к привычному укладу жизни, и «глубокий» (полный), подразумевающий радикальные изменения, т.е. смену рода занятий, места жительства и самого стиля жизни человека [Мерзлякова, 2008, с. 38]. К числу частичных практик дауншифтинга специалисты относят и популярный сейчас фриланс.

Отдельным является вопрос: почему у людей возникает желание кардинально поменять свой жизненный уклад? Возможно, это связано с тем, что культура потребления, распространенная в развитых странах, больше не приносит удовольствия и ее идеалы уже не кажутся привлекательными, а напротив, вызывают разочарование и желание изменить подобный ход вещей. Примечательно, что многие последователи данной философии работали на руководящих должностях, т.е. имели высокий доход, власть и высокий социальный статус. Некоторые из них теперь заняты на работе, объективно тяжелее предыдущей, но приносящей им удовлетворение по разным причинам: возможность проводить время с семьей, интерес к делу, отсутствие стресса и другие факторы. В настоящее время существуют уже целые сообщества дауншифтеров; среди них выделяются несколько авторитетов, которые делятся своим опытом, составляют теоретическую базу и занимаются популяризацией данного движения. В 2005 г. Трейси Смит, одна из таких лидеров, провела первую из многих национальных недель дауншифтинга во Франции, которые постепенно стали международными [Мерзлякова, 2008, с. 36].

О.Ю. Ангел (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону) в статье «Дауншифтинг как перспективная модель успешности в современном мире» пишет, что существует антагонистичное дауншифтерскому движение яппи, антитеза культуры хиппи, с которыми часто связывают движение дауншифтеров [Ангел, 2018, с. 5]. Если феномен дауншифтинга подразумевает отказ от культуры потребительства и переход к нематериальным ценностям, то движение яппи, основанное на идее кредитных карт, напротив, всецело направлено на материальную составляющую, которая включает в себя такие предметы роскоши, как собственное жилье и транспорт, а также дорогая люксовая одежда. Яппи – это классические трудоголики, любящие свою работу и полностью

посвящающие себя ей. Главными показателями счастья для них являются успешная карьера и стремление покорять всё новые и новые высоты, в то время как основной идеей дауншифтинга является движение вниз, с целью упростить свою жизнь.

Автор указывает на общие для всех стран тенденции дауншифтинга: ограничение потребностей, отказ от общепринятых норм и стремление к самореализации и развитию творческого потенциала [Ангел, 2018, с. 3]. Существуют и пострановые тенденции: так, американские и британские дауншифтеры обращают больше внимания на экологические проблемы, австралийцы – на возможность путешествовать. Среди российских дауншифтеров исследователи выявили тенденцию к увольнению, сдаче недвижимости в аренду и переезду в другую страну, преимущественно в Юго-Восточной Азии, где пассивный доход позволяет комфортно жить без ограничения потребностей.

В Россию и другие страны постсоветского пространства дауншифтинг, как и многие другие западные практики, пришел сравнительно поздно, и, соответственно, его уровень распространения и развития здесь иной, нежели в странах Запада. В русский язык данное понятие было введено лишь в 2004 г., что обусловлено стабилизацией экономики в стране после затяжного кризиса [Мерзлякова, 2008, с. 39]. Многие молодые люди 25–35 лет начали обдуманнее подходить к вопросу построения карьеры и жизни в целом; у более старшего поколения (45–55 лет) началось переосмысление своих решений и приоритетов – у многих это было связано с кризисом среднего возраста.

Очевидно, что ввиду разницы в развитии технологий и распространении информации в регионах России и «молодости» движения дауншифтеров оно встречается главным образом в городах-миллионниках, где есть повсеместный доступ к Интернету. Я.В. Овечкина (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург) в статье «Перспективы распространения явления дауншифтинга в современном обществе: Анализ ценностных ориентаций специалистов Москвы и Санкт-Петербурга» пишет, что, несмотря на интерес к данной проблеме, в России широкие исследования по вопросам дауншифтинга еще не проводились.

Автор предприняла попытку выявить основные социальные группы, подверженные идеям дауншифтинга. Согласно данной

статье, среднестатистический дауншифтер из России – это житель крупного города в возрасте 26–40 лет, с высшим образованием и опытом работы в организации со стабильной заработной платой. У многих из них помимо хорошей зарплаты есть недвижимость, что позволяет сделать вывод о том, что дауншифтеры являются представителями высшего и среднего класса. Кроме того, автор делит дауншифтеров на две возрастные категории, так как у них отличаются стимулы к переходу к подобной жизненной практике. Молодые дауншифтеры, с характерным для них стремлением к свободе самовыражения и протеста, в большинстве своем разочарованы в общепринятых ценностях и корпоративной культуре с ее тенденцией к обезличиванию и отдают предпочтение любимому делу и своему здоровью, нежели высокому заработку и положению в обществе. Дауншифтеры в возрасте от 30 до 40 лет несколько отличаются от более молодой когорты, поскольку у большинства из них уже есть карьера, семья, положение в обществе, но перед ними встает проблема отсутствия свободного времени на самих себя и на своих близких, а также проблемы со здоровьем [Овечкина, 2015, с. 94–95]. Всё это в совокупности приводит к тому, что они чувствуют себя несчастными и ищут что-то иное, чтобы восполнить этот пробел.

Для определения ценностных ориентаций работающих специалистов из крупных городов России было опрошено в общей сложности 490 специалистов в возрасте от 25 до 36 лет: 190 из Москвы (99 мужчин, 91 женщина) и 300 из Санкт-Петербурга (188 мужчин, 112 женщин), среди которых 65% имеют высшее образование. Анкета состояла из трех блоков и содержала вопросы, касавшиеся социально-демографических данных, удовлетворенности профессиональной деятельностью и образа жизни респондентов.

По результатам опроса было выявлено, что обе группы, несмотря на некоторые различия, отдают предпочтение возможности заниматься желанным делом и реализацией своих амбиций, уделять внимание семье и своему здоровью, хотят быть независимыми [Овечкина, 2015, с. 95–98]. Большинство из опрошенных предпочли бы снизить темп своей жизни, слишком быстрый и, как следствие, делающий их жизнь слишком напряженной и наполненной различными стрессами и страхами. Кроме того, большинство респондентов не против того, чтобы сменить место жительст-

ва, переехав из мегаполиса в более спокойную местность. Но важно то, что, несмотря на желание сменить работу и обстановку, большинство так или иначе не готово снизить свой социальный статус – хотя 17% респондентов всё же согласны на такой риск. Также значимым результатом исследования является выявленная склонность более молодых специалистов к классической модели построения карьеры, притом что многие из них отдают себе отчет в том, что это грозит неудовлетворенностью и стрессом. В то же время более зрелые специалисты уже успели разочароваться в системе, но также пока в большинстве своем не готовы к дауншифтингу. Результаты лишь показывают, что в обществе существуют напряженность и недовольство традиционным укладом в профессиональной сфере [Овечкина, 2015, с. 98–99].

Интересным представляется несколько иной формат исследования – кейс-стади, который был проведен в Киеве в сентябре–ноябре 2013 г. и результаты которого отражены в статье Н.Ю. Зарицкой (Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Украина) «Альтернативные стилежизненные практики в украинском обществе». Главным отличием от российского исследования является то, что в данном исследовании принимали участие уже состоявшиеся дауншифтеры-фрилансеры. В исследовании был применен метод «снежного кома» [Зарицкая, 2014, с. 80]. Участие в нем приняли частичные дауншифтеры, в возрасте от 24 до 35 лет, семь мужчин и 11 женщин, с высшим образованием, преимущественно холостые и незамужние. Все респонденты имеют опыт работы в коммерческих компаниях. Им было предложено оценить перемены в жизни после перехода на фриланс – форму частичного или легкого дауншифтинга [Зарицкая, 2014, с. 80–84].

Согласно результатам исследования, большинство из них отмечают ухудшение материального положения, но при этом уровень удовлетворения жизнью в целом повысился. У многих изменились ценности: материальная сторона, карьера и профессиональная реализация уступили место семье, личной жизни и спокойствию. Выявлены готовность заниматься волонтерской деятельностью, стремление помогать окружающим и более высокий уровень эмпатии. Среди главных причин перехода на фриланс респонденты отмечали общую неудовлетворенность работой и

жизнью, недостаток свободного времени и стремление к большей независимости. Примечательно, что в данном кейс-стади отражены механизмы изменений и адаптация фрилансеров, которые, как правило, заблаговременно собирают клиентскую базу и нередко пользуются пространствами для коворкинга, чтобы вначале работать в привычной для себя среде, избегая тем самым стресса от резкой перемены обстановки. Многие фрилансеры, как оказалось, утаивают от старших членов семьи перемены в своей жизни, потому что опасаются осуждения и конфликта на почве отхода от классической модели достижения профессионального успеха. Большинство из них аполитичны – не заинтересованы в политических процессах, и вся их политическая активность сводится к электоральной. Среди главных преимуществ частичного дауншифтинга они отмечают гибкий график и возможность уделять внимание себе, занятиям спортом, своему здоровью и окружающим. Результаты кейс-стади в Киеве показывают, что для существенных перемен в жизни нет необходимости переходить на полный дауншифтинг: положительные изменения происходят и с теми, кто перешел на фриланс и по сути изменил только график занятости, не отказываясь полностью от привычного уклада жизни [Зарицкая, 2014, с. 82–85].

На наш взгляд, исходя из результатов исследований в таких крупных городах, как Москва, Санкт-Петербург и Киев, можно предположить, что дауншифтинг, несмотря на споры вокруг этой практики стиля жизни, так или иначе является альтернативной моделью успешности, а не профессиональным проигрышем, как его воспринимают многие в силу привычки и приверженности традиционным установкам. Учитывая тот факт, что люди, их потребности и способ мышления меняются, как и весь окружающий мир, нельзя придерживаться только классической корпоративной модели успешности, которая постепенно изживает себя вследствие недостатка внимания к человеческому здоровью, как физическому, так и ментальному, и игнорирования трансформации ценностей в современном обществе. Таким образом, вместе с отношением к заработку и карьере меняется и само понятие успешности, которое постепенно обретает черты, характерные для дауншифтинга. К тому же большинство дауншифтеров выражают свое удовлетво-

рение переменами в жизни, улучшением состояния здоровья, появлением времени на семью, возможностью самореализации и т.д.

Стоит отметить, что с определенной вероятностью дауншифтер может отказаться от выбранного им стиля жизни из-за общественного давления: обыватели многих стран, в том числе и России, пока не готовы принять такой альтернативный вариант построения жизни и самореализации. В странах постсоветского пространства, возможно, из-за того, что здесь на протяжении долгого времени отсутствовал свободный рынок, отказ от потребительства и движения вверх по карьерной лестнице часто представляется нерациональным выбором, а дауншифтеры воспринимаются как неудачники, не реализовавшиеся в профессии [Ангел, 2018, с. 7]. Вероятно, это является главной причиной того, что в России и других государствах бывшего социалистического блока движение дауншифтеров распространяется гораздо медленнее, чем в западных странах.

Список литературы

Ангел О.Ю. Дауншифтинг как перспективная модель успешности в современном мире // Инженерный вестник Дона. – 2018. – № 4. – С. 1–11.

Зарицкая Н.Ю. Альтернативные стилежизненные практики в украинском обществе (на материалах кейс-стади в г. Киеве) // Лабиринт. – 2014. – № 2. – С. 78–86.

Корниенко О.Ю. Историко-социологический анализ феномена дауншифтинга как нового движения в карьере успешного человека // Вестник КемГУ. – 2014. – Т. 1, № 1. – С. 92–95.

Мерзлякова В.Н. Альтернативные модели успешности в современной культуре: Дауншифтинг // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 4. – С. 33–42.

Овечкина Я.В. Перспективы распространения явления дауншифтинга в современном обществе: Анализ ценностных ориентаций специалистов Москвы и Санкт-Петербурга // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 10. – С. 92–102.

2020.02.005. ХИМЕНЕС Х., ЭСКАЛАНТЕ Х.С. НЕЛИНЕЙНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ.

Реф. ст.: JIMÉNEZ J., ESCALANTE J.C. A non-linear model for career development in academia // J. of unschooling a. alternative learning. – 2017. – Vol. 11, N 21. – P. 29–50.

Ключевые слова: академическая карьера; линейная и нелинейная модели карьеры; профессиональное призвание; образование; Мексика.

Хайме Хименес и Хуан С. Эскаланте (Национальный автономный университет Мексики, Мехико) рассмотрели линейную и нелинейную модели академической карьеры в Мексике. Под линейной моделью авторы понимают совокупность последовательных шагов, которые должен совершить каждый кандидат для достижения академического успеха. В нелинейной модели такая непрерывность отсутствует, поскольку после получения высшего образования выпускник по каким-либо причинам выбирает работу в других профессиональных областях, из-за чего он отклоняется от следования научному призванию (с. 30).

Как отмечают авторы статьи, линейность – это математическая концепция, которая широко используется в социальных исследованиях для описания социальных феноменов математической терминологией и для представления данных в графическом виде. Например, линейность применяется во множественном регрессионном анализе в статистике; с помощью линейности рассматриваются личностное развитие в профессиональном пространстве, социальная мобильность и социальная иерархия. Понятие линейности также тесно связано с изучением развития карьеры и тенденций снижения влияния традиционных иерархических структур на карьерное продвижение.

В линейной модели академической карьеры индивид проходит через стадию высшего образования, получает степень PhD и движется дальше, пока не станет «полноценным» исследователем, работающим в передовых научных областях. Х. Хименес и Х.С. Эскаланте отмечают, что основная часть исследований в области академической карьеры сфокусирована на периоде, когда человек завершил свое университетское обучение. Опираясь на исследование Ж. Фортес и Л. Ломнитц[1], авторы статьи выделяют следующие специфические характеристики линейной модели академической карьеры:

[1] *Fortes J., Lomnitz L.* Becoming a scientist in Mexico: The challenge of creating a scientific community in an underdeveloped country. – University Park: Pennsylvania state univ. press, 1994.

– необходимость полной занятости;

– важная часть начального этапа формирования будущего исследователя должна быть связана с поведением, этосом ученого, который студент наблюдает и усваивает в качестве образца;

– наличие с самого начала четкой программы дисциплины и рабочей нагрузки, реализующейся под строгим наблюдением профессора;

– профессор служит образцом для подражания, от него студент получает основные необходимые знания;

– формирование у студента чувства принадлежности к научному сообществу с помощью специальной программы социализации, которая нацелена на создание собственной студенческой сети (с. 32–33).

Отмечается, что Ж. Фортес и Л. Ломнитц делают акцент на идейном аспекте становления ученого. Передача научного идеала в их описании является ключевым элементом в развитии исследователя наряду с социализацией и принадлежностью к группе, которые формируют идентичность ученого.

Стандартная линейная модель выглядит как ряд последовательных шагов. Способный студент после успешного получения степени бакалавра поступает на магистерскую программу; адаптировавшись в новой референтной группе, демонстрируя заметные результаты в лаборатории или на теоретических семинарах, он начинает более интенсивно взаимодействовать с одним из своих профессоров. Если между ними возникает взаимопонимание, студент становится помощником профессора и через него начинает усваивать академические стандарты. Затем молодой исследователь получает докторскую степень, возможно стипендию постдока за рубежом, один-два года участвует в зарубежной стажировке и возвращается в свою *alma mater*. Со временем он становится важным сотрудником для института и обретает независимость от своего наставника. Если он достаточно талантлив, то со временем он может начать развивать новое направление исследований и организовать собственное подразделение. Цикл повторяется, когда уже он в качестве профессора берет себе в помощники аспиранта. Важно то, что эта модель предполагает наличие стабильного и достаточного финансирования со стороны государства или исследовательского института (с. 34).

Нелинейная модель применяется для описания карьерных траекторий специалистов, которые после получения степени бакалавра по ряду причин не придерживаются вышеописанной последовательности (например, идут преподавать в школу или колледж, устраиваются работать в лабораторию в качестве ассистентов, занимаются воспитанием детей и т.д.). Но тем не менее некоторые из них, понимая, что наука – это их призвание, продолжают бороться за достижение более высокой позиции в академическом мире.

В конечном счете линейная и нелинейная модели приводят к одинаковым результатам, но различными путями или траекториями. Этот момент Х. Хименес и Х.С. Эскаланте описывают с помощью принципа эквифинальности открытых систем. В противоположность этому в закрытых системах между начальным и конечным состоянием существует прямая причинно-следственная связь (с. 36).

Давая краткое описание современной системы построения научной карьеры в Мексике, авторы отмечают, что двумя основными институтами, занимающимися поддержкой и развитием науки в стране, являются Национальный совет по науке и технологиям (CONACYT) и Национальная система исследователей (SNI). В числе основных задач первой организации – предоставление аспирантских стипендий для обучения в Мексике и за рубежом и поддержка коллективных исследовательских проектов, задача второй – выделение индивидуальных грантов ученым в соответствии с их академическими успехами. Основная часть научной работы сконцентрирована в государственных учреждениях. Крупнейшей научно-исследовательской организацией страны является Национальный автономный университет Мексики (НАУМ). В этой институции, как и в стране в целом, преобладает линейная модель академической карьеры; нелинейные траектории карьеры чаще всего встречаются в провинции. Авторы описали траектории академической карьеры двух бывших студентов НАУМ (линейная модель) и двух бывших студентов Центра инноваций и развития образования (ЦИРО) (нелинейная модель) – альтернативного учебно-исследовательского учреждения, обучение в котором преимущественно проходит виртуально, с участием профессоров / консультантов из разных университетов благодаря применению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Данные для исследования были собраны из первичных и вторичных ис-

точников. Первоисточниками были опросники и интервью, вторичными источниками – резюме.

Люпита и *Игнасио* (имена информантов изменены) проделали классический линейный путь в науке, планомерно поднявшись по академической лестнице от бакалавров до признанных специалистов в своей области. Люпита получила степень бакалавра в 22 года, степень PhD престижного зарубежного университета в 29 лет. Игнасио получил степень бакалавра в 23 года, а степень PhD престижного зарубежного университета в 28 лет. *Хуанита* в возрасте 27 лет после получения степени бакалавра в области микробиологии в провинциальном университете стала работать техническим ассистентом в государственном медицинском институте. Затем она получила повышение, и ее начальник мотивировал ее продолжить образование. Ее исследование кокцидиоидомикоза (заболевания, возникающего в результате вдыхания спор грибка *Coccidioides immitis*) было поддержано грантом CONACYT. В возрасте 46 лет ее пригласили присоединиться к альтернативной программе докторантуры, и в 48 лет она получила докторскую степень. Теперь она является одной из главных специалисток в своей области исследований. *Амбросио* обучался в провинциальном университете по специальности «гражданское строительство», на последних курсах стал вести уроки математики в средней школе, и в итоге на долгие годы это стало его основной профессией. В 32 года он получил степень бакалавра, в 38 – степень магистра. Потом он заинтересовался изучением процесса фитомайнинга (поглощение растениями металлов, в том числе драгоценных, из почвы). Амбросио установил академический контакт с двумя специалистами в этой области из Швейцарии и Новой Зеландии. Профессор из Новой Зеландии предложил ему сотрудничество и наставничество в его работе над докторской диссертацией. В 46 лет Амбросио получил докторскую степень, а в 48 – должность профессора в своем университете.

Таким образом, основное отличие нелинейной модели от линейной состоит в том, что для достижения того же конечного результата кандидату требуется больше времени. Также отмечается, что не все традиционные академические учреждения признают и поддерживают нелинейные модели, но благодаря альтернативным образовательным учреждениям, таким как ЦИРО в Мексике,

эта проблема решается. Кроме того, благодаря развитию ИКТ и сетевому взаимодействию молодые исследователи и ученые из менее развитых стран могут обмениваться знаниями с представителями международного академического мейнстрима. Как отмечают Х. Хименес и Х.С. Эскаланте, опыт мексиканского ЦИРО показывает, что достижение желаемых целей в академическом мире необязательно зависит от наличия дорогостоящих физической инфраструктуры и кадровых ресурсов образовательного учреждения. «Клеем», связывающим различные части академической карьеры как открытой системы, является мотивация каждого кандидата в достижении своих индивидуальных целей и общих целей ЦИРО (с. 46).

А.Ю. Долгов

2020.02.006. ХУ АЙХУА, КЕРНС Д. «HAI GUI» ИЛИ «HAI DAI»: КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ-МИГРАНТЫ И РОЛЬ НОРВЕЖСКОГО МОБИЛЬНОГО КАПИТАЛА В УСПЕШНОЙ КАРЬЕРЕ.
Реф. ст.: HU Aihua, CAIRNS D. Hai Gui or Hai Dai? Chinese student migrants and the role of Norwegian mobility capital in career success // Young. – 2017. – Vol. 25, N 2. – P. 1–16.

Ключевые слова: студенты; образование; карьера; навыки; опыт; миграция; мобильность; мобильный капитал; Китай; Норвегия.

В реферируемой статье на примере студенческих миграций из Азии в Европу рассматривается проблема «мобильного капитала». Статья основана на качественном исследовании бывших студентов-мигрантов из Китая, которые проходили обучение в Норвегии по магистерской программе. Анализируются как сильные, так и слабые стороны так называемого норвежского «мобильного капитала».

Рассматривая примеры академической миграции китайских студентов в Европу (Норвегию) с целью получения степени магистра, исследователи Айхуа Ху (сотрудник Департамента образования Баптистского университета в Гонконге) и Дэвид Кернс (старший научный сотрудник Центра социологических исследований в Лиссабонском университете) показывают роль полученного в Норвегии обучения для дальнейшей карьеры китайцев после воз-

вращения на родину. Считается, что опыт и навыки, которые студент-мигрант получит за время своей «командировки», в дальнейшем помогут ему повысить его конкурентоспособность на рынке труда, не говоря уже о таких приобретенных преимуществах среди сверстников, как знание иностранного языка и культурные компетенции, которые оказываются не менее важными для профессионального развития, например, если речь идет о разрешении конфликтных ситуаций с иностранным партнером или подготовке товара с учетом интересов иностранного потребителя.

В социологическом плане можно рассматривать процесс получения образования в иностранном учебном заведении в качестве примера того, как капитал (знания), приобретенный в другой стране, служит средством укрепления положения на внутреннем рынке труда (так называемый «мобильный капитал»). Хотя логично было бы предположить, что полученное за границей образование будет оценено работодателем, говорить, что обучение за рубежом автоматически приводит к карьерному успеху, было бы преждевременным и необоснованным, поскольку существует и вероятность того, что полученные навыки не найдут должного применения и не будут оценены. В статье рассматриваются сильные и слабые стороны полученного китайскими студентами образования в Норвегии. Для этого авторами используются две эвристические категории, которые демонстрируют сильные и слабые стороны норвежского мобильного капитала: 1) *Hai Gui* – словосочетание, означающее «морскую черепаху» и использующееся в Китае для обозначения возвратившихся из-за границы после получения образования и преуспевших на родине; 2) *Hai Dai* – термин со значением «водоросли», также использующийся для обозначения возвращающихся на родину, однако тех, кто не смог найти достойную работу.

В настоящее время в Китае наблюдается тенденция к получению образования за рубежом. Многие родители убеждены, что, во-первых, китайские университеты не в состоянии предложить качественное образование, по крайней мере, не в той же степени, что европейские, и, во-вторых, достаточно отправить своих детей получать образование за границу – и успех им будет обеспечен. Статистические данные подтверждают популярность в Китае зарубежного образования. Так, по данным ЮНЕСКО, в 2016 г. обра-

зование за рубежом получали 712 157 китайцев, при этом большинство из них обучались в США (225 474 студента), Японии (96 592), Австралии (87 980) и Великобритании (81 776). В Норвегии обучение получали 722 китайских студента. Более того, в 2010 г. около 63% китайских студентов уехали за границу для обучения в магистратуре, при этом 80,7% возвратившихся имели магистерскую степень. Также отмечается, что возвращение домой после получения образования за границей в Китае считается нормой и составляет 70–80%, тем более что многие едут учиться на гранты правительства.

Особый интерес у авторов статьи вызывает вопрос о том, в какой степени получившие образование за рубежом китайцы оказываются востребованы на китайском рынке труда, притом что на настоящий момент такие данные ограниченны. Чтобы оценить эту проблему, а также ответить на вопрос: «Hai Gui или Hai Dai?», был проведен опрос группы, в которую вошли 17 бывших китайских магистрантов. Все они являются выпускниками Университета Осло и обучались в нем в период с 2005 по 2009 г., получив степень бакалавра на родине. Что касается нынешнего профессионального статуса этих выпускников, то один работает в частной юридической компании, предоставляющей юридические услуги на иностранных языках, пятеро стали государственными служащими, один является администратором на кафедре иностранных языков в известном университете, двое работают в качестве преподавателей университета, а остальные восемь респондентов заняты в коммерческих компаниях (одна из них норвежская, другие являются китайскими, но активно сотрудничают с зарубежными партнерами). Все выпускники живут в крупных городах Китая: пятеро – в Шанхае, четверо – в Пекине, двое – в Тяньцзине, двое – в Гуанчжоу, по одному в Чэнду, Гучжоу, Лояне и в Ханчжоу.

Несмотря на то что студентам пришлось столкнуться со многими трудностями во время обучения за границей, сами они признаются, что за два-три года пребывания в Норвегии они приобрели колоссальный опыт, и не только в той сфере, в которой они получали образование. Все участники заявили, что у них была четкая цель: познакомиться с другой культурой и в результате получить преимущество в своей будущей профессиональной карьере. Как особую проблему во время обучения в Норвегии все они от-

мечают недостаточное знание английского языка. В среднем им потребовалось от одного семестра до года, чтобы овладеть письменным и устным английским на уровне, достаточном для общения с однокурсниками и преподавателями университета. Следующая острая проблема заключалась в самофинансировании (именно поэтому они и выбрали Норвегию, где не нужно было оплачивать обучение). Поскольку все они (кроме одного) были выходцами из семей с не очень высоким уровнем дохода и не могли надеяться на то, что семьи будут их полностью обеспечивать во время учебы, китайским магистрантам необходимо было найти работу с частичной занятостью. Все эти обстоятельства оказали влияние на их отношение к неквалифицированному и сложному труду. Еще одна трудность, с которой магистрантам из Китая пришлось столкнуться во время обучения в Норвегии, – самостоятельное проживание, несмотря на то, что у 11 из 17 магистрантов уже был опыт самостоятельного проживания во время обучения в бакалавриате в Китае, но тогда рядом были друзья и родственники, они могли регулярно навещать свои семьи и пр. Сложнее всего им было, как признаются респонденты, выйти из зоны комфорта и начать диалог, так как в тот момент они оказались совершенно одни в чужой культуре, которая сильно отличалась от их собственной. Тем не менее можно видеть, что подобные проблемы являются обычной составляющей студенческой миграции и решение таких задач, как изучение нового языка и преодоление социальной изоляции, – это неотъемлемый элемент процесса приобретения разнообразного капитала. Бывшие магистранты отмечают трепетное отношение к окружающей среде в Норвегии. Их сначала очень удивило, что мусор норвежцы сортируют и перерабатывают. За два-три года респонденты к этому так привыкли, что по приезде домой сохранили эту привычку и стараются приучать своих родных и близких к тому же.

Авторы статьи отмечают, что опрашиваемая группа китайских выпускников Университета Осло убеждена, что, несмотря на сложности, встретившиеся на их пути, положительный опыт всё же оказался более значимым. Пребывание в Норвегии было ими оценено как позитивное с точки зрения новых перспектив. Все они согласились с тем, что приобрели большой опыт в решении житейских проблем без посторонней помощи, стали более независи-

мыми, повзрослели психологически и ментально. Многие нашли настоящих друзей в Норвегии, т.е. развили социальные навыки, приобрели так называемый «социальный капитал», хотя, по их словам, подружиться с норвежцами было не так просто. Как важное приобретение был расценен опыт общения с преподавателями и однокурсниками. Навыки межличностного общения также значительно улучшились в процессе работы над групповыми проектами с сокурсниками. При выполнении совместных работ, как признаются китайские выпускники, они научились слушать других, правильно выражать свое мнение и вести переговоры с другими обучающимися, что, по их мнению, представляет еще один аспект социального капитала. На работе с частичной занятостью они также научились общаться с начальством и отстаивать свои права.

Все студенты отмечают с гордостью, что написали магистерскую диссертацию на английском языке, а один из них даже выиграл дополнительную стипендию для своей диссертации, что оказало положительное влияние на его дальнейшее академическое развитие.

«Прибыль», полученная в процессе обучения за рубежом, была выявлена респондентами в ряде связанных между собой областей. Так, респонденты отметили, что, обучаясь в Норвегии, они поняли, что необходимо планировать свою карьеру, у них сформировалась привычка составлять планы заблаговременно и проводить исследования, прежде чем принимать решения. Это касалось как краткосрочных, так и долгосрочных проектов. Амбициозная карьерная мечта должна реализовываться постепенно и часто предполагает менее амбициозную фазу. Респонденты признали тот факт, что обучение, а также проживание в Норвегии помогло им устроиться на работу в международных организациях или в компаниях, ведущих бизнес за границей. Они объясняли свой успех знанием языков, навыками межличностного общения, зарубежным опытом в целом и ценностью полученной за рубежом магистерской степени.

Наряду с «прибылью» некоторые респонденты отметили и «убыль». Трое респондентов, которые сейчас работают государственными служащими, указали, что их зарубежный опыт не дал им преимуществ в получении работы, и оценили время, проведенное в

Норвегии, как потерянное. В отношении этих респондентов вряд ли может быть применен термин «Хай Дай», поскольку их карьеру все же можно охарактеризовать как успешную, пусть и в меньшей степени, чем у других. Тем не менее в целом респонденты убеждены, что их зарубежный опыт открыл больше возможностей для карьеры.

Подводя итоги, авторы статьи отмечают, что для 17 бывших выпускников Университета Осло обучение в Норвегии стало непревзойденным как жизненным, так и академическим опытом, в результате которого они достигли нового уровня знаний и навыков, а также личностного роста, т.е. приобрели значительный «мобильный капитал».

А.А. Раренко

2020.02.007. БОННЕ Э., ПЬЕТРОПАОЛИ К., ВЕРЛЕЙ Э. НАЧАЛО ТРУДОВОГО ПУТИ: ТИПИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ УСПЕХА ВЫПУСКНИКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.
Реф. ст.: BONNET E., PIETROPAOLI K., VERLEY E. S'insérer dans l'emploi et s'engager dans le travail: Parcours types de réussite des sortants de l'enseignement professionnel // Formation emploi. – 2018. – N 2. – P. 143–166.

Ключевые слова: профессиональное образование; успешное трудоустройство; трудовые траектории.

Французские социологи Эстель Бонне (Центр Макса Вебера, Университет Лион 2), Карин Пьетропаоли (Центр Макса Вебера, Национальный центр научных исследований) и Элиз Верлей (Сорбонна) выявляют закономерности трудовой карьеры выпускников среднего профессионального образования, выделяют типичные профили их трудовых траекторий, а также факторы, определяющие успешность их трудового пути.

Авторы избрали следующий подход: вместо того, чтобы рассматривать эту ветвь образования (среднее профессиональное) как «отстойник» для молодых людей с плохой школьной успеваемостью, а ее контингент – как гомогенную массу неудачников, они предлагают дифференцированно подойти к ее выпускникам, проанализировав особенности их начавшейся трудовой карьеры. Их статья призвана ответить на вопрос: присущи ли проблемы вступ-

ления в трудовую жизнь и закрепления в профессии всем выпускникам среднего профессионального образования, или среди них можно выявить «позитивные» модели встраивания в трудовую деятельность.

Анализ произведен, исходя из двух структурирующих характеристик трудоустройства: объективных факторов (тип трудового договора – постоянный или временный, размер зарплаты, соответствие работы полученной специальности и др.) и субъективного отношения к работе (удовлетворенность осуществляемой деятельностью, уверенность в профессиональном будущем). Такой подход позволяет получить представление о трудовых ситуациях молодежи, а также об их оценке своего положения.

Работа опирается на обследование Центра исследования квалификаций (Céreq) «Поколение 2010», в рамках которого в 2013 г. был проведен опрос среди 33 тыс. молодых людей, завершивших образование за три года до этого. Среди них выпускники среднего профессионального образования составляли около 9 тыс. Авторы использовали данные лишь тех из них, кто на момент анкеты был трудоустроен (5400 человек, или 60%) (с. 146).

Обращаясь к понятию успешности в социальных науках, авторы задаются вопросом, что подразумевается под успешным путем интеграции. Ее оценка может варьироваться в зависимости от подхода. С точки зрения учебного заведения успешность измеряется получением диплома по его окончании, желательного с высокими баллами. В профессиональном образовании к этому добавляется наличие квалификации. Что касается профессиональной успешности, авторы выделяют вышеуказанные объективные параметры и субъективную оценку.

Объективные характеристики рабочего места кроме продолжительности работы и типа трудового договора включают в себя также безопасность и здоровые условия труда, уровень вознаграждения, доступ к образованию и к возможности продвижения по службе (карьерному росту, улучшению дохода и статуса). Эмпирические исследования придают также значение субъективным характеристикам, подразумевающим удовлетворенность работни-

ка. Так, Эндрю Кларк[1] считает, что внешний наблюдатель не может дать оценку рабочего места, поэтому настаивает на важности учета как объективных, так и субъективных параметров для того, чтобы иметь возможность прогнозировать поведение людей на рынке труда, осознавать их мотивацию при желании закрепиться на рабочем месте. Он выделяет шесть критериев хорошей работы: зарплата, время работы, профессиональные перспективы, сложность работы, содержание (престижность, способность вызывать интерес и обеспечивать независимость работника) и отношения, складывающиеся в процессе труда.

Субъективная оценка успешности трудовой ситуации подразумевает мнение человека о работе, рабочем месте, соответствии работы образованию и квалификации, о возможности профессионально раскрыться, а также оценку заплаты, исходя из особенностей работы (независимо от размера вознаграждения работа подлежит субъективной оценке, связанной с ожиданиями, сравнением с окружением внутри и вне профессионального круга, с амбициями, с полом).

С точки зрения успешности траекторий трудовой интеграции в публикации Центра исследования квалификаций[2] выделяются пять категорий: быстрое получение работы на продолжительное время с непродолжительными периодами безработицы; постепенный доступ к работе после периода незанятости или безработицы; выход с рынка труда (временное прекращение трудовой занятости или безработица); продолжающееся состояние незанятости или безработицы; возвращение к образованию. В качестве очевидно успешного рассматривается первый вариант, однако и второй случай может считаться удачным, давая возможность постепенно приобщиться к профессиональной деятельности. Впрочем, прекращение работы для продолжения образования в некоторых случаях также может расцениваться как форма социализации в трудовой активности.

---

[1] *Clark A.E.* What makes a good job? Job quality and job satisfaction // IZA World of labour. – 2015. – P. 1–10. – Mode of access: https://wol.iza.org/articles/what-makes-good-job-job-quality-and-job-satisfaction/long (Accessed: 10.03.2020.)

[2] Quand l'École est finie: Premiers pas dans la vie active / coord. par P. Rouaud, O. Joseph. – P.: Céreq, 2014.

Учет субъективной оценки работников принципиален при оценке удовлетворенности индивида трудовой ситуацией и, таким образом, обогащает анализ профессиональной ситуации. При этом исследователи учитывают многие параметры, способные повлиять на успешность: пол (у женщин выше вероятность профессионального деклассирования), уровень диплома, специализацию образования, социальный капитал, вовлеченность в социальные сети, географическую зону поиска работы, социальное происхождение.

Авторы статьи выстроили типологию на основе разделения на *отношение к труду* и *характеристику рабочего места*. Отношение к труду позволяет оценить степень удовлетворенности работника своей трудовой деятельностью. Оно определяется зарплатой, условиями труда (время, которое занимает работа, тяжесть работы, возможность проявлять самостоятельность, инициативу и т.п.), трудовыми отношениями, удовольствием или неудовлетворением, испытываемым в процессе трудовой деятельности, перспективами, возможностями профессиональной карьеры. Характеристика рабочего места дает возможность оценить степень профессиональной стабильности и детерминируется гарантированностью работы, видом трудового договора (срочный или бессрочный), экономическими и социальными преимуществами данной работы. По мнению авторов, это дает более широкий подход к определению качества трудовой занятости. Особенно если сочетать его с параметрами пола, образования, специализации, социальной принадлежности, а также демографической когорты, поскольку разным когортам достаются различные условия выхода на рынок труда, экономические возможности и риски. Разным когортам также присущи различия в концепциях труда. В частности, отмечается, что нынешнее молодое поколение отличается «полицентричной» концепцией существования – системой ценностей, организованной не только вокруг работы, но также и семьи, романтических отношений, досуга и различных увлечений. И поиск гармонии между работой и остальными ценностями может привести выпускника к выбору негарантированной, но предоставляющей другие преимущества работы.

С учетом цели исследования – понять, как выстраиваются траектории «успешной» профессиональной интеграции, – французские социологи отмечают, что такие траектории характеризу-

ются «двойной страховкой», сочетающей стабильную занятость и самореализацию (материальную и символическую) в труде. Схожего мнения придерживается французский социолог Серж Погам[1], обозначая следующие типы трудовой интеграции: гарантированная («защищенная») трудовая интеграция (удовлетворение от работы и стабильная занятость); ненадежная интеграция (удовлетворение от работы и нестабильная занятость); «трудолюбивая» интеграция (неудовлетворенность от работы и стабильная занятость); «дисквалифицирующая» занятость (неудовлетворенность от работы и нестабильная занятость).

В качестве методов авторы применяют множественный анализ соответствий (analyse des correspondances multiples) – для выделения значимых параметров, а затем восходящую иерархическую классификацию (classification ascendante hiérarchique). В результате обработки данных участников выборки и использования комбинации двух параметров (характеристика рабочего места / удовлетворенность работой) удалось выделить четыре профиля молодых людей, условно обозначенных как: «защищенные довольные», или «успешные» (50%); «защищенные недовольные», или «защищенные» (22%); «незащищенные довольные», или «довольные» (19%); «незащищенные недовольные», или «деквалифицированные» (8%) (с. 153).

Анализ группы «успешных» показал, что среди них выше доля тех, чей выбор в пользу среднего профессионального образования был осознанным, а не вынужденным в связи с неудачами в школьном обучении, т.е. они не воспринимали свою трудовую ситуацию как перевод в низшую категорию, что распространено среди профиля «деквалифицированных». Среди «успешных» выше доля тех, кто прошел обучение на производстве, которое, по мнению авторов, следует трактовать в данном контексте как среду, участвующую в формировании личности, профессиональных навыков, приобщении к профессии и самоидентификации с профессиональной ролью. «Успешные» чаще являются выпускниками по производственным специальностям, электрике, электротехнике, обработке материалов, строительным специальностям. И, напротив, среди выпускников направлений, связанных с коммуникацией

[1] *Paugam S.* Le salarié de la précarité. – P.: PUF, 2000.

и информацией, управлением и администрированием, оказанием услуг, социальной работой, меньше доля тех, кто удовлетворен работой и имеет «хорошие» параметры рабочего места.

Авторы связывают это с тем, что «изменения, происходящие в системе образования, в сочетании с экономическими трудностями последних лет привели к возросшей уязвимости и прекаризации некоторых групп учащихся профессионального образования» (с. 155). Так, ряд специальностей, в частности административные, испытывают на рынке труда усиливающуюся конкуренцию со стороны высшего образования.

Значимой для трудовой карьеры является такая переменная, как пол. Согласно результатам исследования, среди «успешных» женщины составляют лишь 26%, тогда как среди «деквалифицированных» – 68% (с. 155). Таким образом, аналогичная или даже лучшая школьная успеваемость девушек не соответствует последующей трудовой успешности. Авторы пишут о большей распространенности среди них неполных форм занятости, безработицы и более низкой оплаты при одинаковом уровне диплома. Среди возможных причин назван более частый выбор ими, по сравнению с юношами, специальностей, сопряженных с трудностями при трудоустройстве.

Переменная социального происхождения оказывает не особенно существенное влияние на принадлежность к тому или иному профилю. Зато некоторые направления обучения дают, как показывают результаты исследования, бóльшие шансы на успешное трудоустройство. Авторы рассматривают преобладание представителей того или иного профиля среди разных профессий. Так, работа «успешных» чаще связана с трудом в традиционном представлении, с ручным трудом (производство, обработка материалов, ремонт, приготовление еды, парикмахерское дело, электрика, сантехника), нежели с работой, связанной с уходом за людьми или отношениями между людьми. Знакомство с будущим местом работы часто начиналось у «успешных» еще во время обучения (учеба на производстве или производственная практика). Кроме того, относящиеся к профилю «успешные» чаще подтверждают соответствие характера их работы полученным при учебе специальности и квалификации.

В профиле «защищенные недовольные» превалируют представители рабочих специальностей низкой квалификации. Что касается «незащищенных довольных», среди них преобладают работающие по специальностям, связанным с уходом и отношениями между людьми. Соответственно, поскольку эти рабочие места преимущественно «женские», в этой категории большинство (2/3) составляют женщины. Ориентация на другого и на отношения с людьми способствует общественному признанию таких профессий и формирует у их представителей ощущение, что они приносят пользу обществу и людям. Однако это не подкрепляется ни размером зарплаты, ни статусом. Наконец, для «незащищенных недовольных», или «деквалифицированных», характерны как неудовлетворенность своей работой, так и негативная характеризация рабочего места. Среди них – наибольшая доля лиц с низким уровнем оплаты труда, неполным рабочим днем, краткосрочными трудовыми договорами и различными формами непостоянной занятости.

Таким образом, успешное трудоустройство и закрепление в профессии выпускников короткого профессионального образования зависят не только от успешного обучения и полученного диплома, но также от таких факторов, как пол, профессиональная специализация и профессиональная самоидентификация, формы обучения. Сочетание этих факторов дает разнообразную картину трудовых траекторий бывших выпускников профессионального образования. Как было показано в статье, успешные трудовые траектории характеризовались двойным позитивным отношением: в том, что касается удовлетворенности от труда (условий, зарплаты, перспектив, трудовых отношений, удовольствия от работы) и характеристик рабочего места (в частности стабильной занятости).

Возвращаясь к работе С. Погама, авторы видят соответствие результатов своих исследований его анализу. Выявленные ими категории трудовых траекторий (профили) коррелируют с идеальными типами Погама, преобладающими в каждой из них: «Модель *homo faber* преобладает среди “защищенных довольных”, у которых соединяются позитивное аффективное отношение к труду и к рабочему месту, а также присутствует сильная профессиональная самоидентификация; модель *homo oeconomicus* – у “защищенных недовольных” с преобладанием инструментального отношения к

труду в сочетании с присущими работе экономическими преимуществами; модель *homo sociologicus* – у “незащищенных довольных”, которые ценят свой труд за связанные с ним социальные отношения; наконец, негативная по всем показателям модель – у “незащищенных недовольных”, в чьем труде не присутствует ни самостоятельная, ни инструментальная, ни связанная с трудовыми отношениями ценность и которые переживают опыт деквалификации, не имея никаких возможностей применить свой профессиональный диплом на рынке труда» (с. 163).

Авторы делают вывод, что результаты их исследования подтверждают тезис об усиливающейся прекаризации на рынке труда. При этом они указывают, что необходимо учитывать неоднородность профессиональных ситуаций и разнообразие профессиональных траекторий, отдавая себе отчет, что получившая среднее профессиональное образование молодежь по-разному встраивается в рынок труда и не у всех трудовая интеграция носит дискриминационный характер. Небольшие расхождения, накапливаемые по мере обучения, трудоустройства и выстраивания трудовой карьеры, постепенно складываются в достаточно существенные различия между социальными группами.

Е.Л. Ушкова

2020.02.008. СТРАХ ПЕРЕД УСПЕХОМ КАК БАРЬЕР ДЛЯ КАРЬЕРНОГО РОСТА У ЖЕНЩИН: ИССЛЕДОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ / КОМАЛАСАРИ Й., СУПАРТА В. Г, РАЮДА А.Г., ДЕВИ И Г.А.М.
Реф. ст.: Fear of success on women’s career development: A research and future agenda / Komalasari Y., Supartha W.G., Rahyuda A.G., Dewi I G.A.M. // European j. of business a. management. – 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 60–65.

Ключевые слова: карьера женщин; гендерные стереотипы; психологические барьеры; ориентация на карьерный рост.

В статье Йейен Комаласари, Ваяна Геде Супарты, Агуса Ганеши Раюды и И Густи Аю Мануати Деви (факультет экономики и бизнеса, Университет Удаяна, г. Денпасар, Индонезия) обсуждаются психологические аспекты карьерного роста работающих женщин. Авторы предлагают критический обзор существующих

концепций карьерного роста и обосновывают собственное понимание барьеров субъективно-психологического характера, которые тормозят успешную карьеру представительниц слабого пола. Главным из них они считают «страх перед успехом» на профессиональном поприще. В развивающихся странах, к числу которых относится Индонезия, негативное влияние психологических факторов, затрудняющих продвижение женщин по карьерной лестнице, усугубляется стереотипами и предрассудками традиционной культуры, которые мешают работающей женщине безоговорочно признать за собой право на профессиональный успех наравне с мужчиной.

Как правило, социологи перечисляют следующие переменные, участвующие в процессе карьерного роста (в равной мере как для мужчин, так и для женщин): заработная плата, статус и престиж, профессиональные достижения, желание выполнять более сложные и ответственные задания, властные полномочия, поддержка коллег и поощрение со стороны руководителей, опыт, образование, собственно «карьера». Эти факторы относятся к разряду внешних (объективных, общих), по преимуществу социальных детерминант профессионального роста; к той же категории принадлежат и средовые детерминанты карьерного продвижения (стереотипы, предрассудки, ценности), которые оказывают существенное влияние на «путь в профессии», независимо от гендерной принадлежности работника. Однако существуют еще субъективные, психологические блокаторы успешной карьеры, которые, по мнению авторов статьи, более существенны для женщин, чем для мужчин, и которым до сих пор не уделялось должного внимания в специальной литературе. Самый влиятельный из них – страх успеха, или опасение, что успешное выполнение профессиональных обязанностей, открывающее «путь наверх», придет в столкновение с гендерной идентичностью женщины и с сопряженными с этой идентичностью социокультурными ожиданиями. Речь идет о неготовности общества, в особенности такого, где еще сильны традиционные представления о гендерных ролях, признать женщину способной двигаться по карьерной лестнице наравне с мужчиной без ущерба для ее женской «природы» как матери, жены, подруги и хранительницы очага.

Если средовые детерминанты и ситуативные факторы, определяющие траекторию карьерного роста, не всегда подлежат коррекции путем личного вмешательства, то психологическая предрасположенность (готовность) к успеху в профессии в значительной степени поддается личностному управлению и контролю, настаивают авторы. Это касается и страха перед успехом. Поэтому данная проблема может и должна рассматриваться с позиции радикальной психологической перестройки диспозиций работающих женщин, поставленных перед необходимостью противостоять гендерным и социокультурным стереотипам, в особенности в развивающихся странах.

Под страхом успеха индонезийские исследователи подразумевают «переживания, связанные с ситуациями, когда индивид страдает от разрушающих личность сомнений в своей способности справиться с заданием, которое ему предстоит выполнить в профессиональной сфере» (с. 60). Этот субъективный страх усиливается социальной средой и гендерными поведенческими паттернами, ограничивающими роль представительниц слабого пола их «природными женскими функциями», а также угрозой осуждения и остракизма со стороны ближайшего сообщества. Эти препятствия в совокупности порождают и поддерживают перманентное состояние беспокойства и тревоги у женщин, добившихся успеха в своей профессиональной деятельности: они «боятся двигаться вверх», и вместо того, чтобы делать дело, размышляют о том, чем им грозит карьерный успех (с. 61). Эти переживания усугубляются устойчивыми представлениями о женской карьере как результате стечения обстоятельств, судьбы, помощи извне (преимущественно со стороны мужчины), но не личных заслуг и стремлений. Негативную роль играет и устойчивый (особенно в развивающихся странах) стереотип неизбежной маскулинизации женщин, достигших карьерных высот (намеренное и неизбежное пренебрежение своими «природными» обязанностями и имиджем). Таким образом, страх социального неприятия пресекает стремление женщин добиться успеха в профессии, резюмируют свои рассуждения авторы.

По мнению исследователей, занимающихся проблемой «женской карьеры», модель, которая описывает карьерный путь представителей сильного пола, не годится для анализа «пути на-

верх» работающих женщин. Прежде всего потому, что состоявшаяся как профессионал женщина сталкивается с совершенно иными последствиями своей успешности, чем мужчина[1]. Если у мужчин карьерный успех ассоциируется с личностным ростом, психологическим развитием и повышением самооценки, то женщин ждут осуждение, зависть, недвусмысленные намеки и сплетни. Следовательно, традиционная модель карьерного роста, где профессиональный рост рассматривается как атрибут личностной зрелости и самодостаточности, не работает применительно к «женской карьере», где на первый план выходит противоречие между гендерной и профессиональной сторонами идентичности (с. 61).

В литературе в ряду собственно «женских» карьерных барьеров чаще всего упоминаются такие феномены, как: а) ограниченность географической мобильности, связанная с нежеланием надолго покидать семью и детей; б) пренебрежительное и даже уничижительное отношение общества к потенциалу женщины как работника и профессионала; в) несовершенство государственного законодательства в отношении женщин, ограничивающее перспективы их профессионального роста. Среди психологических факторов, затрудняющих карьерный рост женщин, многие исследователи акцентируют именно те процессы, которые авторы настоящей статьи обозначили термином «страх перед успехом»[2]. Эксперты сходятся во мнении, что речь идет об остром внутреннем противоречии между желанием работающей женщины добиться профес-

[1] *Gallos J.V.* Exploring women's development: Implications for career theory, practice and research // Handbook of career theory. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1989. – P. 110–132; *O'Neil D.A.*, *Bilimoria D.* Women's career development phases: Idealism, endurance and reinvention // Career development international. – 2005. – Vol. 10, N 3. – P. 168–189; *Sullivan Sh.E.*, *Mainiero L.A.* Using the kaleidoscope career model to understand the changing patterns of women careers: Designing human resource development programs to attract and retain women // Advances in developing human resources. – 2008. – Vol. 10, N 1. – P. 32–49.

[2] *Horner M.S.* Femininity and successful achievement: A basic inconsistency. – Belmont (CA): Brooks / Cole, 1970; *Basarah F.* Achievement motivation in women: Study exploratory fear of success in women // Gender in management: An international j. – 1989. – Vol. 29, N 2. – P. 91–107; *Dahesihsari R.*, *Seniaty A.N.L.* The relationship between the role of gender, fear of success and ethnicity with a commitment to the organization of women lecturers // Anima Indonesian psychological j. – 2002. – Vol. 17, N 1. – P. 332–345.

сионального успеха и предвидением негативных последствий своего выбора в пользу именно такой жизненной и профессиональной траектории (с. 62). Другими словами, это внутреннее психологическое состояние, которое блокирует мотивацию женщины к продвижению по карьерной лестнице.

Существует немало эмпирических исследований, подтверждающих распространенность и характерность этого психологического блокатора успеха, как в развитых странах (Франция, Ирландия), так и в развивающихся государствах (Индия, Индонезия). В качестве главного механизма, который может нивелировать женский страх перед успехом, авторы называют внутреннюю организационную культуру, нацеленную на повышение карьерной мотивации работающих женщин как одного из приоритетных направлений деятельности администрации и менеджеров, а также изменение социальной политики государства в целом в том же направлении. Анализ этих аспектов должен стать главной темой дальнейшей исследовательской работы, связанной с изучением «женской карьеры».

Е.В. Якимова

СОЦИОЛОГИЯ ИКТ

УДК 316.77
2020.02.009. ПАВЛЮЧЕНКО А.А. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: СТИВЕНС-ДАВИДОВИЦ С. ВСЕ ЛГУТ: ПОИСКОВИКИ, BIG DATA И ИНТЕРНЕТ ЗНАЮТ О ВАС ВСЁ / пер. с англ. Л.И. Степановой. – М.: Эксмо, 2018. – 384 с.
PAVLUCHENKO A.A. Book review: Stephens-Davidowitz S. Everybody lies: Big data, new data and what the Internet can tell us about who we really are. DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.04

Аннотация. Книга бывшего аналитика Google С. Стивенса-Давидовица является популярным введением в мир «больших данных». Автор рецензии отмечает, что эффективное применение анализа доступной в Интернете информации, объединенной в массив «больших данных», позволяет проводить максимально достоверные исследования в сфере социогуманитарных и естественных наук.

Abstract. The book written by former Google data analyst S. Stephens-Davidowitz is a popular introduction to the world of Big Data. The author of the book review points out that effective use of the analysis of information available on the Internet, combined into an array of «big data», allows for utterly reliable research in the field of social sciences and humanities as well as natural sciences.

Ключевые слова: интервью; методология; Big Data; большие данные; США; Д. Трамп; Б. Обама.

Keywords: interview; methodology; Big Data; USA; D. Trump; B. Obama.

Люди склонны преувеличивать и недоговаривать; исследования недостаточно репрезентативны; опросы превратились в средство политической борьбы и повод для генерации определен-

ных новостей, компании манипулируют статистикой в стремлении упрочить свою репутацию на рынке, – таким образом, все лгут. В подобных условиях, несмотря на избыточное количество находящихся в открытом доступе цифровых данных, прогнозирование и анализ общественно-политических процессов парадоксальным образом осложняются.

Книга Стивенса-Давидовица – это одна из первых попыток систематизировать и оценить сложившиеся на сегодняшний день способы анализа массивов больших данных в гуманитарных и естественных науках, а также наметить основной вектор развития данного направления. По словам самого автора, эта работа призвана стать новой ступенью «фрикономики» Стивена Левитта [Левитт, Дабнер, 2007] и заразить молодое поколение исследователей идеей о возможности рассматривать анализ «больших данных» в качестве ключа к пониманию действительного устройства мира.

Основное различие между исследованиями Стивенса-Давидовица и Левитта заключается в том, что последний работал в 1990-х годах, когда данных, доступных для анализа, было не так много. По этой причине он зачастую игнорировал те области, которые ранее не описывались через количественные показатели. Однако в условиях современного мира сложно говорить о дефиците информации. Количество доступных для анализа тем не ограничено, а малозатратность анализа «больших данных» позволяет любому исследователю (при наличии навыка работы со статистикой и творческого подхода) задействовать этот инструмент в своих изысканиях.

С развитием Интернета возможности научного сообщества расширились. Использование доступной в Сети информации, объединенной в массив «больших данных» для построения прогнозов и проведения исследований, было признано одним из наиболее перспективных направлений в науке.

Однако «выделить подлинный сигнал в переполненной шумом Вселенной данных» оказалось не так просто. Одним из первых принципиально новую методологию оценки и подбора информации предложил американский социолог Нейт Сильвер [Silver, 2012]. «Рациональный прогрессивист», автор блога *FiveThirtyEight* на сайте «New York Times», верно определивший победителя президентских выборов в США в 2012 г., стал олицетворе-

нием предсказательного тренда американской политической социологии.

В данном контексте книга бывшего аналитика Google Сета Стивенса-Давидовица, рассматриваемая в настоящей рецензии, является своего рода популярным введением в мир «больших данных». Под *Big Data* автор понимает текст и ссылки; фото и видео; поисковые запросы в Интернете. В совокупности они формируют не только персональные ячейки знаний о каждом конкретном пользователе, но представляют мощнейший инструмент для анализа [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 20]. С точки зрения Стивенса-Давидовица, люди не доверяют свои секреты интервьюерам социологических служб, однако раскрываются через собственные поисковые запросы, что позволяет эффективно использовать инструменты того же Google для отслеживания общественных настроений. Так, после предварительных республиканских выборов 2016 г. многие эксперты пришли к выводу, что у Дональда Трампа нет никаких шансов победить, так как во время предвыборной кампании он успел оскорбить почти все возможные меньшинства. Результаты опросов демонстрировали, что подобную риторику одобряет минимальное число американцев [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 12].

В ходе исследований, проводившихся в период президентства Барака Обамы, социологи раз за разом приходили к выводу, что раса не является существенным фактором при выборе кандидата. В академических кругах США утвердилось мнение, что расизм присущ только небольшому проценту маргиналов; некоторые исследователи даже утверждали, что в стране уже сформировалось пострасовое общество [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 13]. Однако с победой Д. Трампа эти иллюзии быстро развеялись.

В ходе собственного анализа поисковых запросов Google Стивенс-Давидовиц пришел к ряду значимых выводов. Во-первых, он обнаружил, что большая часть американцев скрывает свой расизм [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 19]. Во-вторых, автор выявил расхождение между устоявшимися представлениями о специфике локализации современного расизма и реальной географией его распространения. Согласно стереотипному восприятию, расизм распространен преимущественно среди республиканцев на Юге США. Однако, по мнению Стивенса-Давидовица, правильнее было

бы противопоставлять не Север и Юг, а Запад и Восток. Исследование с использованием Google Trends показало, что наибольшее количество интернет-запросов расистского толка приходилось на IP-адреса, зарегистрированные в штатах Нью-Йорк, Пенсильвания, Западный и Восточный Огайо, Мичиган и Иллинойс [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 19]. Таким образом, можно прийти к выводу, что степень расизма жителей Юга – не больше, чем жителей Севера, просто южане откровеннее в выражении своих взглядов [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 20].

Это не единственные искажения, которые были обнаружены автором. Больше половины граждан, которые в итоге не голосуют, во время опросов говорят о своей готовности прийти на выборы. Изучение таких поисковых запросов Google, как «где голосовать?» и «как голосовать?» за неделю перед выборами, куда вернее покажет реальную явку избирателей, настаивает Стивенс-Давидовиц [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 21].

С его точки зрения, анализ «больших данных» позволяет проводить исследования, отбрасывая когнитивные искажения опрашиваемых, и получать информацию в тот момент, когда респондент не подвергается какому-либо социальному давлению.

Основываясь на этом принципе, автор делит доступную для анализа информацию на «цифровую правду» и «цифровую ложь». К первой относятся поисковые запросы, просмотры, клики и выделения текста, а ко второй – посты и лайки в социальных сетях, а также профили на сайтах знакомств [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 192].

По мнению автора, оптимизация методов анализа и сбора «больших данных» позволит социальным наукам приобрести точность, в наличии которой им часто отказывают представители точных и естественных наук [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 336]. Однако это не означает, что социальные законы будут сведены к формулам наподобие $e = mc^2$ [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 338].

Произошедшая цифровая революция еще не затронула в своей основе методику обучения в области социальных наук, продолжает автор. Целый массив данных, доступных для исследования, на данный момент пользуется спросом исключительно у студентов и небольшого числа экспертов. Однако это временное явление; в частности, Стивенс-Давидовиц прогнозирует радикаль-

ное расширение методологического инструментария исследований в сфере здравоохранения за счет применения сравнительного анализа «больших данных» и выявления корреляции между внешними факторами и распространением определенных заболеваний среди населения [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 338].

Потребовалось немало лет, чтобы прогресс в естественных науках нашел отражение в нашей повседневности (был открыт пенициллин, созданы спутники и компьютеры), продолжает автор. Подобная неспешная эволюция уготована и социальным наукам – вслед за их трансформацией благодаря анализу «больших данных». К примеру, экономист Северо-Западного университета (г. Эванстон, США) Бенджамин Ф. Джонс смог применить метод A/B тестирования для выявления наиболее эффективных учебных планов[1]. Благодаря созданной им платформе EDU STAR Джонсу удалось доказать низкую эффективность игровых форм обучения для изучения математики младшими школьниками [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 341].

Помимо позитивной стороны анализа «больших данных», Стивенс-Давидовиц обсуждает также моральные аспекты применения этого инструментария. Большие данные позволяют прогнозировать наше поведение с «пугающей» точностью. В качестве примера автор ссылается на разработки группы американских экономистов [Netzer, Lemair, Herzenstein, 2019], посвященные проблематике кредитования. Было установлено, что частое использование потенциальным заемщиком таких слов, как «Бог», «обещаю», «оплачу», «спасибо», «больница», с высокой вероятностью гарантирует погашение кредита в срок [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 322].

Ссылаясь на использование подобных методов компаниями для повышения уровня продаж и государством для прогнозирования уровня преступности, Стивенс-Давидовиц задается вопросом: хотим ли мы жить в обществе, в котором по написанным нами в поисковой строке браузера словам можно будет предсказать, вернем ли мы кредит и совершим ли преступление? С его точки зре-

[1] A/B тестирование – метод исследования, при котором контрольная группа элементов сравнивается с набором тестовых групп, где изменен тот или иной элемент.

ния, это «как минимум жутковато и порой просто страшно» [Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 323].

Очевидно, применение анализа доступной в Интернете информации, объединенной в массив «больших данных», способно повысить качество жизни современного общества и позволяет проводить максимально достоверные исследования в социальных и естественных науках. Однако при использовании подобного инструментария необходимо установить границы приемлемого с точки зрения морали. Как показал имевший место в недавнем прошлом отказ Facebook размещать политическую рекламу, последовавший вслед за слушаниями в Сенате США, которые касались участия компании *Cambridge Analytica*[1] в президентских выборах 2016 г., общество пока не готово к подобному вмешательству аналитиков «больших данных» в свою жизнь.

Список литературы

Левитт С.Д., Дабнер С.Дж. Фрикономика: Мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями / пер. с англ. – М.: Вильямс, 2007. – 288 с.

Стивенс-Давидовиц С. Все лгут: Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все / пер. с англ. Л.И. Степановой. – М.: Эксмо, 2018. – 384 с.

Netzer O., Lemaire A., Herzenstein M. When words sweat: Identifying signals for loan default in the text of loan applications / J. of marketing research. – 2019. – Vol. 56, N 6. – P. 960–980.

Silver N. The signal and the noise: Why most predictions fail – but some don't. – N.Y.: Penguin press, 2012. – 534 p.

© *Павлюченко А.А., 2020*

2020.02.010. ВЕР Э. ВЛИЯНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ НА РАБОТНИКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ, СЕМЕЙНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ СФЕРАХ.

Реф. ст.: VAYRE É. Les incidences du télétravail sur le travailleur dans les domaines professionnel, familial et social // Le travail humain. – 2019. – Vol. 82, N 1. – P. 1–39.

[1] Cambridge Analytica (CA) – частная английская компания, которая использует технологии глубинного анализа данных для разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных кампаний в Интернете. В 2016 г. специалисты CA сопровождали президентскую кампании Д. Трампа.

Ключевые слова: дистанционная работа; удаленная работа; организация труда; трудовые отношения.

Эмили Вер (Университет Париж-Нантер, Франция) представляет обзор публикаций, позволяющих проследить воздействие дистанционной работы[1] на работника как в профессиональной области, так и на его семейную и социальную жизнь.

Распространение дистанционной работы, ставшее одним из характерных за последние два десятилетия изменений в сфере труда, отвечает современным требованиям самодисциплины работника, а также вписывается в процесс размывания границ работы. Оно стало возможным благодаря взрывному развитию информационно-коммуникационных технологий с начала 2000-х годов, в связи с чем «“работа на удалении” все чаще представляет собой “телеработу”, подразумевающую работу, осуществляемую дистанционно и с помощью новых информационно-коммуникационных технологий» (с. 2–3).

Она стала предметом многочисленных исследований в области психологии труда, менеджмента, социологии. Опираясь на них, автор предполагает представить основные характеристики дистанционной работы, ее прямые и косвенные воздействия на работника и его окружающих в профессиональной сфере, а также на отношения между профессиональной сферой и другими сферами деятельности, на качество жизни работника и его близких.

Большинство исследователей, определяя дистанционную работу, сходятся в том, что она представляет собой «регулярную и официальную форму организации и осуществления производственной деятельности, протекающую полностью или частично на расстоянии (т.е. вне помещений работодателя как минимум один день в неделю) и с помощью информационно-коммуникационных технологий» (с. 5). Исследователи выделяют четыре основные категории дистанционной работы: на дому в режиме полной занятости (работа полностью осуществляется дома); чередующаяся работа в офисе и на дому (работник трудится дома как минимум один день в неделю); мобильная дистанционная работа (работа подра-

[1] Используемый в статье термин «télétravail» мы передаем как «дистанционная работа». Хотелось бы оговорить, что в русском языке употребляются синонимы: удаленная работа, телеработа. – *Прим. реф.*

зумевает перемещения, и работник использует различные места работы: гостиницы, дом, помещения клиентов, транспорт и т.п.); дистанционная работа в специально предназначенных местах (вне помещения работодателя и вне дома: компьютерные центры, коворкинги и т.п.). Наиболее распространенными являются две первые формы дистанционной работы.

Результаты исследований сходятся в описании профиля дистанционного работника: в основном это люди, работающие на полную ставку, занимающие ответственные должности (административно-управленческий персонал), с высоким уровнем образования (высшее), среднего возраста (35–50 лет), чаще мужчины, проживающие в городах, состоящие в браке, имеющие ребенка (детей).

Распространение дистанционной работы во Франции идет медленно, но плавно; темпы ее роста сопоставимы с большинством европейских стран. По данным французского Национального института статистики и экономических наук (INSEE), чуть более 20% организаций в стране прибегают к дистанционной занятости постоянно (с. 6). Одни источники указывают, что 14,2% наемных работников в государственном и частном секторах работают дистанционно (подразумевается один день в неделю как минимум)[1]; другие (обследование, проведенное в 27 странах ЕС) – что таких всего 7–8%[2]. Для сравнения, тот же источник указывает, что в странах ЕС дистанционная работа охватывает от 15 до 20%, а в США, по данным доклада Статистического управления Министерства труда, – 24% работников[3]. Таким образом, Франция отстает по распространенности этого феномена.

При анализе исследований, посвященных дистанционной работе, выделяются две области – ее влияние на сферу труда (рабочая нагрузка, здоровье, отношение к труду, организация труда, развитие карьеры, профессиональные отношения) и то, как она воздействует на соотношение рабочей и «внерабочей» жизни, а

[1] Guide méthodologique sur le télétravail (Premiers repères). – Lyon: Réseau ANACT/ARACT, 2015.

[2] *Welz Ch.*, *Wolf F.* Telework in the European Union. – Dublin: European foundation for the improvement of living and working conditions, 2010.

[3] American time use survey – 2015 results / Bureau of labor statistics. – Wash.: US Department of labor, 2016.

также на качество жизни дистанционного работника, его близких и социального окружения.

Обращаясь в первую очередь к положительному воздействию дистанционной работы на профессиональную сферу, исследователи отмечают, что она позволяет сократить перерывы в работе и необходимое на восстановление после работы время, повышает концентрацию, способствует росту производительности, эффективности и качества работы. Она также связана с более редкими пропусками работы и снижает негативные эффекты, порожденные высокими рабочими требованиями (физическая, временна́я, эмоциональная и когнитивная перегрузка). Среди других позитивных эффектов названы возможность контролировать график и время работы, лучше организовывать работу, более высокий уровень контроля при реализации рабочих задач. Кроме того, у дистанционного работника возрастает ощущение самостоятельности, мотивация к труду и профессиональное удовлетворение. Также уменьшается стресс, вызванный работой.

Была отмечена и неоднозначность данных положительных эффектов. Одни исследования показывали, что лишь официальная дистанционная работа дает улучшение качества и уменьшение числа ошибок. При этом дистанционный характер занятости никак не влияет на намерение оставить работу[1]. Другие отмечали, что активность и адаптивные показатели дистанционных работников зависят от уровня контроля, возрастая по мере снижения контроля со стороны руководства[2]. Наибольшая удовлетворенность была отмечена у тех, у кого дистанционная работа равномерно чередовалась с работой на предприятии[3].

---

[1] *Kossek E.E.*, *Lautsch B.A.*, *Eaton S.C.* Telecommuting, control and boundary management: Correlates of policy use and practice, job control and work–family effectiveness // J. of vocational behavior. – 2006. – Vol. 68, N 2. – P. 347–367.

[2] *Solís M.* Moderators of telework effects on the work-family conflict and on worker performance // European j. of management and business economics. – 2017. – Vol. 26, N 1. – P. 21–34.

[3] *Virick M.*, *Da Silva N.*, *Arrington K.* Moderators of the curvilinear relation between the extent of telecommuting and job and life satisfaction: The role of performance outcome orientation and worker type // Human relations. – 2010. – Vol. 63, N 1. – P. 137–154.

В ряде исследований отмечалось негативное воздействие дистанционной работы на профессиональную сферу. Так, повышение производительности, эффективности и качества труда на удалении связано с интенсификацией труда, увеличением продолжительности рабочего дня за счет времени на дорогу. Это может объясняться также тем, что дистанционная работа воспринимается на многих предприятиях как привилегия, и те, кто получает такую возможность, чувствуют себя обязанными по отношению к своей организации и прилагают бóльшие усилия, работают сверхурочно. Во многих случаях было выявлено отрицательное воздействие дистанционной работы на здоровье работника. Труд с редкими паузами и перерывами приводит к мускульно-скелетным нарушениям. Дистанционная работа также рассматривается как форма работы, ведущая к переработкам и трудоголизму, как источник стресса и даже профессионального истощения, а также психосоциальных рисков в связи с излишней нагрузкой и напряженными отношениями с коллегами и начальством. Кроме того, повышается вероятность профессионального стресса в связи с изоляцией дистанционных работников. Нехватка информации и указаний в том, что касается рабочих задач и критериев оценки работы, порождает ощущение отстраненности от организации и рабочего коллектива, опасения, что работнику не предложат участвовать в интересных проектах (некоторых подобное беспокойство приводило к больничным).

Негативное воздействие дистанционной работы на отношение к труду, организационные моменты и карьерные траектории также отмечено в ряде исследований. На неудовлетворенность от работы, предположительно связанную с отрывом от профессионального окружения, указывают многие авторы[1]. Меньшее чувство причастности к предприятию и вовлеченности в работу зафиксировано у работников, полностью работающих на дому. Однако у тех, кто чередует работу на дому и в помещениях предприятия, эти показатели выше. Кроме того, отмечается негативное воздействие дистанционной работы на социализацию работника на предприятии: его контакты с работающими в помещениях организации

[1] *Golden T.D.*, *Veiga J.F.*, *Simsek Z.* Telecommuting's differential impact on work-family conflict: Is there no place like home? // J. of applied psychology. – 2006. – Vol. 91, N 6. – P. 1340–1350.

происходят менее часто, и, осуществляясь дистанционно, они менее информативно и эмоционально насыщены. Наконец, ряд исследователей указывают на карьерный «застой» среди работающих дистанционно, вызванный тем, что в связи с пространственной удаленностью возможности продвижения по службе проходят мимо них[1].

Большинство публикаций свидетельствуют об отрицательном воздействии дистанционной работы на отношения с профессиональным окружением, несмотря на возможности, предоставляемые коммуникационными технологиями. У работающих удаленно реже происходит обмен мнениями с коллегами, при этом такое общение качественно «хуже», на основании чего делается вывод, что дистанционная работа не способствует коммуникации и сотрудничеству в рабочих коллективах. Также указываются риски профессиональной и социальной изоляции дистанционных работников и фрагментации трудовых коллективов. «Социальным представлениям о дистанционных работниках часто свойственна негативная коннотация: со стороны профессионального окружения могут проявляться непонимание, недоверие, даже некоторая враждебность, поскольку в данном случае отсутствуют привычные визуальные признаки, свидетельствующие о рабочем вкладе и активности дистанционного работника» (с. 13).

Далее в статье рассматривается воздействие дистанционного характера работы на взаимосвязь между рабочей и внерабочей сферами и на качество жизни работника. Результаты исследований здесь противоречивы. Среди положительных упоминается возможность располагать собой для домашних дел и семейных отношений, меньший стресс от работы, возможность лучше распределять рабочую и домашнюю занятость. Эти временны́е преимущества позволяют лучше совмещать разнообразные жизненные роли и иерархизировать разные виды деятельности. Однако исследования указывают, что работающие дистанционно часто не уделяют достаточно времени личным потребностям, отдыху, досугу, реже, чем

[1] *Cooper C.*, *Kurland N.B.* Telecommuting, professional isolation and employee development in public and private organizations // J. of organizational behavior. – 2002. – Vol. 23, N 4. – P. 511–532; *Gálvez A.*, *Martínez M.J.*, *Pérez C.* Telework and work-life balance: Some dimensions for organisational change // J. of workplace rights. – 2012. – Vol. 16, N 3–4. – P. 273–297.

обычные работники, выходят из дома. Среди отрицательных последствий работы дистанционно называются трудности в разделении профессиональных и домашних обязанностей, в отстаивании своего профессионального пространства перед требованиями домочадцев при работе дома. Исследования указывают на размывание границы между различными сферами жизни работающих на дому и на возникающие в связи с этим недопонимания, трения и конфликты дистанционного работника с родными и близкими. Также при работе на дому мужчины отмечали, что нехватка социального взаимодействия вызывает ощущение, что они существуют не в «своей» среде, погружены в «женские» заботы.

Впрочем, существуют дополнительные факторы, сглаживающие или усиливающие позитивные и негативные эффекты взаимодействия рабочей и внерабочей сфер. Среди них – характер работы: исключительно дома или мобильная дистанционная работа. Работа на дому связана с трудностью нахождения равновесия между временем и силами, затрачиваемыми на работу и внерабочие виды деятельности, а также установления границы между ними. Мобильная работа не требует подобных усилий. Другой дополнительный фактор – пол. Так, зафиксировано различное использование пауз между работой в зависимости от пола: мужчины чаще тратят их на занятия вне дома (совершить пробежку, забрать ребенка из школы), женщины – на домашние дела. Впрочем, выявлено и то, что официальная дистанционная работа мужчины, протекающая дома, способствует более равномерному распределению домашних обязанностей в семье. Среди прочих дополнительных факторов, способствующих лучшему балансу рабочей и частной сфер жизни, называется хорошая организация дистанционной работы со стороны предприятия: обозначение четких условий этой работы; доступ к ней для всех работников; ее технологическое обеспечение; поощрение доверительного и уважительного отношения к дистанционной работе в коллективе. Благоприятным моментом является также предоставление самостоятельности дистанционным работникам (в отношении места, времени, продолжительности работы). Напротив, недоверие и излишний контроль в подобной ситуации приводят к стрессам и конфликтам. Благоприятным фактором для совмещения рабочей и личной жизни является также умение планировать и организовывать разные виды дея-

тельности. Позитивное действие оказывает выделение дома постоянного рабочего места, т.е. физическое и психологическое разграничение пространства, помогающее смене ролей. Порой удовлетворенность может быть связана с частотой дистанционной работы: чем больше дней в неделю, тем выше чувство благополучия, уверенности, высокого качества жизни. Однако при этом общая удовлетворенность жизнью снижается у партнера, что, возможно, объясняется тем, что его захватывают рабочие проблемы другого и ему кажется, что домашние дела распределяются неравномерно. Отмечается, что дистанционная работа повышает чувство удовлетворения у женщин с детьми в отличие от остальных категорий.

Выводы исследований неоднозначны и порой противоречивы, подводит итоги автор. Трудовые ситуации разнообразны, и положение дистанционных работников нельзя назвать однородным. Положительное или отрицательное воздействие дистанционной работы часто корректируется, если в расчет принимаются дополнительные обстоятельства.

Вклад рассмотренных исследований в изучение дистанционной работы велик, особенно учитывая разнообразие использованных методов (количественные, качественные, смешанные, сравнительные, лонгитюдные). Однако, имея в виду перспективы исследований, автор полагает, что последние два метода использовались недостаточно, притом что они могли бы быть эффективными для объяснения противоречивых данных, позволив, например, отслеживать изменения в восприятии и оценках дистанционных работников на протяжении длительного периода. Автор также считает перспективным использование перекрестного метода, что позволило бы опросить не только самих работников, но и их коллег, близких, друзей. В целом изучение дистанционной работы и ее воздействия должно, по ее мнению, быть продолжено в связи с вероятным дальнейшим распространением этой формы труда.

Использование полученных в ходе исследований знаний и выводов могло бы, по мнению автора, способствовать совершенствованию дистанционной работы, в частности предотвратить ее выявленные негативные эффекты. Для этого требуется трансформировать организационную культуру, введя в политику предприятий формальные механизмы сопровождения дистанционной ра-

боты, соответствующие практики менеджмента, оценки эффективности и изменения представлений о дистанционных работниках. Помимо поддержки таких работников, необходимо организовать их обучение, чтобы донести до них информацию об оптимальной организации работы и предупреждении рисков.

Е.Л. Ушкова

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЛИЩА

УДК 316.33
2020.02.011. КАЗАКОВА А.Ю. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ZADOMOWIENIE: KONTEKSTY EMPIRYCZNE / POD RED.M. ŁUKASIUK, M. BROSZ. – Gdańsk: Wydawnictwo Zakładu Realizacji Badań Społecznych Q&Q, 2018. – 129 s. [ДОМЕСТИКАЦИЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ / ПОД РЕД.М. ЛУКАШИК, М. БРОША]. KAZAKOVA A.YU. Book review: Domestication: Empirical contexsts. DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.05

Аннотация. В центре внимания коллектива польских социологов находится малоизученный и в отечественной, и в мировой традиции концепт доместикации как «приватизации» человеком пространства, обживания дома и выстраивания с ним эмоциональных связей. Процесс доместикации представлен в виде концентрических кругов, расходящихся от дома как наиболее обжитого пространства к иным его типам, которые человек с различной степенью уверенности и благодаря разным видам социальных действий и связей может считать своим. Дом представлен как необходимое условие чувства безопасности, гармоничной идентичности и сохранности собственного достоинства, источник любви к малой родине и преемственности межпоколенных связей и ценностей.

Abstract. The focus of the team of Polish sociologists is the concept of domestication, which is poorly studied in both national and world traditions, as the «privatisation» of space by a person, habitation of the house and building emotional ties with it. The process of domestication is represented in the form of concentric circles that diverge from the house as the most habitable space to other types of it, which people with different degrees of confidence and due to different types of social actions and connections can consider their own. The

house is presented as a necessary condition for a sense of security, harmonious identity and self-preservation, a source of love for the small homeland and continuity of intergenerational ties and values.

Ключевые слова: социология жилища; доместикация; привязанность к дому.

Keywords: sociology of dwelling; domestication; attachment to the house.

Коллективная монография «Доместикация: Эмпирические контексты», предметная сфера которой определена ее научными редакторами Магдаленой Лукашик и Мачеем Брошем как социология жилища, издана в 2018 г. по материалам симпозиума «Крыши и стены: Антропологические и социологические аспекты архитектуры», проведенного 14–16 сентября 2017 в г. Лидзбарк-Варминьском секцией социальной антропологии Польского социологического общества, Городской педагогической библиотекой «Оранжерея культуры» в Лидзбарк-Варминьском, Институтом прикладных социальных наук Варшавского университета, а также Институтом философии, социологии и журналистики Гданьского университета.

Тема доместикации – эмоциональной связи обитателя с обитаемым пространством, обитаемости и обживания пространства, – в современной социологии является белым пятном. В духе информационно-технологической теории М. Кастельса, которая намечает механизмы, преобразующие дом как точку в «пространстве мест» в дом как изменчивую, временную локализацию в «пространстве потоков» [Кастельс, 2001], феномен «социума на дому» неоднократно рассматривал нижегородский социолог В.П. Козырьков [Козырьков, 2009]. При этом исследователь обращает особое внимание на роль массовой коммуникации, что сближает его анализ с наиболее известной интерпретацией понятия «доместикация» в теории медиа и новых технологий Р. Сильверстоуна и Э. Хирша [Consuming technologies, 1992; Haddon, 2007].

В польской монографии тема доместикации раскрывается на богатом эмпирическом материале в девяти разделах, включая написанные редакторами вступление – «Доместикация в эмпирических контекстах» – и заключение – «Анализ обживания с использованием методологии устоявшихся теорий». Композиция

подчиняется логике «концентрических кругов, начинающихся внутри дома и далее охватывающих балкон, двор, поселок и приход /…/ Доместикация различается не только степенью освоения пространства (от лучше всего персонифицированного дома до наименее освоенного прихода), но также тем, что она означает в различных пространствах, какие ощущения создает у жителей. Иными словами, явления, которые охватывает доместикация, демонстрируют большую качественную дифференциацию в зависимости от того, каких пространств они касаются» [Zadomowienie, 2018, s. 4].

Книгу открывает подготовленная редактором М. Лукашик теоретическая глава «Что такое доместикация?», где представлена попытка операционализировать ключевое понятие «zadomowienie»[1], которое отчасти идентично множеству социологических и психологических теорий, отчасти содержит собственный, с трудом вычленяемый и ускользающий, познавательный компонент.

Для его выявления на фоне предыдущих теорий автору приходится разбить исторический экскурс на две части, позволяющие обосновать доместикацию применительно к пространствам внутри и снаружи жилища.

Для характеристики внутренней жилой среды автор привлекает разные теоретические интерпретации понятий «комфорт» (в плане его структурной декомпозиции), «тело» (как точка пространственного отсчета), «социальные практики» (которыми являются заселение, обживание, осваивание места жительства).

Для характеристики внешнего по отношению к жилищу пространства – среды его ближайшего окружения – автор сравнивает классические концепции соседства: соседство как социальная система – в люблинской социологической школе Ежи Туровского и Петра Крычки; как набор повседневных культурных практик, которые с опорой на теорию П. Бурдье исследуют сама М. Лукашик, профессор Ягеллонского университета в Кракове Марта Смагач-Поземска, профессор Варшавского университета Яцек Курчевски.

Именно от соседских практик можно перебросить мостик к важнейшей категории, введенной в научный анализ известным

[1] В разных контекстах наиболее подходящими русскими эквивалентами могут быть «обживание», «одомашнивание», «приватизация» или «персонификация», а интерконтекстуальным эквивалентом является «доместикация».

польским социологом Станиславом Оссовским, – «приватная родина» (наш современник, как отмечает автор, предпочел бы выражение «малая родина»). Личность привязывается к ней посредством обретения ряда навыков, иначе говоря, в деятельности. «Собственная», личная – приватная – родина «формируется повседневным общением, наблюдением, телесным опытом, т.е. через непосредственный контакт, наиболее интенсивный в детстве и юности, очень насыщенный эмоционально» [Zadomowienie, 2018, s. 10]. В современном социологическом дискурсе рассуждения о малой родине вытеснены концептом локальности, ревизией вопроса о сохранности в условиях глобализации территориальной идентичности и территориальных общностей, идеями «общественного участия», «дружественности» города и его отдельных пространств. Вместе с тем, убеждена М. Лукашик, «хоронить» территориальность преждевременно. Она сохраняется и сегодня, пусть и в законсервированном, латентном существовании: не как постоянно наблюдаемое участие, взаимодействие и взаимопонимание территориально близких друг другу людей, но как их потенциал, который раскрывается при условии свободного выбора личности. В качестве аргумента М. Лукашик привлекает концепцию «микрополиса» Анджея Майера, в которой именно личность активно и осознанно формирует область и границы своей пространственной и социальной деятельности, решая, с кем или с чем не следует соприкасаться, какие пространства покорять или разделять с другими.

И хотя автор не дает прямого определения понятию «доместикации» (кроме формулы «отношение индивида к его пространству» [Zadomowienie, 2018, s. 11]), очевидно, что это не просто семиотическая компетентность, умение верно считывать разлитые в пространстве знаки и эффективно ими оперировать. Это процесс мозаичного нанизывания в личном опыте по-разному распределенных в различных типах пространства навыков, включения коммуниканта в различные типы посвященных этим пространствам дискурсивных практик, «сопротивления» самого пространства и его преодоления, запечатления в пространстве своей личности. Вероятно, среди всех этих способов наиболее распространенным, конструктивным и долговременным является труд. В пользу этого говорит, например, противопоставление друг другу практик обживания дворового пространства соседями «старой», социалистиче-

ской, и новой, постсоциалистической формации в статье М. Кучиньской (см. далее. – *Рец.*).

Своим наброском будущей теории доместикации М. Лукашик создает теоретическую рамку для восприятия последующих глав, где результаты полевых исследований излагаются в соответствии с определенной автором структурой расходящихся «концентрических кругов».

Анализ роли места жительства в жизни людей пожилого возраста приводит сотрудниц Щецинского университета Целину Тимошик-Томчак и Магдалену Лешко к выводам, изложенным в главе «Что творится в жилище? Что творится с жилищем? Привязанность к месту жительства на этапе поздней зрелости». Сила, которая удерживает пожилых людей от переезда к детям, в учреждение социальной опеки или просто в жилье меньшей площади, – это хорошее знание места, его истории и соседских историй, общность с рядом живущими людьми, что в совокупности создает чувство защищенности домом. Комфорт жилища, который формирует и зависимость от него (как возможность преимущественно или только с его помощью удовлетворять важные для пожилого человека потребности), и принятие жилища как части себя, увязывается с наличием неких «козырей», особенностей, отличающих данное жилое помещение от подобных или предыдущих, которыми жилец владел ранее. Собственность важна и сама по себе, и как условие сохранения привычного уклада жизни по собственным правилам или даже обретения «настоящей, самостоятельной жизни» [Zadomowienie, 2018, s. 21], независимости от членов семьи, соарендаторов или соседей. Собственное пространство дает свободу самовыражения. Память и опыт связаны прежде всего с характером семейных отношений, но все респонденты подчеркивают незаменимость жилища для поддержания тесных внутрисемейных связей. Непрерывность истории места, семьи и жильца обеспечивают хранящиеся в доме предметы, являющиеся не столько имуществом, сколько знаками – то, что можно считать ностальгией по образу этого места в прошлом, по собственной молодости и людям, которые были важны. Вложенный в дом труд, индивидуальные и коллективные усилия, затраченные на его приобретение, совершенствование и обустройство, образуют своеобразный капитал жилища, который не соотносится с его рыночной стоимостью,

но становится мощным якорем, делающим добровольный переезд практически невозможным. Практическое следствие, вытекающее из этих результатов, – необходимость корректировки социальной политики, которая направлялась бы признанием более высокого качества жизни на ее закате в своем, автономном домашнем пространстве, что было бы выгодно не только пожилым людям, но и членам их семей и более широкому окружению.

Балкон как вспомогательная, «маргинальная» часть жилища, принадлежащая одновременно внутреннему и внешнему пространству, позволяющая одновременно что-то удалить или выставить напоказ, обсуждается сразу в двух работах: «Балкон как сфера лиминальности» сотрудника Университета социальной психологии и гуманитарных наук в Варшаве Блажея Просьневского; «Перформативное пространство балкона в контексте стилей жизни» Уршули Ярецкой из Института философии и социологии Польской академии наук. Первый указывает на многообразие прагматических и символических функций балкона помимо декоративной: сушильня, склад, место отдыха, домашний огородик, пространство манифестаций и коммуникации. У. Ярецка сосредоточивает внимание именно на двух последних. Архитектурную историю балкона Б. Просьневский представляет как историю «городского спектакля», где в зависимости от эпохи и жилищной страты на первое место выдвигается то зрительный зал, то сцена, то кулисы, но сосредоточивается на поведении хозяев. Используя терминологию И. Гофмана, Б. Просьневский отмечает: «Балкон – это место, где разыгрываются социальные роли (мать, зовущая ребенка на обед, старичок, молчаливо наблюдающий за окрестностями, “ритуальное” употребление еды и т.д.), но одновременно он позволяет сбросить маску конвенционального социального поведения и появиться на нем в одном белье. В итоге лиминальное измерение балкона не вполне тождественно понятию полуприватного пространства» [Zadomowienie, 2018, s. 29]. Эту идею развивает У. Ярецка, которая акцентирует именно процесс «считывания» соседями и прохожими социальной принадлежности владельца балкона по его содержимому. В зависимости от степени осознанности, с которой наполняет балкон обитатель квартиры, это содержимое способно функционировать как простая метонимия (например, обилие бутылок или детская коляска) или развертываться

в сложную художественную инсталляцию. В обоих случаях «типичные практики, к которым балкон подталкивает своего владельца… помогают жителям в повседневной деятельности, позволяют реализовать эстетические потребности, мечту о рае, выразить мировоззрение. Понимаемые так “балконные представления” обусловливают характер микрорайона, города; они участвуют в социальном создании общего пространства жителей» [Zadomowienie, 2018, s. 41].

В главе «Изменения двора и дворовой жизни в свете организационной теории Мишеля Фуко» для демонстрации социокультурного сдвига, который произошел в дворовой культуре, в практиках использования придомовых территорий горожанами, выпускница Варшавского университета Мария Кучиньска привлекает метод наблюдения, интервьюирования и автомемораты. Основная суть этого сдвига состоит в том, что подворье превращается из общественно значимого и коллективно используемого пространства в место транзита или «не-место» М. Оже. Из концепции дисциплинарной власти М. Фуко М. Кучинська заимствует категорию устройства (диспозитива), которую применяет к «дворовости» в силу изменчивого постоянства, отсутствия авторства, многообразия элементов и связи двора с различными сферами жизни: «К анатомии двора я отнесла зонирование, его элементы, планировку застройки, планировку открытых пространств и объекты обслуживания. К правилам – дворовые законы, запреты и предписания, установленные правила, а также обязанности. Порядок связан с использованием двора людьми, охраняющими этот порядок, а также с соблюдением пространственных границ. Дворовые дискурсы касаются воспитания детей (их безопасности, развития, потребностей) и соседства» [Zadomowienie, 2018, s. 66]. Соседский энтузиазм, характерный для послевоенных лет, когда люди с одними и теми же потребностями и опытом лишений совместно создавали и обустраивали комфортное общее пространство, сменилось полной профессионализацией услуг, оказываемых управляющими компаниями, и приходом поколения с совершенно иными ценностями – необременительного соседства, что автор связывает прежде всего с изменением модели воспитания детей и бюджетов времени семей.

Сотрудница Гданьского университета Каролина Чехорска-Кулеша в главе «Расколдованные кварталы? Роль и примеры идентификационных якорей в отдельных районах Гданьска» обращается к теме территориального имиджа, пытаясь вычленить решающие для (не-)привлекательности городских ареалов элементы на необычном материале типовой многоэтажной застройки приморских кварталов периода 1970-х годов – «послевоенного социалистического модернизма». Их восприятие жителями амбивалентно: «Эти районы вызывают … противоречивые ощущения. С одной стороны, они воспринимаются как монотонные, ассоциирующиеся с ПНР, неприглядные, ничем не примечательные спальные районы. С другой – как всё еще привлекательные места для проживания: жители высоко оценивают качество жизни в них по сравнению с другими частями Гданьска. Там растет население, и участки новой застройки пользуются большой популярностью» [Zadomowienie, 2018, s. 86]. Отталкиваясь от заданного в более раннем исследовании вопроса: «Почему архитектура XX в. не вошла в сознание жителей Гданьска и Сопота как часть местной традиции, почему ее достижения оспариваются, а памятники разрушаются?», исследовательница создает концепцию «якорей идентичности», полагая, что процесс «якорения» релевантен формированию отношений человека и места в большей степени, чем процесс «укоренения», который предполагает прочную и почти неразрывную связь человека с почвой, в исследованиях Александры Гжималы-Казловской [Grzymała-Kazłowska, 2013]. Якорями идентичности К. Чехорска-Кулеша называет те «элементы и особенности пространства, которые жители отмечают и считают отличительными чертами данных мест» (s. 98), и выделяет среди них материальные, эстетические и функциональные. Большинство из них носит некоммерческий характер, что и говорит о высоком качестве среды, главными козырями которой оказываются те или иные общественные пространства. Высокую аттрактивность районам блочной застройки обеспечивает «сшибка» старости и новизны. Первое дает преимущество социальной памяти, опоры на соседские связи и события истории, свидетелями которых были местные пенсионеры и районные дома культуры, привычности элементов и способов организации пространства, закладывающих местные традиции. Новизна же – это прежде всего непрекращающееся развитие рай-

онов, которое позитивно оценивается жителями также с опорой на социальную память.

Малгожата Джюра из Национального краеведческого музея в Перемышле своеобразно продолжает тему пространственных якорей, рассматривая своеобразие «звукописи» поселения в главе «Одомашненная аудиосфера: Колокольный звон в сельском пространстве». Острая потребность современного, постоянно мигрирующего человека в безопасности, общности, эмоциональных связях, надежной защищенности домом обусловливает важные психоэмоциональные, терапевтические функции не только дома, но и ближайшей пространственной среды со свойственными ей предметами и звуками как системой значений и символов, позволяющих почувствовать себя дома, что автор подкрепляет ссылками на М. Хайдеггера («Связь человека с местом и через место – с пространством – основана на проживании» [Heidegger, 1977]) и К. Кайданек («Проживание понимается как процесс обозначения пространства как своего» [Kajdanek, 2014]). В этом контексте она рассматривает роль колокольного звона как источника звукового своеобразия места проживания и дополнительной сакрализации образа расположенного в этом месте дома, обеспечивающего крепкую территориальную идентичность: «Современный рациональный человек не ищет у колокольного звона защиты и не верит в его мистическую силу, но обнаруживает в этих звуках наследие своей культуры и близость. Крепко укорененная в сознании символика звона поднимает его социальный престиж в локальном, национальном и наднациональном измерении. Его звук – родной, дающий чувство укорененности в месте» [Zadomowienie, 2018, s. 114].

М. Брош посвящает заключительную статью процессу поиска методологии исследований жилищных практик, а точнее – «управления жилым пространством на ранних этапах обживания» [Zadomowienie, 2018, s. 117], которая возникла в ходе работы над диссертацией на тему «Воображение, осуществление и контроль: Структура деятельности в домашнем пространстве». Главной целью последней являлось воссоздание на базе качественной методологии многомерной, но понятной и прозрачной сферы активностей, а именно: выстраивания индивидуального жизненного пространства через этапы его придумывания, реализации замысла

и коррекции отклонений от первоначально выстроенного воображением идеального образца. Работа представляет исследовательскую автобиографию ошибок, затруднений и внезапных находок, которые ожидают молодого ученого, колеблющегося между двумя ролями – отважного собирателя полевых данных и скрупулезного библиографа проблемы, перерывающего горы литературы в поисках «хорошо обоснованной теории». Между ними крайне трудно найти баланс, с огромной долей самоиронии и юмористических примеров показывает М. Брош, именно в случае жилищных исследований. Повседневные жилищные практики слабо отрефлексированы не только в научном поле, но и в публичном нарративе. Они плохо вербализуются респондентами и часто не осознаются своими носителями, оставаясь за порогом сознания в силу обыденности и привычности.

Возникновению такого баланса, бесспорно, способствует представленная в монографии концепция доместикации, которая должна составить одну из важнейших научных категорий социологии жилища как еще слабо обособившейся теории среднего уровня. Анализ многочисленных примеров индивидуальных и коллективных взаимодействий жителей с пространством позволяет четче обозначить грань между «территориальной идентичностью» модерна и «доместикацией» («обустройством», «обживанием») постмодерна. Ее определяет инверсия субъект-объектных отношений. Ранее человек выступал объектом, частью большого целого, каким являлась территория вместе с другими населяющими ее людьми, с которыми он мог (или не мог, следствием чего становилась маргинальность) идентифицироваться. Современный человек не просто обладает большей свободой выбора пространств идентификации (имея возможность, например, поддерживать связи с людьми на давно оставленной им территории благодаря виртуальным группам, социальным сетям и т.д.) – он способен создавать личную конфигурацию пространств разной степени освоенности. Главная идея книги, подтвержденная эмпирически, – постулат о невозможности быть собой вне своего места, как физического, так и символического, которым и является дом, обеспечивающий и чувства принадлежности и безопасности, и чувства автономии, независимости, собственной ценности и достоинства.

Список литературы

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2001. – 608 с.

Козырьков В.П. Характер доместикации современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2009. – № 4. – С. 86–92.

Consuming technologies: Media and information in domestic spaces / ed. by R. Silvestone, E. Hirsch. – L.; N.Y.: Routledge, 1992. – 236 p.

Grzymała-Kazłowska A. Zarys koncepcji społecznego zakotwiczenia: Inne spojrzenie na tożsamość, adaptację i integrację imigrantów // Kultura i społeczeństwo. – 2013. – T. 57, N 3. – S. 45–60.

Haddon L. Roger Silverstone's legacies: Domestication // New media a. society. – 2007. – N 9. – P. 16–24.

Heidegger M. Budować, mieszkać, myśleć. – Warszawa: Czytelnik, 1977. – 347 s.

Kajdanek K. Dom na suburbiach: Ideał podmiejskiego zamieszkiwania a strategie udomowienia // Socjologia zamieszkiwania / pod red. M. Łukasiuk, M. Jewdokimow. – Warszawa: Sub Lupa, 2014. – S. 181–214.

Zadomowienie: Konteksty empiryczne / pod red. M. Łukasiuk, M. Brosz. – Gdańsk: Wydawnictwo Zakładu Realizacji Badań Społecznych Q&Q, 2018. – 129 s.

© Казакова А.Ю., 2020

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

2020.02.012. ДА СИЛВА Ф.К., ВИЕЙРА М.Б. ПОПУЛИЗМ КАК ЛОГИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ.
Реф. ст.: Da SILVA F.C., VIEIRA M.B. Populism as a logic of political action // European j. of social theory. – 2019. – Vol. 22, N 4. – P. 497–512.

Ключевые слова: логика популизма; ресентимент; демократия; Эрнесто Лаклау.

Филипе Каррейра да Силва (Университет Лиссабона, Португалия; Кембриджский университет, Великобритания) и Моника Бриту Виейра (Йоркский университет, Великобритания) предлагают рассматривать популизм как логику политического действия, в основе которой лежит ресентимент.

О популизме говорят очень много, и с каждым новым использованием этого термина он становится всё более запутанным и размытым. Для одних популизм – главный враг демократии, для других он – единственная надежда на ее спасение в эпоху неравенства и глобализации. Популизм часто сводится к специфическому стилю общения, который из альтернативного течения стремительно превращается в мейнстрим демократической политики; иногда популизм отождествляют с формой политической мобилизации или широкого антиэлитарного курса. Для одних популизм – опасная политика, для других он и есть политика. Это слово используется, скорее, в качестве оскорбления, и лишь немногие политики назвали бы себя популистами. В эмпирических исследованиях популизмы формируют эклектичный набор движений, партий и политических лидеров: от русских народников и американских популистов XIX в. до латиноамериканских харизматических лидеров 1950-х годов Хуана Перона и Жетулиу Варгаса, неопопулистской волны в Европе и США 1990-х годов и ее возрождения в XXI в. (в

качестве примеров авторы называют австрийскую Партию свободы Йорга Хайдера и президентство Дональда Трампа). Всеохватность понятия «популизм» делает его пустым и бесполезным, поэтому Ф.К. да Силва и М.Б. Виейра предлагают осуществить реконцептуализацию для восстановления его применимости (с. 498–499).

Различия в подходах к описанию популизма, отмечают Ф.К. да Силва и М.Б. Виейра, можно обосновать через их эпистемологические основания. Существуют онтические подходы, предполагающие фактуальность, наличие физической, материальной реальности, не зависящей от наших знаний о ней. Онтические подходы подразделяются на эмпирико-дедуктивные, которые ориентированы на обнаружение причинно-следственной связи между структурными детерминантами и последствиями популизма, и герменевтические, цель которых состоит в подробном описании популизма с помощью детальных исторических исследований (в частности, благодаря использованию методологии идеального типа). Эмпирико-дедуктивные и герменевтические подходы объединены тем, что они нацелены на изучение содержания популизма. По мнению Ф.К. да Силвы и М.Б. Виейры, онтические подходы не разобрались с путаницей вокруг популизма, а попытки разграничить понятие «популизм» и популизм как явление зашли в тупик. По результатам многочисленных исследований всё так же не ясно, что следует понимать под популизмом: стратегию или способ организации, идеологию, тип политической мобилизации, способ убеждения, дискурс, стиль политического общения. Популизм, отмечают авторы, не может быть всем этим одновременно (с. 499).

Альтернативой онтическим подходам являются логико-ориентированные подходы; они нацелены на определение структуры и / или логики, в рамках которых выстраивается содержание популизма. Например, исследовательница М. Канован, отказавшись от герменевтики в пользу структурализма, выделила три главные характеристики любой популистской политики: 1) антиэлитизм; 2) отсылка к «народу»; 3) простой и прямолинейный стиль[1]. Возникали попытки интегрировать онтические и логически ориен-

[1] *Canovan M.* Trust the people! Populism and the two faces of democracy // Political studies. – 1999. – Vol. 47, N 1. – P. 2–16.

тированные подходы. Это вылилось в направление «новых исследований популизма», в которых, в частности, фокус был смещен с «социального содержания популизма и его целей на условия, в которых он проявляется»[1] (цит. по: с. 500).

Работу Эрнесто Лаклау, посвященную популизму[2], Ф.К. да Силва и М.Б. Виейра относят к логико-ориентированному подходу. По Лаклау, в основе популизма лежит «оппозиционная логика», которая нацелена на конструирование единого политического субъекта («народа») из разнородного набора недовольств, направленных против господствующей власти коррумпированной элиты (с. 500). Авторы отмечают, что «оппозиционная логика» Лаклау проистекает из логики вражды Карла Шмитта[3]. Шмиттианская концепция популизма, считают Ф.К. да Силва и М.Б. Виейра, сейчас преобладает в научной литературе, даже если это иногда не признается. Ее суть в том, что абстрактная логика демократии держится на серии идентичностей (правители–подчиненные, суверен–подданный, воля–закон и т.д.), которые не являются осязаемыми реальностями и конструируются политически и символически. Процесс идентификации усиливается при отсутствии посредников, таких как формальные процедуры и институты, гарантирующие конституционное устройство. В подобных случаях воля народа, выражаемая через меньшинство или даже одного оратора, получает иллюзорную непосредственность и полноту присутствия, а логика вражды является незаменимым элементом политики (с. 500–501).

Лаклау во многом опирается на Шмитта. Но у Лаклау «народ» и «враг» – это пустые означающие, чье непостоянство позволяет их бесконечно оспаривать и переопределять. Лаклау как семиотик вообще отказывается от содержимого, поэтому популизм в его работах становится чистой логикой. «В результате популизм понимается как имманентный политике как таковой, это логика, которая неотъемлемо присуща социальному и политическому опыту», – отмечают авторы статьи (с. 501). Следовательно, по

[1] *Jansen R.S.* Populist mobilization: A new theoretical approach to populism // Sociological theory. – 2011. – Vol. 29, N 2. – P. 82.

[2] *Laclau E.* On populist reason. – L.: Verso, 2005.

[3] *Schmitt C.* The concept of the political. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1996.

Лаклау, любая политика есть популизм, а популистская логика основана на вражде.

Авторы не согласны с тем, что популизм – это политика, а вражда – это логика популизма. Они выдвигают тезис, согласно которому популизм является результатом демократии, народного суверенитета и его эгалитарного идеала. Основная логика популизма не оппозиционная логика «друг против врага», а логика ресентимента, действующая среди сограждан (с. 502). И несмотря на свои переопределения в меняющемся историческом контексте, популизм для Ф.К. да Силвы и М.Б. Виейры имеет определенные характеристики, которые можно проанализировать (с. 505).

Логика популизма возникает из парадокса демократии, фундаментальным принципом которой является равенство. Но принципу демократической инклюзии всегда сопутствует принцип исключения, разрушение одних границ приводит к возникновению других. Идеал демократического равенства не реализуется в полной мере для всех, поэтому копится недовольство тех, кто чувствует себя лишенным возможности участия в демократическом процессе. В итоге несоответствие между ожиданиями и достижением создает условия для развития ресентимента.

Понятие ресентимента авторы статьи реконструируют, обращаясь к описанию эмоций в «Риторике» Аристотеля[1]. В частности, опираясь на Аристотеля, они показывают различие между обидой (ресентиментом) и ненавистью. Афинские граждане могут затаить обиду на правящую аристократию, но только потому, что, несмотря на разницу в уровне богатства и власти, они рассматривают их как «похожих» и «равных себе», т.е. как соперников в рамках одного демократического политического процесса. Врагов мы ненавидим и чувствуем себя в их глазах не просто другими, но теми, кого вовсе не признают. Таким образом, в отличие от ненависти к врагу ресентимент предполагает некоторую степень идентификации с другим и защиту норм сообщества, в случае с популизмом – принципов равного отношения и уважения (с. 505–506).

Авторы указывают, что наличие ресентимента не предопределяет возникновение популизма. Они уточняют характеристики популистской логики ресентимента, показывая, что она возникает

[1] *Aristotle.* Rhetoric. – Oxford: Oxford univ. press, 2007.

в диапазоне между чистым возмущением и радикальной обидой. Популистская логика должна одновременно включать в себя определенные элементы: «нормативный элемент, т.е. отсылку к демократическим нормам, в частности главенствующую приверженность демократии равенству и народному суверенитету или идею народа как основы политической легитимности; элемент сравнения, наполненный этой нормативностью, т.е. чувство несправедливого положения; соперничество между частями, когда одна часть считается ответственной или виновной в несправедливом положении другой с точки зрения общих обязательств; призыв к восстановлению демократического равенства, сделанный от имени целого – “народа”» (с. 507).

Логика ресентимента делает популизм очень неоднозначным и спорным явлением с точки зрения его связи с демократией. С одной стороны, отмечают авторы, популизм может играть предохраняющую роль для демократии, с другой – восстанавливающую. Демократия подразумевает самоуправление и некоторую степень ресентимента по отношению к правящей группе, и это служит предохранительным механизмом, поскольку закладывается потенциальный конфликт на случай, если элита захочет сконцентрировать в своих руках всю власть, пренебрегая интересами граждан и общим благом. Восстанавливающая роль популизма связана с его эффектом возмущения в случае нарушения основополагающих принципов и ценностей демократии. С помощью популизма возможно обращение к сообществу в целом для восстановления нарушенных обещаний и обязательств. Следовательно, популизм, подчеркивают авторы, может рассматриваться как симптоматика важных демократических исключений, которые игнорируются или не замечаются. Всплески популизма постоянно внешне проявляются в виде фрустрации, озлобленности или гнева в ответ на пережитый опыт такого исключения (с. 508).

В завершение статьи Ф.К. да Силва и М.Б. Виейра отмечают, что популизм никогда не является лишь моральным ресентиментом. Это не просто разочарование из-за нарушения норм или несправедливости. Популизм всегда устанавливает конфликтные отношения между конкурирующими группами, поскольку ответственность или вина за такие нарушения вменяются определенным акторам и действиям. Иными словами, популизм закладывает определенную

логику политических действий, последствием которой являются конфликтные сценарии решения проблем.

А.Ю. Долгов

2020.02.013. ПАЗЕТТИ Ф. КОНФИГУРАЦИЯ ВАРИАНТОВ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕ: ПРОБЛЕМА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ.
Реф. ст.: PASETTI F. Configurations of immigrant integration policies in Europe: An exploratory appraisal // World affairs. – 2019. – Feb 21. – P. 1–26.

Ключевые слова: иммиграционная политика; интеграция иммигрантов; Европа; Европейский союз; конфигурация вариантов интеграционной политики; трудовое воспитание; политическое участие; гражданство; права на жительство; антидискриминационная политика.

Франческо Пазетти (адъюнкт-профессор Университета Помпеу Фабра Барселоны и научный сотрудник Барселонского центра международных отношений, Испания) является специалистом по проблемам иммиграции, иммиграционного законодательства и практики интеграции мигрантов в государствах – членах Европейского союза. В своей статье в престижном американском научном журнале «World affairs» он анализирует различные модели интеграции иммигрантов в принимающее общество на примере стран Европы, используя концепцию конфигурации политик интеграции (КПИ) и опираясь на иерархический кластерный анализ. Европа для автора ограничивается 28 государствами – членами ЕС, четырьмя странами – участницами Европейской ассоциации свободной торговли (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария), а также Турцией.

Ф. Пазетти определяет КПИ как «устойчивую структуру интеграционных политик различной направленности в рамках общей интеграционной политики государства» (с. 3). В соответствии с эмпирической реальностью концепция КПИ может описывать структуру политики интеграции иммигрантов как отдельного государства, так и «конфигурацию» (модель), используемую несколькими странами (с. 6). Автор выделяет две основные общие конфи-

гурации интеграции иммигрантов в парадигме цивилизационных различий между Востоком и Западом.

Научная значимость настоящего исследования заключается не в его доказательной ценности, а в опыте рассмотрения феномена и практик интеграции иммигрантов. Автор предлагает новые аналитические подходы к оценке политики интеграции иммигрантов, размышляет о возможностях и ограничителях адекватного анализа в данном конкретном предметном поле, даже, что любопытно, сам критически оценивает свою научную гипотезу. Так, в частности, он признает, что уделяет мало внимания потенциалу динамического анализа политики интеграции иммигрантов в принимающее общество.

В своем исследовании Ф. Пазетти использует показатели Индекса политики интеграции мигрантов *MIPEX*[1], который позволяет эмпирически выявить тип конфигурации политики и определить количество их вариантов, отнести ту или иную страну к конкретной конфигурации. Первоначальный набор данных, предлагаемый *MIPEX,* был пересмотрен автором исходя из задач исследования. Он ограничил выборку стран, рассматривая лишь опыт европейских стран (всего 32), и уменьшил количество показателей Индекса до 114 (всего 167), которые касаются семи конкретных сфер политики[2].

Автор подчеркивает, что интенсивное развитие разных форм интеграционной политики в связи с массовыми миграционными процессами в современном мире позволяет говорить о сложившемся в развитых странах политическом секторе интеграции, который, согласно определению профессора социологии Вашингтонского университета (г. Сиэтл) Пола Бурштейна, является

[1] Индекс политики интеграции мигрантов (MIPEX) является справочным руководством и полностью интерактивным инструментом для оценки, сравнения и совершенствования политики интеграции в ЕС, Австралии, Канаде, Исландии, Японии, Южной Корее, Новой Зеландии, Норвегии, Швейцарии, Турции и США. – *Прим. реф.*

[2] Предложенные семь сфер политики интеграции включают в себя получение гражданства / вида на жительство / статуса беженца, трудовую или предпринимательскую деятельность, образование, местожительство, семью, политическую активность, борьбу с дискриминацией. Сферы религии и культуры исключены из данного списка, поскольку о них нет полных статистических данных. – *Прим. реф.*

компонентом политической системы, организованной вокруг вышеупомянутых сфер политики[1]. Эти сферы определяют способ организации интеграционных политик и, следовательно, формируют основные составляющие КПИ.

Ф. Пазетти типологизировал формы политики интеграции иммигрантов следующим образом. Можно выделить три различные идеальные модели: ассимиляционную (или гражданскую), плюралистическую (или мультикультурную) и дифференциальную (или этническую), каждая из которых условно связана с конкретными странами, куда сегодня направлены масштабные потоки иммиграции (с. 6). Пример Франции – это *ассимиляционная модель*, предполагающая одностороннюю интеграцию, согласно которой иммигранты должны превращаться в граждан, принимая базовые культуру и ценности принимающего общества. *Модель плюрализма*, представленная Нидерландами, Швецией и Великобританией, подразумевает гражданскую концепцию нации, однако признает культурное разнообразие. Предполагается, что иммигранты не откажутся от своих культурных ценностей. Этническое и культурное разнообразие поддерживается наряду с общей национальной самобытностью. *Дифференциальная модель* – и в ней воплотился опыт Германии – включает иммигрантов в определенные сферы общественной жизни, но исключает из других. Данный подход к интеграции способствует включению иммигрантов в отношения на рынке труда, но не допускает их к политическому участию.

Автор особо указывает на то, что на рубеже XX–XXI вв. национальные модели интеграции иммигрантов были поставлены под сомнение. Эксперты критиковали их за чрезмерную жесткость и неспособность учитывать перемены в политике. Именно поэтому, по мнению Ф. Пазетти, большинство западных исследователей миграционных процессов обратили внимание на альтернативные варианты политического анализа, соответствующие, прежде всего, эволюции неоинституционализма в политической науке. Некоторые специалисты сохранили приверженность идее о том, что политическая эволюция следует национальным традициям, но больше внимания стали уделять предположительным политическим пере-

[1] *Burstein P.* Policy domains: Organization, culture and policy outcomes // Annual rev. of sociology. – 1991. – Vol. 17, N 1. – P. 327–350.

менным, таким как электоральная конкуренция, стратегии антииммигрантских партий и численность иммигрантского электората. Другие переключили свое внимание с различий на сходство и проложили путь к тому, чтобы выдвинуть «тезис о конвергенции, согласно которому государства всё в большей степени придерживаются менее ограничительных вариантов интеграционной политики (с. 7).

Ф. Пазетти убежден, что типологизация, предложенная Йеруном Домерником и Марией Брукетас-Кальехо, является наиболее полезной для целей его исследования. Опираясь на эмпирические соображения, касающиеся системы социального обеспечения, исторической траектории, геополитического контекста и опыта иммиграции государств – членов ЕС, указанные авторы расширили традиционную типологию страновых моделей и проводят различие между южными, центрально-восточными и северо-западными типами интеграции в Европейском союзе[1].

Учитывая предложенную выше функциональную характеристику КПИ, Ф. Пазетти пытается преобразовать общие выводы, полученные из научной литературы по проблемам миграции, в более точные рабочие гипотезы.

Согласно *гипотезе 1*, предполагается, что различные КПИ будут разработаны в соответствии с типологией классических страновых моделей. Первая КПИ, соответствующая модели ассимиляции, подразумевает более упрощенный порядок получения гражданства наряду с ограничением политических прав. Вторая КПИ, которая соответствует плюралистической модели, характеризуется открытой интеграционной политикой. Наконец, третья, соответствующая этнической модели, способствует благоприятной трудовой интеграции иммигрантов, при этом ограничивая их доступ к политическим правам, а также усложняя процесс получения ими гражданства (с. 10).

Гипотеза 2, основанная на «региональных режимах», подразумевает то, что различные общие конфигурации политик расположены вдоль географических линий, разделяющих южные, цен-

[1] *Doomernik J.*, *Bruquetas-Callejo M.* National immigration and integration policies in Europe since 1973 // Integration processes and policies in Europe: Contexts, levels and actors / ed. by B. Garcés-Mascareñas, R. Penninx. – Cham: Springer, 2016. – P. 57–76.

трально-восточные и северо-западные регионы Европы. Следовательно, в результате анализа появятся различные стратегии интеграции, характеризующие северо-западные, южные и центрально-восточные европейские страны. Эта гипотеза необязательно противоречит гипотезе 1 (с. 10).

Гипотеза 3 предполагает, что конфигурации практик интеграции в Европе будут определяться открытой политикой. Гипотетический случай максимальной конвергенции будет совпадать со сценарием единого и единственного КПИ для всех стран, проводящих одинаковую политику во всех областях. По мнению Ф. Пазетти, если всё-таки будут иметь место различные КПИ, можно выделить следующие два гипотетических сценария. Первый вариант исходит из того, что различия между КПИ будут соответствовать процессу включения новых государств в ЕС, причем «старые» государства-члены будут отличаться от «новых». Второй сценарий автор разделяет на две субгипотезы, одна из которых состоит в необходимости соблюдать права человека и в этом смысле распространяется на все страны Европы, а другая касается европейских директив, обязательных для исполнения только государствами – членами ЕС. По-видимому, в соответствии с данной гипотезой различия между политическими конфигурациями будут наблюдаться в тех областях, где права человека находятся под угрозой, а также в тех, на которые нацелены европейские директивы, а именно: работа, семья, проживание и борьба с дискриминацией (с. 10).

Наконец, на основе кластерного анализа, охватывающего показатели семи областей политики, Ф. Пазетти определяет две различные конфигурации.

КПИ 1 охватывает 13 стран, расположенных в восточной части Европы: Болгарию, Кипр, Хорватию, Чешскую Республику, Венгрию, Латвию, Литву, Мальту, Польшу, Румынию, Словению, Словакию и Турцию. Эти государства имеют общую ограничительную стратегию проведения интеграционной политики, особенно в области образования, политического участия и гражданства (с. 13).

КПИ 2 отражает стратегии, развернутые в других 19 европейских странах. За исключением Эстонии, эти страны расположены в разных регионах Западной Европы: Средиземноморский

регион (Греция, Италия, Португалия и Испания), регион «DACH» (Германия (D), Австрия (A) и Швейцария (CH), Северо-западный регион (Бельгия, Франция, Ирландия, Люксембург, Нидерланды и Соединенное Королевство) и Скандинавский регион (в широком понимании включающий Данию, Финляндию, Норвегию, Швецию и Исландию). Эта конфигурация описывает более благоприятную стратегию интеграции во всех сферах, особенно для интеграции на рынке труда (с. 14).

На первый взгляд, может показаться, что *КПИ 1* имеет некоторое сходство с этнической моделью вследствие ограничения доступа к политическим правам и усложненной процедуры получения гражданства. Однако автор опровергает данное суждение и пишет, что отсутствие открытой политики, ориентированной на рынок труда, заставляет нас отказаться от этой идеи. Следуя теории национальных моделей, *КПИ 1* обеспечивает иммигрантам не только легкий доступ на рынок труда, но и гарантирует им большую часть социальных прав.

По мнению автора, данная конфигурация наиболее соответствует центрально-восточному типу (с. 13). Большинство государств в этом регионе обладают схожими историческими траекториями, отмеченными советским прошлым и небольшой долей иностранных граждан в общей численности населения. В этих странах до недавнего кризиса с беженцами интеграция иммигрантов не представляла серьезной политической проблемы, нуждающейся в четком и быстром законодательном ответе. Следовательно, политика интеграции также могла оставаться не соответствующей временны*м* реалиям. Следует отметить, что большинство стран, входящих в *КПИ 1*, имеют одинаковые сроки вступления в ЕС. Тем не менее Ф. Пазетти признается, что трудно сказать, объясняется ли внутреннее единство *КПИ* на Востоке отложенным вступлением в ЕС, геополитическим сходством, характерным для этой части Европы, или сочетанием этих двух факторов.

Что касается *КПИ 2*, Ф. Пазетти сомневается в возможности прогнозов, исходящих из теории национальных моделей. Если предоставление мигрантам более благоприятных условий на рынке труда может напоминать отличительную черту этнической модели, то способ включения в политическое сообщество не является труднодостижимым, как того требовал бы такой идеальный тип.

Напротив, автор подчеркивает, что страны в кластере *КПИ 2* предоставляют все условия для натурализации и гарантируют определенные политические права иммигрантам, проживающим на их территории. Классическое различие между ассимиляционными, плюралистическими и этническими моделями здесь далеко не очевидно. Франция, Нидерланды и Германия – идеальные представители таких моделей – расположены, по сути, в одном кластере (с. 15). В рамках политики интеграции иммигрантов эти страны имеют больше общих черт, чем различий. Несмотря на то что Германия и Франция традиционно развиваются в соответствии с совершенно разными концепциями государственности, они демонстрируют достаточно похожие стратегии включения иммигрантов в принимающее общество, с аналогичными способами получения гражданства и еще более сходными параметрами участия иммигрантов в политической жизни.

Напротив, существование «западного блока» ставит под сомнение идею региональных типов, широко представленную в научной литературе. Похоже, что не существует различий между странами Северной и Южной Европы (с. 15). При рассмотрении вопроса о включении иммигрантов в свои общества средиземноморские страны придерживаются того же подхода, что и скандинавские. Это особенно верно для Швеции и Португалии, которые являются представителями двух наиболее близких стратегий интеграции.

Таким образом, констатирует автор, обнаружение раскола между Западом и Востоком становится ключевым результатом анализа. При прочих равных условиях интеграция иммигрантов легче происходит в левой (западной) части Европы, чем в правой (восточной) (с. 18).

Что касается таких сфер, как семья, проживание и борьба с дискриминацией, эти две конфигурации имеют множество схожих черт, что обеспечивает дополнительную поддержку гомогенизирующему воздействию, подчеркиваемому теорией конвергенции (с. 15). В таких сферах, как занятость, разработка политики, охватываемой директивами Евросоюза в рамках Единого внутреннего рынка, и вопросы прав человека, различия между КПИ исчезают. Тем не менее автор подчеркивает, что трудно сказать, следуют ли такие результаты законодательным действиям европейских инсти-

тутов, соблюдению прав человека или совместным действиям обоих факторов.

Основные различия между кластерами касаются областей занятости, образования, участия в политической жизни и получения гражданства (с. 16). В этих областях восточная конфигурация значительно более ограничительна, чем западная. Возможности для иммигрантов участвовать в политической жизни принимающей страны (политические права, легкий доступ к гражданству) в Португалии и Испании шире, чем в Турции и Словакии.

Подводя итог проведенному исследованию, автор делает следующие выводы. Теория национальных моделей представляется ему утратившей актуальность в условиях нынешнего европейского сценария. Хотя включение иммигрантов в национальную политику остается основной сферой для различения стратегий интеграции в ЕС, это не соответствует тройственной типологии, описанной теорией национальных моделей (с. 17). Различия между конфигурациями интеграционной политики следуют воображаемой географической линии, отделяющей восточные страны от западных. С одной стороны, это соответствует части типологии, описанной Й. Домерником и М. Брукетас-Кальехо (которая, тем не менее, ставится под сомнение в связи с отсутствием раскола между Севером и Югом). С другой стороны, результаты, представленные в данном исследовании, обеспечивают поддержку теории конвергенции.

Матюхова Е.И., 2020

2020.02.014. МАКАРЕЙВИ Н. НАВОДЯ МОСТЫ? ВСПОМИНАЯ ВОССТАНИЕ 1641 ГОДА В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ.
Реф. ст.: McAREAVEY N. Building bridges? Remembering the 1641 rebellion in Northern Ireland // Memory studies. – 2017. – Vol. 11, N 1. – P. 100–114.

Ключевые слова: Восстание 1641 года; память; Северная Ирландия; Портадаун; ольстерский лоялизм.

В статье Наоми Макарейви (Университетский колледж Дублина, Ирландия) исследуется роль Восстания 1641 года[1] как «места

[1] Ирландское восстание 1641 года (23 октября 1641 г. – 1652 г.) началось как попытка бунта в ирландской католической общине, но переросло в полноцен-

памяти» в историческом репертуаре ольстерских лоялистских общин после заключения Соглашения Страстной пятницы 1998 г.[1] Автор описывает практики коммеморации Восстания в таких центрах лоялизма, как Портадаун и Западный Белфаст, отмечая, что интенсивность обращения к прошлому возрастает в период ухудшения отношений между протестантской и католической общинами. Утверждается, что вероятность эрозии лоялистского нарратива 1641 г. напрямую зависит от готовности этих общин забыть эпизод своей культурной истории, который долгое время служил маркером «осадного менталитета» Ольстера. Применительно к Ольстеру под «осадным менталитетом» понимается оборонительная стратегия протестантского большинства, отстаивающего свои исключительные права перед лицом постоянной внешней угрозы со стороны «националистов» и «республиканцев», стремящихся к объединению Северной Ирландии с Республикой Ирландия. Глубоко укоренившись в сознании протестантских масс, он воплощает ценностное ядро юнионистской идеологии, исключающей возможность примирения «осажденных» и «атакующих» (с. 100–102).

В статье подчеркивается особая роль проекта «Свидетельства 1641 года», который объединяет показания нескольких тысяч протестантов Северной Ирландии, наблюдавших бунт католической общины. Работа по собиранию документов началась в 2007 г. и завершилась в сентябре 2010 г. 22 октября 2010 г. президент Ир-

---

ное национально-освободительное восстание против англичан. Бунт был вызван конфискацией земель и колониальным поглощением Ирландии, осуществлявшимися английской монархией при Тюдорах и первых Стюартах. Восстание возглавили феодалы, католическое духовенство и присоединившаяся к ним старая англо-ирландская знать. В октябре 1642 г. восставшие образовали свое государство – Католическую федерацию Ирландии, контролировавшую примерно две трети острова. Однако бывшие участники восстания переругались между собой и вступили в сепаратные переговоры с различными партиями, участвовавшими в Английской революции. В 1649 г. в Ирландии высадились английские войска во главе с лидером пуритан Оливером Кромвелем. Они осуществили массовые земельные конфискации и способствовали созданию новой земельной аристократии, которая в 1660 г. стала опорой реставрации монархии в самой Англии. – *Прим. реф.*

[1] Соглашение Страстной пятницы, или Белфастское соглашение – соглашение о политическом урегулировании конфликта в Северной Ирландии, предусматривавшее создание автономных органов власти, введение Комиссии по правам человека в Северной Ирландии и установление двухгодичного срока изъятия оружия, а также вывода британских войск. – *Прим. реф.*

ландии Мэри Макэлис (1997–2011) представила проект широкой публике, открыв временную выставку «Ирландия в смятении: Свидетельства 1641 года». Данная инициатива также поддерживалась премьер-министром Северной Ирландии Ианом Пейсли. Однако, подчеркивает автор, оба государственных деятеля демонстрировали принципиально разный подход к содержанию политики памяти. Если ведущий лидер ольстерского юнионистского движения, протестантский фундаменталист и идеолог антикатолицизма И. Пейсли видел в «Свидетельствах 1641 года» способ подчеркнуть преемственность истории и непрерывность групповой идентичности, то сторонница объединения двух Ирландий Макэлис – еще одно средство сказать «Прощай!» травматическому прошлому. «Даже после публикации “Свидетельств” мы вряд ли придем к общему пониманию истории, – утверждала она. – Но мы можем выбрать общее будущее, совместное мирное будущее, потому что ничего нельзя выиграть препарированием прошлого в поисках инструмента для оправдания последующих вражды и недоверия» (с. 111). В свою очередь, Иан Пейсли неоднократно заявлял, что нация, забывающая свое прошлое, совершает самоубийство.

При описании культуры памяти в Портадауне Н. Макарейви останавливается на такой яркой местной традиции, как коммеморация уничтожения католиками сотни местных протестантов и англичан. Мужчины, женщины и дети были согнаны на городской мост, а потом сброшены в воду реки Банн. Тех же, кто доплывал до берега, убивали на суше. Агентом памяти в данном случае выступает Орден оранжистов, и проведение мемориальных мероприятий рассматривается его представителями как залог того, что в будущем ничего подобного «бойне 1641 года» не повторится. Автор также отмечает происходящую феминизацию дискурса «жертв Восстания 1641 года», выражающуюся в постепенном переносе акцента на страдания ни в чем не повинных женщин и детей (с. 103–105).

В отношении культуры памяти Белфаста Н. Макарейви констатирует, что хотя в самом городе не происходило столь масштабных злодеяний, в местных коммеморативных практиках была заложена не меньшая степень ожесточенности по отношению к католикам, чем в мероприятиях, проводимых в Портадауне. Однако после подписания Соглашения Страстной пятницы ряд одиоз-

ных фресок на стенах домов, в частности изображение Оливера Кромвеля, были замазаны и заменены символами, несущими более позитивную повестку дня неизбежного примирения (с. 107–109).

Выделив две модели обращения с прошлым 1641 г. – представление о нем как о канувших в Лету истории или воззвание к долгу памяти – автор заключает, что этот спор между апологетами концепции Макэлис и сторонниками Пейсли носит более чем просто теоретический характер. Дискуссия, развернувшаяся вокруг проекта «Свидетельства 1641 года», стала частью борьбы двух конкурирующих политических нарративов об оптимальном будущем для ирландцев. В поле «истории» хотят остаться те, кто делает выбор в пользу объединения народа, «прогрессивного» трансграничного национализма; к сохранению «памяти» призывают сторонники *status quo*, наследники ольстерского юнионизма и сохранения Северной Ирландии в составе Великобритании. При этом в контексте выхода Великобритании из Европейского союза, предполагающего возникновение жесткой границы между Республикой Ирландия и североирландской территорией, интенсивность «боев за историю» может возрасти, поскольку на повестке дня жителей Ольстера вновь окажется вопрос о целесообразности поддержания союза с Лондоном (с. 111–112).

Кристенсен И.С., 2020

СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

2020.02.015–016. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗЫ КОНФЛИКТА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТОЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ. (Сводный реферат).

2020.02.015. COHEN M., RAPPORT A. Strategic surprise, nuclear proliferation and US foreign policy // European j. of international relations. – 2019. – Aug 2. – Mode of access: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1354066119859925 (Accessed: 10.01.2020.)
2020.02.016. COOKE S., FUTTER A. Democracy versus deterrence: Nuclear weapons and political integrity // Political studies association. – 2018. – Vol. 38, N 4. – P. 500–513.

Ключевые слова: международная безопасность; когнитивная психология; ошибка хиндсайта; демократический режим; моральный выбор; политические решения; стрессовая ситуация; стратегическая стабильность; «стратегическая неожиданность»; «ядерный сюрприз»; политическая целостность; ядерное сдерживание; прозрачность.

Радикальная трансформация геополитической обстановки в конце второй декады XXI в. послужила поводом к началу академической дискуссии о моральной и психологической ответственности за свои действия политических лидеров ведущих демократических стран в период серьезных изменений в структуре стратегической стабильности[1]. Сегодня в обсуждении обозначен-

[1] Стратегическая стабильность – многофакторное понятие, определяющее состояние военно-политической ситуации в мире или стратегические отношения между отдельными государствами – обладателями ядерного оружия. В широком смысле стратегическая стабильность – это общая характеристика состояния международных отношений, определяемая наличием или отсутствием серьезных дестабилизирующих факторов. В более узком и традиционном понимании она явля-

ной темы участвуют не только специалисты из области международных отношений и мировой политики, но также психологи, историки, социологи, экономисты и математики. Комплексный характер исследуемой проблемы обуславливает необходимость применения междисциплинарного подхода. Основная задача экспертов заключается в выявлении устойчивых закономерностей и логических взаимосвязей между политическими решениями лидеров и их реакцией на кардинальные изменения в области международной стабильности, такие, например, как проведение ядерных испытаний в странах, не способных, по оценкам ведущих аналитиков, еще долгое время иметь технологии или наработки в области ядерного оружия.

В условиях возрастания геополитической напряженности актуализируется задача изучения стратегических неожиданностей, их влияния на национальную безопасность. Именно на этом направлении наиболее часто встречаются так называемые «черные лебеди»[1], или «джокеры» – аномальные, обладающие огромной силой воздействия, не поддающиеся прогнозированию и объясняемые лишь постфактум. Предугадать реакцию политического лидера на получение им информации о «стратегической неожиданности» практически невозможно. Тем не менее авторам рассматриваемых в рамках данного сводного реферата статей удалось выявить определенные поведенческие паттерны, к которым с наибольшей вероятностью прибегнут лидеры ведущих демократических государств в условиях спонтанных флуктуаций в системе стратегической стабильности.

Авторы первой статьи «Стратегическая неожиданность, ядерное распространение и внешняя политика США» – Майкл Коэн (Австралийский национальный университет, г. Канберра) и Аа-

---

ется показателем стратегических взаимоотношений, прежде всего между Россией и США (ранее – между СССР и США). Наличие и устойчивость стратегической стабильности определяются по количественному и качественному соотношению стратегических ядерных сил (СЯС) сторон – как наступательных, так и оборонительных. Это соотношение должно быть таким, чтобы любая из сторон имела возможность нанести в ответном ударе неприемлемый (или «заданный») ядерный ущерб агрессору даже при самой неблагоприятной для себя ситуации, в том числе и при нанесении по ней неожиданного «разоружающего» удара. – *Прим. реф.*

[1] Это понятие было предложено американским математиком и трейдером Нассимом Николасом Талебом. – *Прим. реф.*

рон Раппорт (Кембриджский университет, Великобритания) – сопоставляют реакцию администраций президентов Трумэна и Джонсона на так называемый «ядерный сюрприз» (015, с. 1). Первая столкнулась с советским ядерным испытанием (1949); вторая – с испытанием водородной бомбы в КНР (1967) (там же).

Лейтмотивом работы М. Коэна и А. Раппорта является вопрос: «Каковы последствия «стратегической неожиданности для внешней политики?» (015, с. 2). «Стратегическую неожиданность» авторы определяют как не прогнозируемое событие, инициированное политическим руководством страны, которое ставит под угрозу действующую систему правил (там же). К таким событиям можно отнести внезапное нападение на другое государство, резкое расширение спектра военно-стратегических возможностей страны. Особого внимания заслуживает проблема «ядерного сюрприза»[1] (цит. по: 015, с. 2), поскольку именно он оказывает наибольшее влияние на архитектуру стратегической стабильности.

Реагируя на «стратегическую неожиданность», каждый политик либо пытается представить произошедшее событие более предсказуемым, чем было на самом деле (ошибка хиндсайта – суждение задним числом), либо увеличивает инвестиции в ранее принятое решение, несмотря на то что новые данные указывают на неадекватность последнего в сложившейся ситуации (015, с. 2).

Авторы убеждены, что большинство политических лидеров в попытке избежать эффекта хиндсайта предпочитают следовать ранее выработанной стратегической линии. Оправданием подобной ригидности обычно служит указание на большие затраты и непредсказуемые последствия принятия новой геополитической реальности. Тем не менее существуют различные формы противостояния хиндсайту. С одной стороны, политическая элита может пойти по пути полного отрицания самого факта внезапного появления угрозы стратегической стабильности, что в дальнейшем только усугубит сложившуюся ситуацию. Это оборонительный сценарий («defensiveness»)[2], при котором политическая элита снимает с себя всю моральную, психологическую, а главное – полити-

[1] *Chan S.* The intelligence of stupidity: understanding failures in strategic warning // American political science rev. – 1979. – Vol. 73, N 1. – P. 171–180.

[2] *Stern E.* Crisis and learning: A conceptual balance sheet // J. of contingencies a. crisis management. – 1997. – Vol. 5, N 2. – P. 69–86.

ческую вину за провал в той или иной сфере. С другой стороны, политический лидер может без промедления приступить к реформам, чтобы купировать негативные последствия «стратегической неожиданности», в частности инициировать реформы Министерства иностранных дел и разведывательного аппарата, т.е. тех институтов, которые не смогли предвидеть приближающиеся изменения (015, с. 4).

В статье отмечается, что все политические лидеры стремятся как можно быстрее разделить ношу сокрушительного провала со своей администрацией. Объясняется это психологическими особенностями поведения человека в сочетании с «эффектом хиндсайта». После того как человек признал случившееся свершимся фактом, оно кажется ему логичным и очевидным. «Стратегическая неожиданность» раскрывает политическому лидеру глаза на недостоверность ранее полученной информации и важность отдельных упущенных деталей[1]. Осознание совершенных ошибок запускает процесс автоматической защиты своего достоинства перед коллегами и подчиненными, так как подобные упущения ставят под сомнение профессионализм эксперта. Иными словами, начинается поиск виноватых. Чем сильнее желание элиты преодолеть новые вызовы в области стратегической стабильности, тем активнее проявляется ее вовлеченность в корректировку внешнеполитического курса (015, с. 2).

Особое внимание авторы статьи уделяют проблеме «охоты на ведьм», или поиску виноватых в ситуации столкновения американской политической элиты со стратегической нестабильностью. Если политический лидер принимает новую геополитическую реальность и наиболее вероятным «преступником» не считается умело законспирированный противник в лице иностранного государства, то, по мнению авторов, «врагами» американского народа назначаются сотрудники разведки и руководители органов национальной безопасности (015, с. 7). Первым шагом национального лидера, стремящегося вернуть доверие избирателей, становится реформа органов национальной безопасности, призванная доказать народу, что именно последние допустили фатальный просчет.

[1] *Pillar P.* Intelligence and U.S. foreign policy: Iraq, 9/11 and misguided reform. – N.Y.: Columbia univ. press, 2011.

Выбор двух демократических администраций – Трумэна и Джонсона – в качестве объектов для сопоставления авторы объясняют тем, что оба президента с разницей в 18 лет столкнулись с одинаково серьезными вызовами и при этом располагали одинаковым разведывательным ресурсом, аналитиками, на которых была возложена задача просчитать вероятность обретения технологий по созданию ядерного оружия странами, которые вели разработки в обозначенной области. Даже рейтинги поддержки среди американского общества у них были одинаковые (015, с. 9). Единственное отличие, с точки зрения авторов, заключается в том, что Л. Джонсон уделял больше внимания проблеме ядерного распространения и имел более тесные отношения с ЦРУ (015, с. 8).

Притом что и испытание 1949 г., и испытание 1967 г. можно назвать стратегической неожиданностью, эти события различаются по ряду признаков. Во-первых, в 1967 г. Китай проводил испытания водородной бомбы. Во-вторых, до испытаний 1949 г. США и СССР не находились в состоянии гонки вооружений. В-третьих, Г. Трумэн лишь стоял у истоков мировой ядерной гонки, а Л. Джонсон был непосредственным свидетелем ее развертывания.

Ключевым параметром сравнения двух президентов для авторов служит уровень их гибкости при столкновении со «стратегической неожиданностью», так как именно от этого зависела глубина инициированной ими трансформации внешнеполитической стратегии США.

Переходя к описанию каждого из рассматриваемых в статье случаев «стратегической неожиданности», авторы раскрывают специфику геополитического положения США в 1949 и в 1967 гг. XX в.

В 1949 г. администрацией Трумэна был подготовлен эпохальный документ – Меморандум NCS 68. В него вошли положения, касающиеся противостояния США и СССР на мировой арене, экономического восстановления Западной Европы и победы КПК в Китае. Помимо этого, директива СНБ-68 фиксировала реакцию американской политической элиты на первое ядерное испытание в СССР. Была дана установка – ускорить производство ядерного оружия в США и начать исследования по созданию водородной бомбы. Началась реорганизация ЦРУ. По мнению авторов, такая реакция президента США наглядно демонстрирует поспешность

его политических решений и слабую осведомленность в области ядерной политики. Авторы уделяют особое внимание настроениям, которые царили в Белом доме на момент фактического признания ядерного испытания в СССР. Большинство людей из окружения Трумэна заверяли его в том, что это физически невозможно. В частности, Р. Оппенгеймер утверждал, что русские никогда не достигнут уровня, необходимого для создания ядерной бомбы. Многие политики и эксперты пытались убедить Трумэна в том, что самолетам-разведчикам удалось зафиксировать не результаты испытаний, а лишь последствия взрыва советского атомного реактора[1].

По мнению М. Коэна и А. Раппорта, Г. Трумэн использовал неформальное, децентрализованное управление[2]. Несмотря на все внешнеполитические успехи, Г. Трумэн так и не выстроил четкую, иерархическую систему направления всех информационных потоков в Овальный кабинет, тем самым не проявил заинтересованности в удержании контроля над ситуацией в полном объеме. Более того, он часто игнорировал заседания СНБ и, вместо того чтобы долго и кропотливо осмысливать поступающие данные, предпочитал прислушиваться к рекомендациям советников и принимал большинство решений на месте[3]. Отклонив план Баруха, он внес свою лепту в начало гонки ядерных вооружений и обострение противостояния между СССР и США. Первой реакцией Трумэна на ядерное испытание в СССР стала критика ЦРУ, и не просто критика, а полноценная травля. Г. Трумэн публично обвинил директора ЦРУ Р. Хилленкоттера и всех его сотрудников в провале обеспечения национальной безопасности США, затем гонения на ЦРУ начались и в Конгрессе. В октябре 1950 г. директор ЦРУ и его ближайшее окружение ушли в отставку. Последовали перестановки в других министерствах и ведомствах.

---

[1] *Thompson N.* The hawk and the dove: Paul Nitze, George Kennan and the history of the cold war. – N.Y.: Picador, 2010.

[2] *Mitchell D.* Centralizing advisory systems: Presidential influence and the U.S. foreign policy decision-making process // Foreign policy analysis. – 2005. – Vol. 1, N 2. – P. 181–206.

[3] *Gailmard S.*, *Patty J.W.* Learning while governing: Expertise and accountability in the executive branch. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2012.

Таким образом, советское ядерное испытание стало «стратегической неожиданностью» для американской политической элиты. Президент одобрил новую программу по ускоренному накоплению ядерных бомб и поручил форсировать проект по созданию водородной бомбы. Была подготовлена новая ядерная политика США «Доктрина массированного возмездия»[1]. Помимо этого, президенту удалось уговорить Конгресс выделить $1,4 млрд для увеличения мощностей добычи урана, эта цифра в несколько раз превысила стоимость всего Манхэттенского проекта (015, с. 14).

Реакция администрации Л. Джонсона на «стратегическую неожиданность» 1967 г. была более умеренной и сдержанной. Об этом свидетельствуют сохранение внешнеполитического курса США и подписание Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Отличительной чертой американских политиков того времени стала жесткая система контроля информационных потоков. Президент лично наладил тесное взаимодействие с Советом национальной безопасности и поддерживал с ним постоянные контакты[2]. Еще одним доказательством готовности Джонсона не отворачиваться от проблемы стала его бóльшая сосредоточенность на вопросах ядерной политики, проявившаяся до испытания Пекином новой бомбы (015, с. 15). Еще до 1967 г. Совет национальной безопасности США подготовил 13 аналитических докладов на тему китайских ядерных сил и потенциальных ядерных испытаний в краткосрочной перспективе. Помимо этого, президент США понимал, что и СССР неоднозначно реагирует на испытания в КНР, а значит, договориться с остальными ядерными державами на фоне «обеспокоенной Москвы» будет проще (015, с. 16).

Л. Джонсон сосредоточил свои усилия на содействии созданию международного режима ядерного нераспространения. В отличие от предшественника, в 1967 г. американский президент не исключил дипломатию из списка эффективных инструментов решения проблем, вызванных «стратегической неожиданностью». Л. Джонсон мог пойти на поводу у группы из Министерства обо-

[1] *Gavin F.J.* Nuclear statecraft: History and strategy in America's atomic age. – Ithaca (NY): Cornell univ. press, 2012.

[2] *Burke J.P.* The institutional presidency: Organizing and managing the White House from FDR to Clinton. – Baltimore (MD): Johns Hopkins univ. press, 2000.

роны, возглавляемой Р. Макнамарой, утверждавшим, что США необходимо гарантировать безопасность Индии и других союзников в Азии и создать вокруг Китая надежную и крайне дорогостоящую систему ПРО. До этого Макнамара предлагал нанести удары по китайским ядерным объектам, а в качестве предлога использовать активно ведущуюся войну во Вьетнаме. Л. Джонсон отказался от этой идеи, но уже после ухода с поста президента неоднократно вспоминал о серьезном давлении со стороны военных, обвинявших его в предательстве национальных интересов.

Подводя итог проведенному сравнительному анализу, М. Коэн и А. Раппорт утверждают, что опыт администраций Трумэна и Джонсона служит доказательством тезиса о влиянии степени вовлеченности лидера в выработку ядерной политики на его (и его администрации) реакцию в отношении стратегических неожиданностей. К смене внешнеполитического курса и силовым мерам скорее прибегнет лидер, который ранее избегал вовлечения в обсуждение ядерной проблематики.

Также в ходе исследования авторы опровергли распространенную гипотезу о том, что бóльшая степень «децентрализованности» в процессе принятия решений и, казалось бы, большее число субъектов, способных эффективно справиться с изменениями среды, гарантируют, что новая геополитическая реальность будет складываться устойчивее[1].

В заключение М. Коэн и А. Раппорт ставят вопрос о степени вовлеченности американского президента Д. Трампа в вопросы современной американской ядерной политики. Основными источниками возможной «стратегической нестабильности», по их мнению, могут стать действия Китая, Северной Кореи, России или Ирана. Они задаются вопросом: «Приведет ли испытательный пуск очередной межконтинентальной баллистической ракеты со стороны КНДР к изменениям американской политики по отношению к превентивной войне? И приведет ли захват РФ стран Прибалтики к неожиданной реакции Трампа и его коллег по НАТО?» Авторы утверждают, что политический лидер будет реагировать

[1] *Goldmann K.* Change and stability in the international system: The problems and possibilities of détente. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1988.

на стратегическую неожиданность в зависимости от степени его вовлеченности.

Во второй статье, «Демократия против сдерживания: Ядерное оружие и политическая целостность», написанной Стивом Куком и Эндрю Фаттером (Лестерский университет, Великобритания), отмечается неоднозначность восприятия роли ядерного сдерживания в стратегической стабильности в демократических режимах. Практика ядерного сдерживания не может быть полностью реализована по причине давления со стороны общественности. По словам авторов, эта проблема крайне актуальна для Великобритании. На сегодняшний день все три уровня британского ядерного сдерживания обеспечены системой «Трайдент» на четырех подводных лодках типа «Вэнгард». В «Стратегическом обзоре по обороне» 1998 г. был подтвержден курс на сохранение возможностей гибкого или ограниченного применения ядерного оружия. Гибкость ядерного сдерживания обеспечивается за счет сохранения способности немедленного реагирования. В данном контексте политическим лидерам приходится постоянно говорить о том, что в случае угрозы ядерной войны Великобритания также применит ЯО, однако это, по мнению авторов, расходится с пониманием роли личности демократического лидера, нормами человеческой морали и демократических ценностей (016, с. 500). Из этого авторы делают вывод, что правительство страны должно начать диалог с гражданским обществом на тему прозрачности и особой подотчетности в политике ядерного сдерживания.

Ядерная стратегия Соединенного Королевства вырабатывается правительством с учетом сложного переплетения политических, финансовых и связанных со спецификой географического положения ограничений. Так, в частности, Великобритания никогда не располагала достаточными – сопоставимыми с потенциалом США и СССР в период холодной войны – финансовыми возможностями для поддержания разнообразного ядерного арсенала. По словам авторов, британская ядерная стратегия всегда базировалась на принципах «минимального ядерного сдерживания». В 1990-х годах военно-политическое руководство страны отказалось от создания ракетных комплексов шахтного и мобильного базирования как уязвимых в связи с недостаточной скрытностью функционирования и жизнеспособностью. Также была признана нецелесообраз-

ной разработка авиационного компонента ядерных сил. В итоге была сохранена только морская составляющая СЯС (016, с. 502).

В настоящее время Великобритания является единственной страной из числа официально признанных государств, обладающих ядерным оружием, которая ограничила свои силы ядерного сдерживания в пределах одной платформы, одной системы доставки и одного типа. Сегодня в Соединенном Королевстве существует система непрерывного сдерживания на море (СНСМ), в соответствии с которой одна из четырех атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) британских ВМС всегда находится на боевом патрулировании, а три занимают позиции в районе Северной Атлантики, готовые, если будет дано указание, запустить свои ядерные ракеты. Подводная лодка типа «Вэнгард» теоретически может нести до 192 ядерных боеголовок (до 16 ракет с разделяющимися головными частями с 12 боеголовками). Сам факт непрерывности рассматривается как залог стабильности, так как нахождение хотя бы одной подводной лодки на боевом патрулировании – это ясный сигнал, поддерживающий status quo (016, с. 502).

Мобильность и скрытность основной платформы ядерного оружия в сочетании с предельной дальнобойностью системы доставки является значительным достижением британских военных, позволяющим в случае угрозы ядерной войны нанести ответно-встречный удар даже при условии гибели политического лидера и его ближайшего окружения. Чтобы обеспечить надежность этой системы, одной из первых обязанностей каждого нового премьер-министра Великобритании при вступлении в должность является написание так называемого письма последней инстанции, или «letter of last resort»[1]. В этом распоряжении, которое пишется от руки, содержатся инструкции премьер-министра на тот случай, если Соединенное Королевство подвергнется ядерному нападению и сам премьер-министр будет убит. По мнению авторов, такая практика призвана продемонстрировать всем потенциальным противникам Соединенного Королевства, что Великобритания может и будет отвечать на угрозу ядерного конфликта. Считается, что эти

[1] *Hennessy P.* The secret state: Preparing for the worst 1945–2010. – L.; N.Y.: Penguin press, 2010.

письма содержат приказ об одном из четырех вариантов действий: нанесении ответного ядерного удара, отказе от него, принятии военными решения на свое усмотрение или переходе под командование союзного государства (вероятно, Австралии или Соединенных Штатов) (016, с. 503).

Авторы допускают возможность сценария, при котором «письмо последней инстанции» окажется пустым. Однако сам факт, что все знают о существовании этого письма, вносит вклад в обеспечение работы британской системы ядерного сдерживания (016, с. 504).

Переходя к рассмотрению проблемы сочетания демократической формы правления и ядерного сдерживания, авторы начинают с определения демократии. С их точки зрения последняя возможна лишь при условии соблюдения ряда основополагающих процедур (например, поддержания института свободных выборов), а также при сохранении в качестве приоритетных ценностей равенства, свободы, независимости и справедливости[1]. Каждый гражданин имеет право принимать участие в политической жизни своей страны, все политические решения в стране должны быть прозрачными для широких масс населения – в противном случае это нарушает принцип равенства[2]. Соблюдение вышеописанных условий обеспечивает стабильность и упрощает обсуждение болезненных для общества вопросов (016, с. 506).

Тем не менее сегодня в Великобритании избиратели не могут понять, какую ядерную стратегию изберет новый премьер-министр, так как в период политической гонки практически ни один из кандидатов не касается в своих речах темы ядерного сдерживания. Действительно, обращение к этой проблематике не является эффективным средством обеспечения электоральной поддержки. Тем самым авторы утверждают, что большинство политиков в Великобритании сознательно участвуют в «обмане» народа (016, с. 501). Подвешенное состояние общества в плане понимания национальной политики ядерного сдерживания подрывает основы демократической формы правления. Происхо-

[1] *Williams B.* The idea of equality // Contemporary political philosophy: An anthology / ed. by R.E. Goodin, P. Pettit. – Oxford: Blackwell, 2006. – P. 451–461.

[2] Ibid.

дит отрыв широкой общественности от реальной политики, начинается разрушение общественного единства.

Основной проблемой современной Великобритании остается нарушение принципа подотчетности в области стратегической стабильности, что влечет за собой разрушение демократических институтов и ценностей в государстве. По мнению авторов, британской общественности следует рассмотреть возможность проведения «дебатов по ядерной политике» внутри партий, внести в повестку выборов вопросы, которые напрямую затрагивают применение ядерного оружия[1] (016, с. 509). Возможно, в будущем в рамках подобных обсуждений будет поднят вопрос о целесообразности дальнейшего поддержания политики намеренной неопределенности в вопросах точного количества, местоположения и характера стратегического развертывания национальных ядерных сил.

Ломакин А.С., 2020

[1] *De Wijze S.* Democracy, trust and the problem of «dirty hands» // Philosophy in the contemporary world. – 2003. – Vol. 10, N 1. – P. 40.

СОЦИОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ

2020.02.017. ВЕНХУВЕН Р. СОЦИОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ.
Реф. ст.: VEENHOVEN R. The sociology of happiness: Topic in social indicators research // Proceedings of common sessions of the ISA Forum. – 2016. – P. 1–13. – Mode of access: https://personal.eur.nl/veenhoven/Pub2010s/2018t-full.pdf (Accessed: 10.12.2019.)

Ключевые слова: социальные показатели; счастье; качество жизни; социологические исследования.

Выступление Рута Венхувена, профессора социологии Университета Эразма Роттердамского (г. Роттердам, Нидерланды), на пленарном заседании III форума Международной социологической ассоциации (Вена, июль 2016 г.) было посвящено феномену счастья как предмету социологического анализа. Счастье Венхувен рассматривает в рамках проведенного им эмпирического исследования как социальный индикатор удовлетворенности жизнью и как объект современной теоретической социологии. Венхувен – один из самых авторитетных специалистов в данной области социального знания, ученый с мировым именем, которого называют отцом-основателем социологии счастья. Счастье в его трактовке – надежный показатель качества жизни и критерий социального прогресса и состояния общества, подлежащий количественному измерению и сравнительному анализу в разных социальных системах и национальных государствах. Именно Венхувен является организатором и бессменным руководителем Международного банка данных о счастье (World database of happiness) при Университете Эразма Роттердамского (организован в 1980 г.), а также основателем и главным редактором тематического издания «Journal of happiness studies: An interdisciplinary journal on subjective well-being» (Springer, издается с 2000 г.).

Как отмечает автор, феномен счастья привлек внимание социологии, видевшей свою задачу в поиске путей совершенствования человеческого общества, еще на заре ее становления как научной дисциплины; однако позднее профессиональные социологи на долгие годы вычеркнули счастье из списка приоритетных для своей дисциплины областей исследования. Новая волна интереса к этому феномену обозначилась в контексте развития такого социологического направления, как изучение социальных показателей, которое формировалось вокруг одноименного междисциплинарного журнала («Social indication research», Springer). Этот журнал с момента своего первого выпуска в 1974 г. стал ведущим периодическим изданием по самому широкому кругу вопросов, связанных с изучением качества жизни в самых разных его аспектах во многих странах мира. Центральное место в журнале отводится таким темам, как устойчивость качества жизни и взаимосвязь устойчивости социального развития с качеством жизни. На страницах издания представлены эмпирические, методологические, философские исследования, где на первом плане – социальные индикаторы и характеристики сфер общественной жизни, которые позволяют увидеть весь спектр современных социальных реалий в их динамике и сравнении.

Характеризуя исследования социальных показателей как развивающееся направление современного социального знания, Венхувен использует метафору каната, свитого из отдельных веревок, где канат – это описываемая предметная область, а веревки – ее объекты и конкретные социальные индикаторы. Данная метафора выражает, во-первых, взаимосвязь отдельных предметов и областей исследования в рамках социологии социальных показателей; во-вторых, их совокупное усиление в процессе комплексного анализа и измерения; в-третьих – более значимый социальный вес «сплетенных» в канат индикаторов-«веревок», которые позволяют увидеть картину социальной жизни и ее качества в целом (с. 1). В ряду популярных социальных индикаторов, не ограничивающихся только экономическими показателями, – неравенство и бедность, благополучие и безопасность, солидарность и сплочение, а также счастье как одно из фундаментальных свидетельств удовлетворенности жизнью и ее качества, подлежащее сравни-

тельному исследованию в долгосрочной перспективе, охватывающей самую широкую географию государств и наций.

Автор подробно останавливается на идеологических истоках социологии качества жизни в целом и социологии счастья в особенности. Обращаясь к философским идеям Просвещения, он подчеркивает, что социология как наука сформировалась из убеждения, что «общество может и должно совершенствоваться посредством научного знания» (с. 2). Этот интеллектуальный тренд набирал силу на протяжении XVIII–XIX вв., совершив постепенный мировоззренческий переворот, который изменил сознание человека Средневековья. Главным содержанием нового взгляда на мир стали: идея социального устройства на принципах общественного договора (который, в отличие от божественного установления, может быть пересмотрен в случае его неэффективности); отказ от идеи карающего Бога в пользу проповеди счастья на Земле и защита человеческого разума в противовес слепому следованию божественному проведению. Тем самым к началу XIX столетия идеи социального прогресса и права человека на счастье стали неотъемлемой частью западного философского дискурса. На протяжении всей истории своего существования, начиная со времен античности и вплоть до второй половины XX в., счастье представляло собой по большей части «зонтичное» и многозначное понятие, включающее самый широкий спектр идей о «хорошей жизни», продолжает Венхувен. В содержание этого понятия так или иначе входит представление о качестве жизни (и наоборот), или о том, что называют социальным благополучием, благосостоянием, удовлетворенностью жизнью, наслаждением каждым прожитым днем, а также моральные аспекты, диктующие поведение, которое способствует счастью других. В конце XIX – первой половине XX в. позитивная идеология счастья подверглась критике и забвению под влиянием различных идеологических и политических факторов и событий (национализм, мировые войны, пропаганда равенства, свободы и национальной независимости в качестве социальных и нравственных приоритетов). В итоге интерес социальных наук к феномену счастья заметно упал, так что в учебниках по социальной философии 1960-х годов данное понятие уже рассматривается скорее как исторический казус, а не как предмет актуального социального знания, замечает автор.

Интерес к счастью как к социальному показателю, который может быть измерен и использован в сравнительных социальных исследованиях, наметился во второй половине прошлого столетия. Благоприятный социально-политический контекст, особенно в развитых странах западного мира, отсутствие серьезных военных столкновений, упрочение принципов демократии в мире, высокие темпы экономического и научно-технического прогресса способствовали «беспрецедентному в истории росту жизненных стандартов» и «более позитивному, чем прежде, пониманию таких целей, как здоровье и счастье» (с. 3). Другим фактором, способствующим изменению отношения к счастью среди профессиональных социальных аналитиков, явилось возникновение, прежде всего на Западе, «общества множественного выбора», где человек получил возможность выбора тех или иных жизненных стратегий в соответствии со своими личными вкусами и желаниями. Таким образом, произошло упрочение роли счастья в политической и личной жизни человека позднего модерна.

Этот идеологический сдвиг происходил на фоне быстрого развития технических средств и возможностей для более убедительного эмпирического описания и сравнительного изучения социальных реалий, включая счастье как социальный индикатор качества жизни, продолжает автор. Самое широкое распространение получили опросы общественного мнения на тему счастья, где основным источником данных стали самоотчеты и интервью. Постепенно вопросы, касающиеся счастья и удовлетворенности жизнью, стали обязательной частью масштабных национальных опросов и лонгитюдных исследовательских проектов самой разной направленности, что позволило сформировать солидную базу данных. Первый национальный проект, где счастье подлежало измерению, был реализован в США в конце 1940-х годов (как часть общенационального проекта по изучению общественного мнения). В 1950-х годах счастье стало одним из аспектов эмпирических проектов по изучению успешного старения, семьи, труда и т.п.; десятилетием позже феномен счастья использовался как социальный показатель в ряде исследований, касавшихся ментального здоровья и т.п.

В подобных и аналогичных им более поздних исследованиях под счастьем имелась в виду прежде сего общая удовлетворенность жизнью или всесторонняя оценка собственной жизни в це-

лом; тем самым «предполагается, что мы понимаем, что такое счастье, и можем его измерить, задавая вопросы» (с. 4). Такие вопросы могут входить в содержание самых разных социологических эмпирических исследований – клинических интервью, биографических и «исповедальных» опросов, причем вопросы могут быть сформулированы «в лоб» или носить завуалированный характер, непосредственно затрагивать тему счастья или выглядеть как совокупность рассуждений, не связанных с ней и пр. Как оказалось, замечает Венхувен, тщательные эмпирические исследования не подтверждают сомнений скептиков, которые полагают, что «автобиографии счастья» и личные исповеди не могут служить достоверными источниками социального знания о современном обществе (там же).

Во второй части своего выступления Венхувен описывает главные тенденции, касающиеся счастья как одного из фундаментальных социальных индикаторов современных обществ, которые зафиксированы благодаря анализу данных в World database of happiness[1]. Сегодня здесь хранятся 25 000 стандартизированных описаний данных, связанных с феноменом счастья; около 10 000 дистрибутивных результатов (т.е. описаний состояния счастья в зависимости от временно*й* и пространственной локализации респондентов); около 15 000 результатов, ассоциированных с «обстоятельствами и вещами», релевантными состоянию счастья и удовлетворенности жизнью (с. 4). На основе собранных данных можно утверждать, что за годы осуществления подобных исследований (т.е. начиная с 1970 г.) человечество в целом стало счастливее. Из 148 обследованных государств мира только 37 демонстрируют индекс счастья ниже 5 (по шкале 0–10) и 35 стран – выше 7. Однако данная тенденция более характерна для развитых стран Европы и США, чем для развивающихся стран и государств третьего мира. В большинстве мировых держав вырос средний показатель счастья, и лишь отдельные нации демонстрируют его снижение на фоне общего экономического процветания и глобаль-

[1] См.: World database of happiness: Archive of research findings on subjective enjoyment of life. – Mode of access: http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl (Accessed: 10.12.2019.); Happiness in nations. – Mode of access: https://worlddatabaseofhappiness.ur.nl/hap_nat/nat_fp.htm (Accessed: 10.12.2019); *Veenhoven R.* Sociology's blind eye for happiness // Comparative sociology. – 2014. – Vol. 13, N 5. – P. 537–555.

ного технического прогресса. Также наблюдается позитивная динамика жизненных экспектаций населения планеты, или рост так называемых «счастливых лет жизни», достигших к 2010 г. 5,2 года в США и 3,6 года в Западной Европе (с. 5). Наблюдается снижение «дисперсии счастья» среди населения разных стран, или его неравенства; однако этот показатель тесно связан со степенью развития в стране демократии, толерантности и свободы. Вместе с тем уровень счастья и удовлетворенность жизнью всё меньше ассоциируются сегодня с уровнем доходов людей, их образованием и социальным статусом, и всё больше обнаруживается их зависимость от межличностных, интимных связей и психологических диспозиций, подчеркивает Венхувен. Как оказалось, в большинстве национальных государств современного мира менее 10% различий, касающихся счастья, обусловлены положением человека в обществе и связанными с этим объективными атрибутами благополучия (с. 6).

Перечисленные тренды, замечает Венхувен, имеют крайне важное значение для современной социологии, так как свидетельствуют о социальном прогрессе и принципиальном изменении значимых факторов социального неравенства. Кроме того, эти тенденции опровергают многие стереотипы научного и обыденного сознания, например представление об усугублении всех типов неравенства в современных обществах или об однозначной зависимости удовлетворенности жизнью от материального благосостояния или статуса. Тем не менее «все эти и подобные им открытия до сих пор так и не получили признания или отклика в социологии, а понятие счастья по-прежнему отсутствует в социологических учебниках и словарях» (с. 6). Если в психологии и экономике этот феномен исследуется сегодня с большим вниманием, то «в социологических журналах это все еще маргинальная тема», за исключением «Social indicators research», с разочарованием констатирует автор (там же). Главные причины нежелания магистральной социологии «заняться счастьем» Рут Венхувен усматривает в профессиональном предубеждении (социолог – это человек, который в первую очередь озабочен анализом социальных проблем и недостатков) и в идеологической зашоренности, не позволяющей увидеть счастливых людей в несовершенном социальном мире, подлежащем научной критической оценке.

Е.В. Якимова

2020.02.018. КАКИЕ АССОЦИАЦИИ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС СЛОВО «СЧАСТЬЕ»? КУЛЬТУРА, ВЫБОР СЛОВ И ОПЫТ СЧАСТЬЯ / СИН Ч., СУ Ю., ЁМ К., КИМ Х.
Реф. ст.: What does «happiness» prompt in your mind? Culture, word choice and experienced happiness / Shin J., Suh E., Eom K., Kim H. // J. of happiness studies. – 2018. – Vol. 19, N 3. – P. 649–662.

Ключевые слова: «счастье», семантическое наполнение; социальные слова; социальные отношения; метод свободных ассоциаций; кросс-культурные исследования; США; Южная Корея.

Чжи-юн Син (Сингапурский университет управления, г. Сингапур), Юнкук Су (Универстет Ёнсе, г. Сеул, Южная Корея), Кимин Ём и Хечжон Ким (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, США) сопоставляют ассоциации, которые слово «счастье» вызывает у корейцев и американцев соответственно. Респонденты-корейцы чаще упоминали семью, американцы – улыбку. В целом же в наибольшей степени удовлетворенными жизнью оказались те, кто назвал больше слов социального характера.

По мнению авторов, представления индивидов о счастье важны, прежде всего, потому, что они влияют на их реальный опыт счастья. Чем увереннее индивид в том, что ему «отмерено» определенное количество счастья и он не способен существенно повлиять на эту ситуацию, тем больше он склонен фокусироваться на негативных событиях и тем менее он популярен среди своего окружения и вообще менее счастлив (с. 650).

Для целей настоящего исследования Син и ее коллеги выбрали метод свободных ассоциаций, восходящий к Вундту и Фрейду. В соответствии с данным методом участники называют слова, приходящие им в голову в связи с тем или иным ключевым словом, в данном случае «счастьем». С точки зрения авторов статьи этот метод дает респондентам больше свободы самовыражения, чем какой-либо иной, и позволяет проследить, как их идея счастья сопряжена со счастьем в их жизни. Это было показано в других работах. Так, у алкоголиков слово «алкоголь» вызывает больше положительных, а у непьющих и малопьющих – больше отрицательных ассоциаций. Слово «еда» в представлении амери-

канцев в первую очередь коррелирует с «жиром», но вызывает меньше подобных ассоциаций у французов[1].

Син и ее коллеги проанализировали 1563 слова (по три от каждого респондента). Из существующей литературы им было известно, что, во-первых, ничто не обусловливает счастье в такой мере, как уже имеющийся положительный социальный опыт, и, во-вторых, если для американцев счастье – это личностное, субъективное переживание, то для корейцев оно представляет собой межличностный опыт, включающий в себя чужую оценку (с. 651–652). В связи с этим авторы поставили себе задачу проанализировать следующие гипотезы: 1) корейцы назовут больше социальных слов, чем американцы; 2) независимо от национальности индивиды, которые назовут больше социальных слов, окажутся в целом счастливее; 3) индивиды, которые назовут больше социальных слов, окажутся более социально активными, в частности будут больше настроены на оказание эмоциональной поддержки окружающим.

В исследовании приняли участие 295 корейских студентов (из них 145 девушек; средний возраст – 18,8 года) и 226 американских студентов (149 девушек; средний возраст – 19,7 года; 67,3% белые, 30,5% азиаты, 2,2% принадлежали к другим этническим группам). Участников просили написать три слова, которые приходят им в голову, когда они думают о счастье. Слова кодировались как социальные либо несоциальные двумя учеными, не знакомыми с целями данного исследования. Большинство социальных слов описывали абстрактные ценности (например, любовь), людей (семья, друзья) или отношения (скажем, свидания). Незначительные разногласия относительно социального характера того или иного слова были разрешены авторами в ходе последующей дискуссии. По итогам процедуры участники заполняли анкету, содержавшую измерения счастья, социальной поддержки и социальных / несоциальных личностных характеристик.

---

[1] *Reich R.R.*, *Goldman M.S.* Exploring the alcohol expectancy memory network: The utility of free associates // Psychology of addictive behaviors. – 2005. – Vol. 19, N 3. – P. 317–325; *Rozin P.*, *Kurzer N.*, *Cohen A.B.* Free associations to «food»: The effects of gender, generation and culture // J. of research in personality. – 2002. – Vol. 36, N 5. – P. 419–441.

Счастье, а точнее – удовлетворенность жизнью, измерялось посредством шкалы Кантрила, или так называемой лестницы Кантрила, представляющей собой десять ступеней – от 0 («сейчас у меня наихудшая возможная жизнь») до 10 («сейчас у меня наилучшая возможная жизнь»). Объем социальной поддержки оценивался с помощью 7-балльной шкалы (от «я никак не помогаю окружающим» до «я помогаю окружающим как только могу»). Для измерения потребности в принадлежности были адаптированы 5 утверждений из оригинальной модели М. Лири и его коллег[1], содержащей 10 утверждений, которые оцениваются по 7-балльной шкале (от «вообще не согласен» до «полностью согласен»); например, Син и ее коллеги просили участников отреагировать на такие утверждения, как «я не люблю быть один» и «если меня не принимают, это ранит мои чувства». С тем чтобы определить степень их эмоциональной близости с другими людьми, исследователи предложили респондентам 7 вариантов изображения двух кругов – от не пересекающихся до практически перекрывающих друг друга (шкала IOS, *Other in the self*). Для оценки степени одиночества были использованы три утверждения из шкалы одиночества Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, в частности «есть люди, которые меня по-настоящему понимают» и «я ощущаю себя членом дружеского коллектива». Утверждение «я всегда с оптимизмом смотрю в будущее» было почерпнуто из новой редакции опросника «тест жизненной ориентации» (LOT-R, *Life orientation test – revised*), направленного на измерение оптимизма. Наконец, самоэффективность оценивалась посредством утверждения, заимствованного из работы Л. Перлина и К. Шулера[2], а именно «я могу добиться практически всего, чего по-настоящему захочу». В трех последних случаях также применялась 7-балльная шкала (от «совершенно не согласен» до «полностью согласен»).

Переходя к результатам своего исследования, авторы статьи сообщают, что из общего числа 38% слов были отнесены к социальным. Среди корейцев самой распространенной ассоциацией со

[1] Individual differences in the need to belong: Mapping the nomological network / Leary M.R., Kelly K.M., Cottrell C.A., Schreindorfer L.S. – Durham (NC): Duke univ., 2012. – Unpublished manuscript.

[2] *Pearlin L.I.*, *Schooler C.* The structure of coping // J. of health a. social behavior. – 1978. – Vol. 19, N 1. – P. 2–21.

счастьем была «семья» (12,8% ответов), среди американцев – «улыбка» или «смех» (11,5%), что подтверждает значимость социальных отношений для первых и гедонистических эмоциональных состояний – для вторых. Когда исследователи решили выяснить, какого рода отношения респонденты упоминали чаще всего, оказалось, что для корейских студентов это вполне предсказуемо была семья, а для американских – друзья. Как отмечают В. Лайкс и М. Кеммельмайер[1], если в более коллективистских обществах одиночество провоцируется отсутствием семьи, то в более индивидуалистических обществах одиноки, прежде всего, те, у кого нет друзей.

10% корейских респондентов написали исключительно социальные слова, тогда как среди американских участников таких было 4%; 51,5% корейцев и 35,8% американцев выбрали социальное слово в качестве первого. Вне зависимости от национальности записавшие больше социальных слов продемонстрировали более тесную связь с другими (тест с пересекающимися кругами) и в целом бóльшую удовлетворенность жизнью, а также более высокий уровень социальной поддержки (при этом более высокие показатели эмоциональной поддержки были у американцев; как свидетельствуют некоторые исследования[2], корейцы предпочитают иные формы поддержки, например практическую помощь).

В заключение Ч. Син и ее коллеги указывают, что для того чтобы понять, почему употребление большего числа социальных слов сопряжено с большей удовлетворенностью жизнью, потребуются дальнейшие исследования (возможно, для счастливых людей характерны социально ориентированные мысли и поступки; возможно, ориентация на социальное взаимодействие создает больше условий для счастья). Кроме того, в данной работе была задействована определенная группа – студенты, – которая может не отражать поведение «типичного» индивида (с. 659). Необходимо больше и кросс-культурных исследований. Так, согласно части существующей литературы, удовлетворенность жизнью в Южной

[1] *Lykes V.A.*, *Kemmelmeier M.* What predicts loneliness? Cultural difference between individualistic and collectivistic societies in Europe // J. of cross-cultural psychology. – 2014. – Vol. 45, N 3. – P. 468–490.

[2] См., напр.: Cultural differences in support provision: The importance of relationship quality / Chen J.M., Kim H.S., Sherman D.K., Hashimoto T. // Personality a. social psychology bull. – 2015. – Vol. 41, N 11. – P. 1575–1589.

Корее ниже, чем в США[1]; подобные результаты могут быть связаны с использованием разных методов, систем измерения, предикторов счастья (скажем, дохода) и пр.; к тому же имеют место индивидуальные вариации. Тем не менее, подчеркивают авторы, настоящее исследование продемонстрировало сильную связь между важнейшей человеческой потребностью, а именно – социальными отношениями, и личным счастьем.

Я.В. Евсеева

[1] См., напр.: *Suh E.M.* Culture, identity consistency and subjective well-being // J. of personality a. social psychology. – 2002. – Vol. 83, N 6. – P. 1378–1391.

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

От переводчика. Ниже читателям предлагается перевод шестой главы книги «Карты и отчеты Халл-Хауса» (полное название – «Карты и отчеты Халл-Хауса: Представление национальностей и заработных плат в скученном районе Чикаго, с комментариями и очерками по проблемам, возникающим из социальных условий, подготовленное резидентами Халл-Хауса, социального поселения на Саут-Хэлстед-стрит, 335, Чикаго, шт. Иллинойс», 1895).

«Карты и отчеты Халл-Хауса» – один из важнейших документов ранних социальных обследований в США. Книгу подготовили резиденты Халл-Хауса, сеттльмента («социального поселения»), основанного в 1889 г. Джейн Аддамс и Эллен Гейтс Старр (по образцу Тойнби-Холла в Восточном Лондоне) и ставшего первым в ряду подобных учреждений в США. Сначала этот социально-просветительский и реформаторский центр занимал одно здание, но к началу 1910-х годов превратился в большой комплекс, включавший 13 зданий и летний лагерь. На сегодняшний день сохранилось два здания; теперь там музей Джейн Аддамс и Халл-Хауса.

Халл-Хаус изначально был частью женского движения и мыслился как «сообщество университетских женщин»; «резидентами», которые постоянно в нем проживали, были в основном женщины, хотя и не только. Сеттльмент занимался работой с рабочим населением окружающего района – Ближнего Вест-Сайда, – бедного и во многих отношениях неблагополучного; основной акцент в работе делался на помощи женщинам и мигрантам (в окрестностях Халл-Хауса находилась Маленькая Италия, проживали ирландцы, негры, польские и русские евреи, чехи, китайцы, французы и франкоканадцы, греки, арабы, скандинавы, швейцарцы,

румыны, венгры, немцы). Деятельность Халл-Хауса была чрезвычайно разнообразной: занятия, всевозможные курсы и кружки для детей и взрослых, помощь в трудоустройстве и организации профсоюзов, дневной уход, концерты, театр, публичные лекции.

Неотъемлемой частью деятельности Халл-Хауса было всестороннее исследование окружающего района. В этой работе резиденты опирались на опыт исследования Лондона, организованного и проведенного Ч. Бутом; в частности, некоторые резидентки ездили в Англию и поддерживали контакт с Беатрисой Уэбб, кузиной Ч. Бута и участницей его исследования (отсюда, в частности, использование карт в их исследовании, для публикации которых было приложено немало усилий). Исследование окрестностей Халл-Хауса положило начало Движению социальных обследований, длившемуся в США до начала 1930-х годов; так, Джейн Аддамс выступала в роли консультанта в Питсбургском обследовании (1907–1908).

Джейн Аддамс (1860–1935) была одной из ключевых фигур во всей деятельности Халл-Хауса, проживала в нем со дня основания до самой своей кончины. Она известна как пионер движения за социальные права в США, «мать-основательница социальной работы», выдающаяся участница женского движения и пацифистка; в 1931 г. ей была присуждена Нобелевская премия мира (она стала первой американкой, получившей эту премию). Ею написано около десятка книг и полутысячи статей, имевших широкий общественный резонанс. В последние десятилетия было всерьез переосмыслено ее место в истории социологической науки. На сегодняшний день она включается в число признанных основоположников американской социологии, в том числе эмпирической.

2020.02.019. АДДАМС Дж. СЕТТЛЬМЕНТ КАК ФАКТОР РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. (Перевод с англ.).
ADDAMS J. The settlement as a factor in the labor movement // Hull-House maps and papers: A presentation of nationalities and wages in a congested district of Chicago, together with comments and essays on problems growing out of the social condition, by residents of Hull-House, a social settlement at 335 South Halsted street, Chicago, Ill. – N.Y.; Boston (MA): Thomas W. Crowell, 1895. – Ch. 6. – P. 183–204.

Ключевые слова: социальный активизм; социальная работа; рабочее движение; профсоюзы; сеттльмент.

Порой какой-нибудь один человек или группа людей открывают своим современникам более высокую совесть, просто претворяя в деяние то, что до этого было лишь философским положением. Этим деянием общий этический кодекс возносится на новую высоту.

Таким морально значимым поступком была, например, верность Джона Бёрнса забастовке докеров в Восточном Лондоне. «Ущерб одному» в конце концов действительно «стал заботой всех»; отныне человек, не разделяющий этой заботы, падает ниже этической планки своего дня. Положение, которое рабочие долгое время на все лады повторяли, было наконец олицетворено механиком, который занял эту позицию настолько умно, что повел за собой лучших людей в Англии и задал тон общественной совести. Другие люди устыдились того зла, к которому прежде запросто проявляли равнодушие.

Когда социальная совесть, ежели нам будет позволено употребить это выражение, сформулирована столь наглядно, другим не очень уж трудно ей следовать. Возможно, они делают это вяло и неуверенно; но все ж они видят проблеск света, в котором первопроходец не мог быть уверен, и у них есть этический кодекс, видевшийся ему лишь смутно. Кроме того, они сознают поддержку значительной части сообщества, которой до того, как это нашло выражение, были неведомы угрызения совести. Сеттльмент принимает этику своих современников, согласно которой участие в жизни бедных необходимо для понимания и улучшения этой жизни; но самим своим существованием он принимает этот современный кодекс несколько формально. Он не только делает своей заботой социальное поражение самого ничтожного человека, но и благодаря самому своему местоположению оказывается способен увидеть – как не может увидеть никто, кроме ближнего, – стресс и нужду тех, кто несет на себе тяжесть социального поражения. Сеттльмент не только взял на себя обязательства перед теми, кто таким образом поражен, но и расположен там, где движущая сила выполнения таких обязательств постоянно обновляется. Близость – непрерывно действующий фактор его существования.

Обзора швейных предприятий, как они видятся из сеттльмента, будет достаточно, чтобы проиллюстрировать это положение.

Халл-Хаус расположен в самом сердце потогонно-эксплуататорского района Чикаго. Резиденты прибыли в этот район с общим пониманием того, что организация для рабочих – необходимость. Они, несомненно, сказали бы, что открытие способности к объединению – выдающееся открытие нашего времени и что мы используем эту силу несколько неуклюже, как и все, что люди только что для себя открыли. В социальных и политических делах эта способность к объединению часто приносит вред, но в делах коммерческих она действует уже в такой степени, что производителя, не объединяющегося с другими в своей отрасли, постоянно поджидает угроза провала, что нельзя успешно спроектировать железную дорогу, не учтя интересы параллельных дорог, и что таким же образом рабочие не смогут достичь успеха, пока тоже не научатся искусно пользоваться этой способностью.

Для резидентов, как и для многих, это было принятым суждением, но не рабочей формулой. В нем не было движущей силы убеждения. Резиденты пять лет жили в соседстве, в значительной степени занятом предприятиями по пошиву одежды, а это тотально дезорганизованная отрасль. Наблюдая за работающими в этой отрасли и сравнивая их с работниками организованных отраслей, они постепенно открывали для себя, что недостаток организации в отрасли ведет к трудовой беспомощности тех, кто в этой отрасли работает. Если во всех подразделах социальной, политической и коммерческой жизни обособленность – это ошибка, ведущая к тоске и апатии, то в промышленных делах обособленность – социальное преступление, ведь она ведет к гибели.

Процесс выведения из строя приносит истощение и страдание, а также неизбежно сопутствующий отчаянный моральный распад, пока потребность в организации в отрасли не приобретет мало-помалу моральный аспект. Выстраданное убеждение влечет за собой социальное обязательство.

Никакие отрасли не переполнены рабочей силой так, как швейное дело: швейная игла всегда была прибежищем неквалифицированной женщины. Заработки в пошиве одежды ниже, чем в любом другом занятии. Чтобы удовлетворять жизненным обстоятельствам работниц – недостатку мастерства и отсутствию упоря-

доченной жизни, – работа была разбита на части так, чтобы после того, как одежда покинет закройщиков, почти никаких умений уже не требовалось. Когда выкройки готовы, работа передается практически кому угодно, кто окажется под рукой и сделает ее за наименьшие деньги. Это разделение и низкая заработная плата зашли так далеко, что женщина, завершающая пошив дома в одиночку, может быть не в состоянии этим трудом заработать себе на жизнь. Резиденты Халл-Хауса тщательно исследовали много случаев и готовы утверждать, что итальянская вдова, доделывающая самые дешевые изделия, хотя и шьет с шести утра до одиннадцати вечера, может заработать этим лишь столько, сколько ей хватит на то, чтобы одеть и накормить своих детей, что же касается арендной платы и топлива, то в этом она всегда должна полагаться на благотворительность или гостеприимство своих соотечественников. Если швея-американка, содержащая себя одну, живет на бутербродах с маслом и чае, то по соседству обнаруживается богемка, чья диета, включающая черный хлеб и кофе, позволяет ей сбивать цену. Она конкурирует с чьей-нибудь женой, с готовностью берущейся за довершение пошива на дому, чтобы внести некоторую лепту в семейное благополучие, или с чьей-нибудь дочерью, берущейся за эту работу с целью заработать на свадебное платье.

Еврей-портной, мужчина с семьей на попечении, который, не будь этой конкуренции со стороны неквалифицированных женщин и девушек, мог бы зарабатывать столько, что на эти деньги могла бы существовать его семья, вынужден, чтобы хоть как-то ее обеспечить, привлекать своих маленьких детей к работе сразу, как только они научатся пришивать пуговицы.

Не помогает ему в трудовой ситуации и то, что вызвавшие ее женщина и девушка согласились на более низкие заработки, чтобы купить нужное для ребенка-инвалида или добавить что-то к заработкам пожилого отца. Мать, пришивающая 12 дюжин пуговиц за семь центов, чтобы купить своей дочери синий бант, или выполняющая отделку дюжины жилетов за пять центов, чтобы купить на них буханку хлеба своим детям, невольно совершает преступление против своих коллег по работе, хотя наши сердца, возможно, трепещут от восхищения ее героизмом и сжимаются от жалости к ее нищете.

Материнский инстинкт и нежная привязанность к семье – святейший атрибут женщины; но если она вступает в трудовую жизнь, его недостаточно. Она должна дополнить свою семейную совесть социальной и промышленной совестью. Она должна распространить свою семейную привязанность на всех детей сообщества. Она создает хаос в швейных промыслах, вступая с тем скудным багажом, который достаточен для семейной жизни, в трудовую жизнь.

Имеем ли мы вообще какое-то право ставить перед неподготовленными женщинами альтернативу: либо видеть страдания своих маленьких детей, либо усугублять промышленное состояние вплоть до того, что от этого страдают все дети сообщества? Мы, разумеется, знаем, каково было бы их решение. Но резиденты сеттльмента не ставятся перед этим жестким выбором, хотя часто бывает трудно требовать организации, когда они всем сердцем рвутся к тому, чтобы принести немедленное облегчение недоедающим детям в окрестном соседстве.

Если сеттльмент, таким образом, убежден, что в промышленных делах недостаток организации ведет к беспомощности обособленного работника и является угрозой всему сообществу, то он обязан взяться за промышленную организацию и ориентироваться на нее в направлениях своей работы. И в этой точке сеттльмент входит в то, что в более специальной лексике известно как рабочее движение.

Рабочее движение можно назвать согласованной попыткой работников всех отраслей добиться более справедливого распределения производимого продукта и обеспечить более упорядоченное существование для рабочих. Как сеттльмент может быть ценен для этих усилий?

Если замысел сеттльмента – не столько инициация новых мер, сколько братское сотрудничество со всем благим, что он находит в своем окружении, то самой очевидной линией действий будет организаторская работа через профсоюзы, являющиеся уже прочно сложившимся движением.

Профсоюзы говорят каждому рабочему: «Объединяйтесь с собратьями в своей отрасли. Пусть ваша профессиональная организация объединяется в федерацию со смежными профсоюзами, а те в свою очередь с Национальной и Международной федерация-

ми, пока трудящиеся не станут единым целым, готовым к согласованным действиям. Это единственный возможный способ не допустить урезания зарплат и регулировать продолжительность рабочего дня. Капитал организован и обладает влиянием, позволяющим поворачивать законодательство в его пользу. Мы разобщены и ничтожны, потому что не работаем сообща».

Тред-юнионизм, несмотря на многочисленные рытвины, в которые он падал, окружен аурой альтруизма. Долг сеттльмента, несомненно, состоит в том, чтобы придерживаться наилучшего идеала и привнести в него что-то от того духа, который характеризовал в последнее время профсоюзы в Англии. Эта верность идеалу – дело не столь легкое, как более практическая работа растущих профсоюзов, хотя и последняя достаточно трудна. Из двух женских профсоюзов, организованных в Халл-Хаусе, и из четырех, которые регулярно проводили в нем свои собрания, а также тех, которые приходили к нам в разное время в разгар проведения забастовок, только об одном я бы рискнула сказать, что он наполнен новым духом, хотя во всех них есть его отблески и во времена напряжения и беспокойства они даже стремятся к нему.

Наверное, исходя из ситуации, было естественно, что организованные в Халл-Хаусе профсоюзы относились к швейной отрасли. Весной 1891 г. организовались белошвейки. Непосредственной причиной было сокращение оплаты изготовления воротников и манжет на одной крупной фабрике с 25 до 12 центов за дюжину. Это предприятие было образцовым в плане санитарных условий, и единственной жалобой девушек, которые на нем работали, были длинный рабочий день и низкий уровень заработной платы. Стачка, которая последовала за образованием профсоюза, была совершенно провальной; но профсоюз, сформированный тогда, с тех пор процветал и в последнее время достиг такой силы, что недавно успешно добился принятия национальных маркировок.

Весной 1892 г. в Халл-Хаусе организовались пошивщики плащей. Заработки неуклонно падали, и среди работников воцарилось уныние. Число наемных работников в соответствующих мастерских быстро сокращалось, и работа всей этой отрасли передавалась потогонщикам. Этот профсоюз насчитывал 200 мужчин; но эти квалифицированные работники быстро вытеснялись необученными женщинами, которые без зазрения совести соглашались

на любую зарплату. Несколько лет мужчины призывали к организации, но им так и не удалось добиться ее среди женщин. Одним из непреодолимых, по-видимому, препятствий была невозможность подобрать помещение, кроме салуна, которое было бы достаточно большим и достаточно дешевым для проведения общего собрания. В салун же женщины идти категорически отказывались, за исключением одного раза, когда под давлением забастовки девушки из одной мастерской собрались с мужчинами из той же мастерской под крышей одного сравнительно пристойного салуна с тем единственным результатом, что по возвращении домой на них кинулись с упреками их домашние. И конечно, они отказывались идти туда еще раз. На первом собрании в Халл-Хаусе присутствовали мужчины и девушки, а также двое или трое из числа резидентов. Собрание стало откровением для всех присутствующих. Мужчины, которых было человек сорок, были портными русско-еврейского происхождения; многие из них не могли говорить даже на ломаном английском. Они были бедно одеты, чумазы и подозревали, что Халл-Хаус – это шпион, находящийся на службе у капиталистов. Это были квалифицированные рабочие, легко превосходившие девушек, когда дело касалось пошива плаща, но ведшие себя смущенно и скованно при встрече с ними. Американо-ирландские девушки были хорошо одеты и вели себя сравнительно непринужденно. Они чувствовали прикрытие в присутствии резидентов и оживленно разговаривали между собой. Эти две группы людей были собраны вместе только давлением на их профессиональное занятие. Их разделяли сильные расовые различия, язык, национальность, религия, образ жизни, каждое возможное социальное различие. Между двумя сторонами в комнате стоял в некоторой беспомощности переводчик. Он ясно понимал экономическую необходимость этой комбинации и сознавал всю взаимную зависимость сторон, но был озадачен социальным аспектом этой ситуации. Резиденты ощущали, что между этими мужчинами и девушками лежит более глубокая пропасть, чем пресловутый «раскол» между привилегированными и ущемленными классами. Сидящие перед ними девушки-работницы, которые были вынуждены пересечь такую пропасть, обладали явным преимуществом над рафинированной девушкой, которая сознательно и иногда ге-

роически пересекает данный «раскол», чтобы взяться за руки со своими трудящимися сестрами.

Между резидентами и девушками-работницами было гораздо меньше всякого рода различий, чем между мужчинами и девушками в одном занятии. Было зрелищем уже одно только обнаружение этого в американском городе, в новейших условиях профессиональной жизни. Рабочие люди в своем кругу вовлекаются под давлением экономической ситуации в социал-демократию. В ней представлен немаловажный просвещающий и развивающий аспект.

Профсоюз пошивщиц плащей никогда не был большим, но его всегда характеризовал дух великодушия, которым отмечена его организация. Ему присуще сильное чувство долга по отношению к самым малооплачиваемым и невежественным из жертв эксплуататоров-потогонщиков, и никто из рабочих людей Чикаго не сделал больше для упразднения потогонной системы, чем эта горстка женщин.

Но рабочее движение отнюдь не такое простое, как тредюнионизм. Сеттльмент находит в этом движении преданных людей, остро чувствующих потребность в лучшей отраслевой организации, но настаивающих на том, что отраслевая организация должна быть частью общей реорганизации общества. Индивидуалисты, например, убеждают, что мы никогда не добьемся равного распределения, пока у нас нет равенства возможностей, что нужно убрать все государственные и городские франшизы, все привилегии железных дорог, банков и корпораций, прежде чем конкуренция станет абсолютно свободной и шансы человека, которому нечего предложить, кроме своей рабочей силы, уравняются с шансами человека, предлагающего что-то другое, что, наконец, единственной функцией государства является обеспечение свободы каждого, охраняемой такой же свободой всех, и что каждый, вольный трудиться ради себя и собственной выгоды, будет, по этой формуле, помогать нашему промышленному развитию. Поэтому индивидуалист постоянно работает над отзывом франшиз и особых привилегий, добиваясь беспрепятственной игры сил каждого человека. В нашем наследии много такого, что отзывается на это, и у него есть последователи среди рабочих и среди капиталистов – как тех, кто боится ослабить стимул к индивидуальному

усердию, так и тех, кто считает вредным любое вмешательство государства. Резиденты сеттльмента слышат обращающегося с мольбами индивидуалиста на многих отраслевых собраниях. В противовес ему в дискуссиях каждый раз, когда он выступает, обнаруживается социалист во всех его разновидностях. Научный социалист читает своего Карла Маркса и видит постепенное и неизбежное поглощение всех средств производства и всего капитала единой сущностью, называемой сообществом. Он выдвигает веские аргументы; ведь обычно это немец или русский, повернутый на экономических обсуждениях и очень начитанный. В нынешней тенденции к концентрации капитала и росте трестов и монополий он видит неизбежный переход к социалистическому государству. Каждая концентрация капитала в руках немногих лишь умножает массу тех, чьи интересы противоположны сохранению его власти, и намного упрощает его конечное поглощение. Он заявляет, что у нас уже произошла трансформация разрозненной частной собственности в капиталистическую собственность и что она неизбежно должна превратиться в коллективную собственность. В прежних случаях у нас происходила экспроприация массы людей немногими узурпаторами; в последнем случае мы получим экспроприацию немногих узурпаторов массой людей. Он с гордостью указывает на мощную тенденцию к государственному регулированию транспорта и множества промышленных отраслей и требует законодательного ограничения и контроля в каждом пункте.

Между этими двумя расходящимися точками зрения мы находим много оттенков мнений и разновидностей философии; но, вероятно, изложения этих двух позиций, многократно слышанных нами из уст честных рабочих, будет достаточно, чтобы показать, как трудно порой бывает сеттльменту сохранять либеральный тон и решать, какие из ближайших мер отвечают интересам рабочего движения, а какие с ними расходятся.

Говорили, что воображение в Америке поочередно пленялось образами священника, солдата и юриста, последовательно занимавших политические посты. Теперь пришел черед экономиста, и человеком, получающим голоса и лидерство в политике, является тот, кто может предложить линию действий, которая бы создала порядок из нынешнего промышленного хаоса. Это может быть проиллюстрировано удивительным ростом движения за еди-

ный налог, предлагающего решительную исправительную меру. Разве это не значит, что наши замысловатые теологические затруднения как предметы долгосрочного обсуждения отброшены в сторону? Разве это не значит, что интерпретация Конституции и стандарт действий для законопослушных и добропорядочных граждан четко определились в людских умах? И что моральное предприятие каждого человека – ни в коем случае не его нравственность, но именно его моральное предприятие должно проверяться его установкой по отношению к промышленной проблеме? Решающий вопрос нашего времени следующий: «Какую позицию вы занимаете по отношению к нынешней промышленной проблеме? Довольны ли вы тем, что жадность, стяжание в ущерб другим и угнетение более слабого будут править вашей деловой жизнью и что в своей семейной и социальной жизни вы будете жить настолько по-разному? Довольны ли вы тем, что христианство больше не будет играть никакой роли в торговых и промышленных делах?» Коль скоро эти вопросы мучают всех нас, то сеттльмент непременно сталкивается с промышленной проблемой как с проверкой его на искренность, как с проверкой того, едины ли его интересы с всепоглощающими интересами тех, кто живет по соседству с ним. Должен ли он тогда принять кредо одной или другой из этих школ социальной мысли и работать на партию? Или есть какой-то основополагающий принцип, на который сеттльмент может опереться, как в своем христианстве он пытается опираться на что-то более первичное, чем католицизм или протестантизм? Может ли он найти заключенный здесь моральный вопрос? Есть ли какая-то этическая линия, которой его действие должно следовать? Возможно ли неторопливо взывать к более благородным фибрам души в людях и связать этот призыв с указанной традицией того, что справедливо и правильно?

Взгляд на рабочее движение показывает, что силы в нем отдавались в основном тому, что можно назвать негативным действием. Профсоюзы используют свою мощь для того, чтобы расстроить планы капиталиста, создать трудности для корпораций и общественности, втянутой, например, в железнодорожную забастовку. Это часто казалось единственным методом привлечения внимания к их требованиям; но в Америке, по крайней мере, они стали слишком уж ему доверяться.

Движение не может строиться на отрицании других актов: оно должно обладать позитивной силой, движущим и самоподдерживающимся мотивом. Моральную революцию не могут совершить люди, которые держатся вместе лишь потому, что все страдают от чувства ущемления и несправедливости; хотя такие люди могут ее начать.

Люди, движимые таким воодушевлением, могут организоваться для сопротивления, могут храбро сражаться плечом к плечу, могут разрушить то, что их ущемляет, но они не могут строить, ассоциироваться и объединяться. У них нет общей, коллективной веры. Рабочее движение в Америке несет на себе этот отпечаток своей юности и незрелости. Как первые общественные организации людей создавались ради военных целей, как они объединялись сначала для самозащиты или разгрома своих врагов и лишь позднее стали объединяться для созидательных целей и мирных начинаний, так и рабочие организации экипируются поначалу для промышленной войны и лишь много позже пытаются содействовать мирному промышленному прогрессу. Старейшие профсоюзы уже достигли этой высшей ступени развития, но те, что возникли в среде менее грамотных и квалифицированных рабочих, еще остаются воинственными и организуются на военной основе, и, к несчастью, именно они придают окраску всему движению.

То, что люди, несколько недель в году избыточно работающие, а все остальное время остающиеся в вынужденном безделье, отягощенном страхом голодной смерти, например сплавщики леса и швейники, слишком далеки от той размеренной жизни и того здравомыслия, в которых возможно спокойное привитие морального принципа, не подлежит сомнению. Так же несомненно и то, что нужно обеспечить более равномерный досуг и более спокойный душевный настрой, прежде чем чувство ущемленности перестанет быть всепоглощающей эмоцией. Поэтому рабочее движение обязано бороться за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы и регулярности работы, чтобы до индивидуального работника могли дойти образование и моральная реформа и чтобы объединение могло перейти на более широкую основу и обрести более высокий братский аспект. Но, обеспечивая средства, оно не желает терять из виду цель, и оно не обретает ни успеха, ни даже с необходимостью зачатков такого успеха, когда эти первые

цели достигнуты. Сделать такую ошибку легко. Рабочий человек рождается и воспитывается в некотором дискомфорте, которого, как он уверен, богатый человек с ним не разделяет. Он постоянно чувствует ущемление, исходящее от необузданной власти; он осознает, что его лучшие силы обречены снова и снова двигаться по кругу, очерченному для него трудовыми возможностями, и он неизбежно переоценивает обладание богатством, досугом и образованием. Сохранение чувства меры для него почти невозможно.

Сеттльмент может быть ценен, если сможет принять более широкую и устойчивую точку зрения, чем всегда возможная для рабочего, страдающего от чувства несправедливости, или для капиталиста, который стремится лишь «утихомиривать», невзирая на историческую значимость происходящего, и настаивает на неотчуждаемом праве «вложенного капитала» давать отдачу на уровне как минимум четырех процентов, игнорируя людские страдания. И тому и другому можно напомнить о смысле более широкого развития.

Столетие тому назад в народных массах возник неукротимый порыв, восходящее движение к участию в политической жизни, бывшей до этого жизнью привилегированных. Всеобщего избирательного права требовали не только как священного права, но и как средства вхождения в солнечный свет свободы и равенства. На исходе нынешнего столетия мы наблюдаем схожее требование со стороны рабочих, но на этот раз это требование своей доли в результатах труда.

Это стремление выйти в солнечный свет Процветания. Как лидеры политической демократии переоценивали обладание избирательным правом и считали, что оно принесет рабочим блага, которых оно в итоге не принесло, так, несомненно, и лидеры рабочего движения переоценивают обладание богатством и досугом. Маззини был вдохновенным пророком политической демократии, проповедовавшим скорее обязанности и ответственность, чем права и представительство; Арнольда Тойнби мы могли бы назвать пророком второго из названных процессов, когда мы утверждаем, что задача рабочего движения – истолкование демократии в промышленных делах. В своем замечательном заявлении, озаглавлен-

ном «Промышленность и демократия»[1], Тойнби выводит на передний план борьбу между хозяевами и работниками времен промышленной революции. Тогда получили развитие два идеала в отношении связи между работодателем и наемным работником. Один из них представил, страстно к нему призывая, Карлейль. Он утверждал, что долг богатого фабриканта не заканчивается «денежными отношениями» и что после того, как он заплатил своим людям за труд, он должен еще оберегать их в болезнях, защищать их в несчастьях и не увольнять их, когда дела идут плохо. Словом, богатые у него должны править и защищать бедных. Однако сами рабочие, или народные массы, приняли другой идеал: они стали мечтать о времени, когда перестанут нуждаться в защите и когда каждый рабочий встанет с работодателем в один ряд – как свободный гражданин свободного государства. Каждый рабочий требовал уже не классовой защиты, а политических прав. Он желал быть единицей – не в том смысле, чтобы быть обособленным, а в том, чтобы он мог объединиться в более полный союз сначала с другими рабочими, а затем и со всем народом. Тойнби вопрошает: кто прав – Карлейль или народ? И отвечает, что прав народ: «Люди, страдающие от голода и деформированные тяжелым трудом, мечтали о том, что демократия принесет им избавление». И демократия принесла его, но не в промышленности. Она превратила споры о заработной плате из социальных распрей в деловые переговоры. Она смела отчуждающие классовые элементы подозрительности и высокомерия. «Она постепенно покончила с бытовавшей среди хозяев феодальной идеей, что они будут договариваться со своими людьми каждый раз поодиночке, отказывая им в выгодах объединения». Примечательно, что в Америке, где в основу правления положен принцип представительства, капиталист совершенно не спешил предоставить рабочим это право, упорно отказывался вести дело с «захожим делегатом» и до сих пор настаивает, что никакой «человек со стороны» не может представлять людей с его предприятия.

Мы должны научиться доверять нашей демократии, какой бы она ни казалась чудовищной и угрожающей в своей грубой си-

[1] *Toynbee A.* Industry and democracy // *Toynbee A.* Lectures on the Industrial revolution in England. – L.: Rivingtons, 1884. – P. 178–202. – *Прим. пер.*

ле и неиспытанных применениях. Когда английский народ требовал хартии, английские дворяне предсказывали, что право голоса будет использоваться для затевания всякого рода дикостей и для опрокидывания давно установленных обычаев; так и капиталист сегодня порой полагает, что более высокие заработки будут лишь растрачиваться в питейных заведениях. В обоих случаях не принимается в расчет отрезвляющий эффект ответственности, заключенный в образовании и развитии, которые ныне входят в более широкую жизнь.

Пытаться привязать движение к сознанию его исторической ценности для развития человечества, наверное, не труднее, чем удерживать перед его взором более широкие этические цели. У рабочих, достигающих лидерства в движении, несомненно, имеется склонность давать волю индивидуальным амбициям, как и у капиталистов – почитать классовые интересы и уступать только там, где уступок не избежать. Эту склонность, с одной стороны, давать волю амбициям, а с другой – идти на уступки перед угрозами, можно еще дополнительно проиллюстрировать.

Общеизвестно, что бедный человек, становясь богатым, становился для бедняков тираном. Но когда такой человек был еще беден, его сердце было глухо к собратьям по положению, а его глаза – слепы к эксплуатации их и его самого. Ведь в глубине души он надеялся однажды разбогатеть и заняться эксплуатацией. Он втайне одобрял действия своего хозяина и говорил: «Я делал бы то же самое, если бы был им».

Рабочие говорят иногда, что богатые не услышат жалобы бедных, пока те не перерастут в угрозу и не станут внушать мысли о крахе, и что тогда они бросают работникам как подачку часть продукта, чтобы сберечь остальное.

Как склонность к войне показывает примитивное состояние рабочего движения, так и этот раскол по классовым линиям обнажает его нынешнюю неразвитость. Разделение общества на гигантские батальоны с синдикатами и корпорациями со стороны капитала и профсоюзами и федерациями со стороны труда разбивает мир на два враждебных лагеря и отбрасывает нас в классовую войну и классовые ограничения. Весь наш опыт говорит нам, что ни один вопрос цивилизации не прост так, как этот, и мы не можем больше решать наши проблемы, всего лишь доблестно сражаясь.

Тут вспоминается наше детское представление о жизни: что Добро и Зло, вступая в битву, ясно раскладываются на два раздельных воинства и что присоединение к воинству Добра и доблесть в бою являются решением всех проблем.

Однако сама жизнь не учит нас ничему более неизбежному, чем то, что добро и зло самым непоправимым образом смешаны, что самое черное зло находится с нашей стороны и в наших собственных мотивах, что добро не слепит нам в глаза своим расходящимся сиянием, а должно быть найдено на путях терпения, разборчивости и беспристрастности. Мы перестаем ловить ухом победный сигнал рожка, предвидимый нашим детским воображением, и узнаем, что лучшие наши победы достигаются посреди неверия в себя и что развевающееся знамя триумфа рано или поздно падает во прах под весом самодовольства. Возможно, когда рабочее движение станет старше и более зрелым, оно перестанет так жестко делить всех людей на капиталистов и пролетариев, на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Возможно, мы еще будем живы и напомним его лидерам в позднейшие годы, как талантливо напоминала нам Джордж Элиот, что путь, нравящийся всем нам на заре нашей юности, – это путь мученичества и долготерпения, где растут лавры, но что позднее мы учимся восходить по крутой тропе терпимости, справедливой снисходительности и самообвинения, где никто не возложит на наше чело лавровый венок. По мере того как рабочее движение взрослеет, его лидеры могут усваивать более широкий этический взгляд на вещи, который всегда дается подлинным опытом, и у них может появиться шанс действовать, избавившись от давления угроз и амбиций. Им нечего будет приобрести или потерять, кроме того, что они будут подниматься или падать вместе со своими товарищами. Поднимая массы, люди могут иметь мотив, многократно превышающий в силе мотив к промышленному успеху, подобно тому как сила, вздымающая солнце над горизонтом, превышает силу, рождаемую толкающим снаряд порохом.

Слишком ли смело надеяться, что как сейчас лучше организованные и более старые профсоюзы быстро признают солидарность труда и действуют на основе буквального понимания братства, так они и позже воспримут более широкую солидарность, включающую труд и капитал, и будут действовать на основе поня-

тия всеобщего родства? Что в этом более широком взгляде на жизнь не может быть восприятия никаких «сторон» и никаких «боевых рядов»? В свете развитой социальной совести «забастовка солидарности» может критиковаться не потому, что она слишком широкая, а потому, что она слишком узкая и потому что забастовка – всего лишь затратная и негативная демонстрация этического товарищества. Летом 1894 г. чикагские профсоюзы русско-еврейских пошивщиков плащей, немецких наборщиков и богемских и польских мясников бастовали в знак солидарности с Американским союзом железнодорожников, отстаивающим, как они полагали, дело принципа. Не предвещает ли такое событие, сколь бы нескладными и неутешительными ни были его результаты, время, когда ни одному фабричному ребенку в Чикаго нельзя будет навязать переработку и недоплатить без протеста со стороны всех добропорядочных граждан – капиталистов и пролетариев? Такой протест основывался бы на столь сильном этическом чувстве, что оно легко преодолевало бы деловые интересы и классовые предрассудки.

Манифестации рабочего движения беспорядочны и несвоевременны ввиду самой мощи его движущей силы. Сеттльмент не пугается и не впадает в тревогу, видя на рабочих митингах, собраниях и в турбулентных сборищах людей, которые

> Лапают правду на ощупь похотливыми, мозолистыми руками
> И высматривают вокруг Бога налитыми кровью глазами, –[1]

хотя неуклюжие руки, возможно, всерьез нарушают некоторые принятые условности, какой-нибудь крепкий слепец опрокидывает мебель, а налитые кровью глаза могут быть дики и фанатичны. Сеттльмент недостоин своего призвания, если он слишком робок или глуп в толковании этого облапывания и глазения. Но сеттльмент должен быть напуган и должен немедленно действовать, когда руки ищут не правды, а просто чего-нибудь, что можно было бы опрокинуть, когда глаза ищут не Бога, а Маммону, – а к тому и другому есть естественная предрасположенность.

[1] Так у автора. – *Прим. пер.*

Сеттльмент вполне может впасть в тревогу, когда видит рабочих, с апатией относящихся к высшим мотивам и думающих только о стратагемах, позволяющих перехитрить капиталистов, или когда рабочие оправдывают себя в использовании низменных мер, говоря, что они усвоили эти уроки, поданные им другой стороной. Такая установка сразу уводит движение от превращения в борьбу, и единственным судьей, который остается между противниками, должна быть, в конечном счете, сила. Классовые интересы становятся правящей и движущей силой, и сеттльмент, с логической точки зрения, становится бесполезен любой из сторон. Его симпатии естественным образом сильно впутаны в такую борьбу, но чтобы быть ценным, он должен сохранять ясность суждений в отношении конечного этического результата, а это требует восприимчивости и подготовки.

К счастью, в каждом действии можно вычленить его постоянные и преходящие аспекты. Преходящий аспект забастовки – гнев и выступление против работодателя, а также очень часто горечь неудачи. Постоянный же аспект – это связывание бастующих узами ассоциации и братства, а также достижение более демократичной связи с работодателем; и именно благодаря растущему чувству братства и демократии в рабочем движении мы видим в нем растущее могущество этики.

Отсюда ясен долг сеттльмента: он состоит в том, чтобы удерживать это движение от перерастания, в любом смысле, в классовую войну. У рабочих в темпераменте присутствует некоторое ожесточение, как унаследованное, так и взращиваемое условиями их жизни и ремесла, но им нельзя позволить себе лелеять классовое ожесточение, если они хотят, чтобы рабочее движение достигло своих высших возможностей. Классовая работа для одного класса и против другого класса предполагает, что внутри него самого должны быть ремесла, работающие для ремесел, и индивиды, работающие для индивидов. Всеобщий характер движения при этом исчезает с самого начала и не может быть обретен, пока не будет принят всеохватывающий идеал.

Один автор недавно привлек внимание к тому, что положение классов, обладающих властью, – т.е. капиталистов, как мы только что их называли, – постепенно подрывается разлагающим влиянием колоссального объема альтруистического чувства, кото-

рым оснащено общество, что именно в этом фонде альтруизма мы находим движущую силу, которая постепенно наделяет все классы правом голоса и все больше настаивает на равенстве условий и возможностей. Если принять это объяснение социальных и политических движений нашего времени, то отсюда становится ясно, что рабочее движение находится в самом основании этического движения и служит манифестацией упорядоченного развития человеческого рода.

Сеттльмент обязан настаивать на единстве жизни, собирать в себе все чувство справедливости, находимое в его соседстве и, насколько возможно, в его городе, работать не на улучшение одного вида людей или класса людей, а на общее благо. Сеттльмент считает, что в точности как люди, лишенные товарищества обстоятельствами или законом, скатываются в ту жестокость, из которой они вышли, так и любой класс или множество людей, лишенных товарищеской связи целого, становятся в силу этого децивилизованными и искалеченными. Ни одна часть общества не может позволить себе обойтись без других.

Следовательно, сеттльмент, во-первых, призывает к такой организации рабочих, которая обеспечила бы им как можно больше свободного времени и упорядоченной жизни для осуществления высших жизненных целей; во-вторых, он должен прилагать постоянные усилия к тому, чтобы донести до рабочего движения сознание его исторического развития; и, наконец, он выводит на первый план высшие этические цели этого движения.

Отчаяние рабочего движения, как давно и по другому поводу говорил Маззини, в том, что мы разорвали великое и прекрасное знамя Демократии. Каждая партия ухватила какой-то его лоскуток и шествует с ним так гордо, словно это все знамя, отвергая и не удостаивая взглядом другие.

Именно это чувство презрения к любому классу людей или виду людей в сообществе опасно для рабочего движения и делает его классовой мерой. Оно атакует его демократический характер и подменяет неукротимую силу человеческого прогресса партийным энтузиазмом. Рабочее движение должно включить в свои чаяния всех людей. В нем должна утвердиться общность универсального товарищества. Любая капля желчи в его чаше причащения фатальна. Всякая глубоко затаившаяся обида на капиталиста, всякое же-

лание «поквитаться», когда богатство будет переходить из рук в руки, – это всего лишь старые переживания людского эгоизма. Всякое чувство ущемленности должно отпасть и раствориться в сознании общего братства. Если функция сеттльмента – настаивать на универсальности самого лучшего, то нигде его влияние не нужно настолько, как в рабочем движении, где есть постоянная склонность к классовой войне.

Пер. с англ. *В.Г. Николаева*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА[1]

Казакова А.Ю. 02.011
Павлюченко А.А. 02.009
Раренко А.А. 02.002
Торотоева А.М. 02.004
Ядова М.А. 02.001
Addams J. 02.017
Angel P. 02.003
Bonnet E. 02.007
Cairns D. 02.006
Cohen M. 02.015–016
Cooke S. 02.015–016
Da Silva F.C. 02.012
Dewi I G.A.M. 02.008
Eom K. 02.018
Escalante J.C. 02.005
Futter A. 02.015–016
Hu Aihua 02.006
Jenkins A. 02.003
Jiménez J. 02.005
Kim H. 02.018
Komalasari Y. 02.008
McAreavey N. 02.014
Pasetti F. 02.013
Pietropaoli K. 02.007
Rahyuda A.G. 02.008
Rapport A. 02.015–016
Shin J. 02.018
Stephens A. 02.003
Suh E. 02.018
Supartha W.G. 02.008
Vayre É. 02.010
Verley E. 02.007
Veenhoven R. 02.017
Vieira M.B. 02.012

[1] В номерах рефератов алфавитного и предметного указателей год издания (2020) опущен.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
(№ 2, 2020)

Безопасность (проблема) 02.015–016
Большие данные 02.009

Гендерные исследования 02.008
Геополитика 02.015–016
Городская среда 02.017

Дауншифтинг 02.004

ЕС страны 02.013, 02.014

Интернет 02.016
Информационно-коммуникативные технологии 02.009, 02.010

Качество жизни 02.017

Международные отношения
– США 02.015–016
– Великобритания 02.015–016
Межнациональные конфликты 02.014
Места памяти 02.014
Мигранты
– европейские страны 02.013
Мобильность населения 02.004, 02.006, 02.013
Молодежь 02.006, 02.007

Новые технологии
– социально-экономические последствия применения 02.009, 02.010

Образ жизни 02.004
Образование 02.005, 02.006, 02.007
Общество риска 02.001

Политическая активность 02.013, 02.014
Политическая система 02.011, 02.013, 02.014
Популизм (полит.) 02.012

Рабочее движение 02.017

Сепаратизм 02.014
Солидарность социальная 02.017
Социальная активность 02.017
Социальная психология 02.008
Социально-психологические барьеры 02.008
Социальные движения 02.017
Социальные ресурсы 02.006
Социальный активизм 02.017
Социология
– теории, направления, концепции 02.001
Социология города 02.017
Социология жилища 02.011
Социология ИКТ 02.009, 02.010

Социология миграции 02.013
Социология образования 02.005, 02.006, 02.007
Социология политики
– европейские страны 02.013, 02.014, 02.015–016
– США 02.012, 02.015–016
Социология счастья 02.017, 02.018
Социология труда 02.003, 02.004, 02.005, 02.006, 02.007, 02.008, 02.010, 02.017
Счастье 02.017, 02.018
Стереотипы социальные 02.008

Успех 02.001, 02.002, 02.003, 02.004, 02.005, 02.006, 02.007, 02.008

Цифровое общество 02.009, 03.010

Составитель: *М.А. Ядова*

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Реферативный журнал

Серия 2

СОЦИОЛОГИЯ
2020 № 2

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 19.05.2020 г.

Формат 60×84/16	Бум. офсетная №1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 8,5	Уч.-изд. л. 6,7
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–110 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У